

ВЛАДИМИР КОРЧАГИН

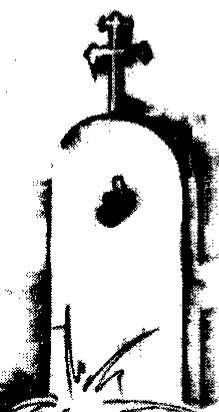

**ЖЕНЩИНА
В ЧЕРНОМ**

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНОМ

научно-фантастический
роман-детектив

АБ

ИЗД.

ЧЕЛНОВИЧ

ЧЕ

Он обратил на нее внимание случайно, лишь потому, что в читальном зале, где ему довелось работать, она села за соседний столик, у окна, сквозь которое он привык любоваться университетским парком. Там, за окном, росла плакучая береза, и когда он смотрел на шепчущую под ветром листву, мысли его текли особенно целенаправленно и четко. Может быть, так ему только казалось. Но так было всегда, с первого дня, как он, Никита Гамов, аспирант кафедры геофизики, сдал последний экзамен кандидатского минимума и засел за диссертацию. Белоствольная красавица, несомненно, помогала острее мыслить.

Но где-то неделю назад, когда он в очередной раз столкнулся с трудноразрешимой проблемой и, как обычно, повернул голову к окну, чтобы, глядя на любимое дерево, еще раз прикинуть все возможные варианты решения, березы как не бывало: ее заслонил тонкий девичий профиль.

Он даже чертыхнулся с досады: «Нашла где сесть в почти пустом зале!» И, как нарочно, именно сейчас, когда остались считанные дни до заседания кафедры, где должна решаться судьба диссертации. А впереди еще уйма расчетов. И в каждом – какой-нибудь подвох, как вот теперь, на этой Верхнегорской площади, будь она неладна!

«Откуда взялась здесь уплотненная зона цементации, когда нет и следов выщелачивания в вышележащих пластах?» – он снова поднял глаза к окну и снова вместо привычно зеленеющей листвы увидел лишь склоненную к столу голову так некстати появившейся соседки.

»- «Да что ей, в самом деле, места не нашлось, кроме как за этим столом?!» – он шумно кашлянул и заерзал на стуле, всем своим видом стараясь выразить недовольство столь неприятным соседством. И тут же словно увидел себя со стороны: худой, нескладный, с непослушным, вечно взлохмаченным вихром светло-пшеничных волос и задорно вздернутым носом под упрямо поблескивающими васильковыми глазами, он напоминал сейчас, наверное, молодого взъерошенного петушка. Стоило ли выставять себя в столь неприглядном свете?

Он снова покосился на незнакомку. Но та, похоже, не обращала на него ни малейшего внимания.

«Тоже мне цаца!» – Никита решительно отвернулся от упорно не желающей замечать его недовольства девицы и, мысленно наградив ее двумя-тремя не очень лестными эпитетами, принялся заново анализировать все данные геофизической съемки.

Наконец проблема была решена: зона выщелачивания была попросту размыта последующей эрозией. И Никита с легким сердцем перешел к следующей площади.

Однако на другой день повторилось то же самое. Потом снова и снова. Упрямая незнакомка, видимо, основательно облюбовала место у «его» окна.

Вначале это не вызывало ничего, кроме раздражения и досады. Но постепенно он смог рассмотреть, что нарушительница его «делового комфорта» выгодно отличается от многих других студенток и аспиранток, заполняющих читальный зал естественного факультета. Прежде всего тем, что сидит всегда одна и не тратит времени на перешептывания с соседями и перелистывание иллюстрированных журналов. Кроме того, в стопке лежащих перед ней книг, как заметил Никита, выделялись корешки с надписями на английском и немецком языках. Не менее интригующим был и подбор литературы, с которой работала незнакомка: помимо известных Никите книг по философии и политэкономии, над которыми обычно сидели студенты, она регулярно просматривала новинки биологии, биохимии, иммунологии. К тому же у нее были огромные, очень умные и очень печальные глаза, удивительно длинная, тонкая, словно просвечивающая шея и крохотная родинка на щеке, которая почему-то и делала ее особенно привлекательной.

Словом, со временем он не только смирился с появлением столь неординарной соседки у «своего» окна, но не мог уже представить, как можно успешно работать, не взглядывая от

случая к случаю на узкие острые плечики и аккуратно причесанную головку, низко склонившуюся над книгой или журналом. К концу недели он, вопреки собственным прогнозам, закончил почти все расчеты по перспективным площадям, а главное – почувствовал вдруг, что как-то само собой исчезли все сомнения в успешной защите диссертации, пропал даже страх перед предстоящим обсуждением ее на заседании кафедры, где, как он знал, маститые «зубры» не пожалеют желчи, чтобы опорочить идею, которая давно стала поперек горла ревнителям старых добрых методов нефтепоисковых работ. Нет, он не преисполнился благодушной надеждой, что его оппоненты сменят гнев на милость и откажутся от своих взглядов. Он просто уверовал теперь, что у него хватит сил и напористости, чтобы разбить все их доводы и убедить в своей правоте даже самых упрямых скептиков и ретроградов. Мало того, он только теперь не без удивления заметил, что в распахнутые настежь окна врывается дурманивший аромат цветущей сирени, что на клумбах в парке раскрылись пунцовые чашечки тюльпанов и золотисто-белые венчики нарциссов, что воздух там звенит от безумолчного гомона птиц, а яркая радуга над фонтаном подобна россыпи самоцветов, брошенной на бескрайнюю синь пронизанного солнцем окоема.

И все это светлое, звонкое, волнующее разом ворвалось в его сознание только потому, что рядом с ним всего в двух шагах от него облюбовала себе место совсем незнакомая девушка с печальными глазами.

Не смея признаться себе в этом, Никита только и ждал теперь, когда она появится в дверях читального зала, взгляд его все чаще и чаще обращался к соседнему столику, мысли все настойчивее вращались вокруг обладательницы голубовато-серых глаз, а работа никогда еще не шла так успешно и не доставляла столько радости и удовлетворения, как теперь, с появлением таинственной незнакомки.

И вдруг она исчезла. Исчезла так же неожиданно, как и появилась. Однажды утром место за ее столом у окна оказалось пустым. Пустым оно оставалось в течение всего дня. "И весь следующий день. И третий, и четвертый...

Перед глазами Никиты вновь шелестела листвою красавица береза. Но – странное дело – теперь это не только не приносило привычного чувства комфорта, напротив, вызывало целую бурю беспокойства и тревоги. Работа опять застопорилась. Снова вернулись сомнения и страхи. Даже краски весны поблекли в его глазах, а в длинный, узкий, как пенал, читальный зал будто солнце перестало заглядывать – так стало здесь мрачно и темно.

«Где она? Где? – неотступно сверлила одна мысль. – Сдает экзамены? Уехала на каникулы? Пересела на другое место?»

Но тщетно обводил он глазами длинные ряды столов в надежде увидеть «свою» незнакомку хоть в самом дальнем углу зала. Ее не было нигде. Не подошла она и к концу недели, не появилась и после воскресного дня.

Что же с ней случилось? Никита не знал что и подумать. Нет, он решительно не мог больше работать. Нужно было непременно выяснить, что произошло. Но как? Каким образом? Он не знал ни ее имени, ни фамилии. Он не знал о ней абсолютно ничего.

2

Так прошло еще несколько дней. Они показались Никите вечностью. Он не мог уже не только работать, он не мог ни есть, ни спать. Правда, по-прежнему ежедневно ходил в читальный зал и просиживал здесь с утра до вечера, но теперь с одной лишь целью – снова увидеть пропавшую незнакомку. В голову не приходило ни одной дельной мысли. Временами он не мог даже уловить смысл читаемой статьи. А однажды, измученный бессонницей по ночам, чуть не задремал над раскрытой книгой. Зато когда открыл глаза и по обыкновению взглянул на соседний столик, то чуть не вскрикнул от радостной неожиданности.

Там, за так долго пустовавшим столиком склонилась над книгой она, его таинственная незнакомка. Но что так изменило ее? Лицо девушки было бледным, осунувшимся, глаза слезились, мелкие капли пота выступили на лбу. Она явно боролась с каким-то недомоганием.

Никита вскочил с места и, не давая себе подумать, как это может быть воспринято с ее стороны, подошел к соседнему столику.

– Простите, вы так долго не появлялись... – выпалил он первое, что пришло в голову. – Вы болели? Вам и сейчас плохо? Может, я мог бы чем-то помочь?

Девушка подняла на него глаза и с минуту молчала, словно раздумывая, стоит ли отвечать совершенно незнакомому человеку. Потом тихо произнесла:

– Да, мне нехорошо... Зря я сегодня пришла сюда. Надо было еще дня два посидеть дома. А теперь вот... – она провела рукой по пылающему лбу. – Как вспомню этот переполненный автобус! А идти одной пешком...

– Так, может, проводить вас?

– Если вас не затруднит... Это недалеко, в академгородке.

– О чем речь! Пойдемте. А книги ваши я сдам, можете не беспокоиться.

Выйдя из библиотеки, Никита взял ее под руку, и несколько минут они шли молча. Потом Никита спросил:

– Ну, как вы?

– Сейчас, на воздухе, получше. Теперь я смогу, пожалуй, дойти одна.

– Нет-нет, я доведу вас до дома.

– Но вы теряете со мной время, а ведь... Я видела, как вы усердно работаете. Вы аспирант?

– Да, сижу над диссертацией. Почти кончаю. А вы?

– Я еще только на четвертом курсе.

– Химфака или биофака?

– Ни то, ни другое. Я на истфилфаке.

– Вот как?! А я думал... Но как же все эти книги по химии и биологии?

– Это для деда. Я живу с дедом. Он старенький, почти никуда не ходит, но продолжает свои исследования. И мне приходится делать для него выписки из свежих публикаций. Поэтому я вынуждена иногда заниматься в вашем читальном зале.

– Только иногда?

– Да. Но вообще-то я часто заглядываю сюда. В наш филологический нужна деду литература почти не поступает. И потом... Мне просто нравится работать в вашем зале. Сама обстановка нравится: нет лишнего шума, суеты, все заняты делом. Не то что у нас, на филологическом...

– Вы правы, нам, естественникам, не до лишних разговоров. А ваш дед... Он, значит, научный работник?

– Он доктор медицины. Работал в институте иммунологии, но несколько лет назад почему-то рассорился со своими коллегами и теперь работает только дома. Вот мне и приходится...

– Понятно. А ваши родители?

Их нет. Они погибли, когда я была совсем маленькой.

– И теперь остались одна с дедом?

– С нами живет еще тетка, сестра папы, и один дальний родственник. Но вот мы и пришли, – остановилась она возле калитки в высоком плотном заборе, окружающем большой двухэтажный коттедж. – Спасибо вам огромное! И не забудьте про мои книги.

– Как можно?! Сдам сразу, как вернусь. Но я не знаю даже вашего имени.

– Инга. Инга Гридина. А вы? Никита назвал себя.

– Никита! – воскликнула она, окинув его быстрым взглядом. – Да вы, оказывается, тезка моему отцу. И вообще...

Недаром я так сразу... – она почему-то смутилась и поспешно добавила: – Он был очень добрым, мой папа. – А дед?

– Дедушка тоже добрый, но иногда бывает каким-то... странным.
– Как это странным? – не понял Никита.
– Это долго объяснять, а я сегодня... Мы еще поговорим о нем как-нибудь после. А сейчас, простите, я пойду.
– Да, конечно. До свидания, Инга!
– Всего вам доброго, Никита!
Она скрылась за калиткой. А он постарался рассмотреть полустертую надпись на позеленевшей табличке, что была укреплена над узкой прорезью в заборе:

Академик Гридин Лев Яковлевич. Для писем и газет»

– Академи-и-ик! – невольно присвистнул Никита. – А впрочем... Академик Гридин... Академик Гридин... – несколько раз повторил он вполголоса. – Что-то я слышал об этом академике Гридине, что-то недоброе, почти мистическое, только не помню что... – Он еще раз окинул взглядом массивный особняк, все окна верхнего этажа в котором были почему-то задернуты плотными шторами, и собрался уже идти обратно, как вдруг почувствовал, физически ощутил, что кто-то стоит у него за спиной. Он быстро обернулся и увидел в десяти-двенадцати шагах от себя женщину в черном. Черным было ее длинное, сильно расклешенное платье с неестественно широкими рукавами, черной была плотная пелерина, покрывающая плечи и спускающаяся чуть не до самого пояса, черным был странный головной убор в виде капюшона, полностью закрывающий голову, большую часть лица и шею до самого подбородка. В узком прорезе его можно было видеть лишь иссиня-бледный нос, скорбно опущенные глаза и сморщенные, старчески поджатые губы. Женщина стояла совершенно неподвижно, точно изваяние, и, казалось, застыла в горестном молчании, с тоской и болью посматривая на него, Никиту. Все это было настолько необычно и непонятно, что он вздрогнул от неожиданности и невольно попятился назад, не зная, что и подумать об этом невесте как появившемся видении. Лишь несколько минут спустя до его сознания дошло, что это, должно быть, монахиня. Но монахиня здесь, в академгородке! Может ли быть такое? Между тем женщина повернулась к нему спиной и все так же молча, не оборачиваясь и не меняя согбенной позы, медленно пошла по направлению к лесу. Никита выждал, когда она скроется за деревьями, и лишь после этого отправился обратно в библиотеку. Мысли его, естественно, продолжали вращаться вокруг миловидной соседки по читальному залу. Но теперь к чувству все возрастающей симпатии к этой во всех отношениях незаурядной девушке все больше примешивались всплески какой-то неясной тревоги, безотчетной настороженности, связанной как с личностью академика Гридина, так и с появлением загадочной монахини. Впрочем, не могло быть сомнения, что одно тесно связано с другим, ибо трудно было допустить, что монахиня чисто случайно появилась именно здесь, перед дачей академика. Причем появилась и исчезла, не сделав ни малейшей попытки пройти на дачу. Или ей помешало присутствие его, Никиты, – она не захотела сделать это в присутствии свидетеля? Но в таком случае можно было уйти, увидев его еще издали, а не подходить к нему почти вплотную. Что все это могло значить? И что за человек академик Гридин? Как жалко, что в свое время Никита не обратил внимания на то, что говорилось о нем. Кто мог теперь хоть немного прояснить этот вопрос? Разве Олежка-физик? Конечно, Олежка! Как он сразу не вспомнил о нем? Олег Шевцов, лучший друг Никиты и его коллега по аспирантуре, был не просто старожилом академгородка. Здесь он родился, окончил школу, университет. Отец его по сей день работал в одном из институтов академии. Так что о любом здешнем академике Олег мог знать больше, чем кто-либо другой.

– Знаю ли я академика Гридина? – хмыкнул Олег, выслушав Никиту. – Еще бы не знать! Чего только не болтали о нем в свое время. Да и теперь он у всех на слуху. Мелют, кто во что горазд! Чаше всего чепуху страшнейшую. Но дыма без огня, как говорится, не бывает.

– Что же говорят об академике?

– Говорят всякое. Но все сводится к одному. Он, видишь ли, лет десять-двенадцать назад был директором института иммунологии и занимался в основном генной инженерией. В Европе и в Америке, как ты, наверное, слышал, в этой области были получены прямо-таки потрясающие результаты, ряд исследователей вплотную подошли к целенаправленному изменению генотипа человека. Представляешь, что это могло означать на практике? Тут можно такого наворотить! И тогда группа американских биологов-экспериментаторов, лауреатов Нобелевской премии обратилась ко всем ученым Земли с призывом наложить вето на любые исследования подобного рода. Обращение было принято почти во всех странах Запада. Ну а у нас в России вроде бы и запрещать было нечего. Хотя тот же Гридин, разработав свою собственную методику, добился, говорят, впечатляющих результатов. Естественно, его коллеги по институту, лучше других знавшие уровень исследований Гридина, потребовали, чтобы тот тоже прекратил свои работы. Гридин – ни в какую! В спор вмешался президиум филиала академии. Гридин не подчинился и ему. Тогда президиум снимает Гридина с поста директора института. В ответ Гридин вообще покидает институт и замыкается у себя дома. Теперь о работах академика не знает никто. Может, он прекратил их, а может, наоборот, добился еще больших успехов. И вот поползли слухи, один страшнее другого. Наши люди ведь как – чем меньше знают, тем больше у них чешется язык. Сначала заговорили о том, что Гридин, аки Христос Бог, безруких и безногих излечивает, потом, что Гридин изобрел такое средство, которое гарантирует чуть ли не вечную жизнь, наконец, что Гридин в своем особняке каких-то искусственных суперменов фабрикует...

– Создает искусственных людей?! – воскликнул Никита, перебивая Олега. – А впрочем... Я вспоминаю теперь, что сам слышал о нем нечто подобное. Но ведь это...

– Я говорю, чепуха бесподобнейшая! И все-таки... Кто знает, что он, в самом деле, маракует там, в своем закрытом ото всех особняке? Кстати, видел бы ты этот особняк! Крепость, а не коттедж!

– Да, пожалуй... – неопределенно протянул Никита.

– Вот я и говорю, – все больше воодушевлялся Олег, – там можно не то что суперменов, ихтиозавров выводить! Была бы злая воля. Недаром американцы восстали против такого рода экспериментов. И я, честно говоря, не понимаю позиции Академии наук. Меня просто поражает такое попустительство филиала по отношению к Гридину. Президиум должен был потребовать от него письменного обязательства прекратить все исследования по изменению генотипа человека. А вместо этого: сиди в своем шикарном государственном коттедже, получай громадную академическую зарплату и делай что твоей душе угодно, вплоть до любых запретных опытов.

– Но разве каждый академик имеет на это пожизненное право?

– Если бы только на это! Но почему тебя так заинтересовал именно академик Гридин?

– Да тут такое дело... Я случайно познакомился с его внучкой Ингой.

– Случайно?

– То есть я хотел сказать, не знал, что это внучка Гридина, вернее, не знал, что это тот самый Гридин.

– А если б знал, не стал знакомиться?

– Нет, почему же! Гридин сам по себе, Инга сама по себе.

– Ну, положим, не так уж сама по себе, если живет у академика.

– Кстати, Олег, а кто были ее родители и что с ними случилось?

– Сын Гридина был талантливейшим архитектором, жена его, мать Инги, преподавала в музыкальном училище. А что случилось с ними? Страшно рассказывать! Я тогда был еще

мальчишкой. Но несчастье потрясло весь город. Ехали они на своей машине. Архитектор вез жену в роддом. И у самого съезда с шоссе, – знаешь, что у водонапорной башни, – в их машину врезался тяжелогруженный самосвал. Отец Инги умер сразу. Мать ее доставили в больницу. Но через сутки скончалась и она.

– Какой ужас! А младенец?

– Что младенец?

– Ты же сказал, они ехали в роддом.

– А-а, вон ты о чем. Этого я не знаю. Ну, умер, наверное, и младенец, раз такое случилось.

– Это необязательно.

– Да, бывает, конечно, иначе. Но в городе ни о каком младенце разговора не было. Да ты спроси об этом у Инги. Она точно знает, есть у нее брат или сестричка или нет.

– Она сказала, что живет только с дедом и теткой.

– Так о чем говорить? Значит, схоронили и младенца.

– Да, видимо, так. А ты мне вот еще что скажи. Что за монахины разгуливают здесь прямо по академгородку?

– Как что за монахины? Разве ты не знаешь, что у нас тут неподалеку, как раз по дороге из академгородка, приютился женский монастырь?

– Настоящий женский монастырь? – удивился Никита. – Давно?

– Чуть не с петровских времен.

– И до сих пор действует?

– Еще как действует! Лет десять назад там, говорят, всего десятка полтора монахинь оставалось. А ныне, я слышал, их за сотню перевалило. Да и сам монастырь – стены, как в хорошей крепости, по углам – башни, в воротах решетка кованая, церкви куполами блестят!

– Ты был там, что ли?

– Внутри не был. А снаружи видел не раз. Могу и тебе показать.

– Нет, пока не стоит. Не до этого сейчас. Но разве монахиням разрешено выходить из монастыря?

– А почему бы нет?

– И они могут зайти? В любой дом, скажем, в дом академика Гридина?

– Конечно, в любой. А в дом Гридина тем более. Он же сам в церковь ходит.

– Ну, после того, что произошло с его сыном и невесткой...

– Да, не каждому судьба преподносит такой «подарочек»! А может, и поделом...

– Не говори так, Олег! Страшнее несчастья не придумаешь. Можно представить, как все это пережила Инга. Да и сам академик. Ведь отец Инги, как я понял, был его единственным сыном.

– Да. Тогда все жалели старика. Но если он даже после такой трагедии не отказался прекратить свои чудовищные эксперименты, то, сам понимаешь...

– Так ты говоришь, что истинную сущность этих экспериментов не знает никто?

– Сейчас да. Но тогда всем было ясно, что он работает над проблемой генной инженерии.

– Человека?

– Не важно кого. Важен принцип. Достаточно создать минотавра, чтобы потом сфабриковать супермена.

– Ну, это как сказать. И потом, были соответствующие публикации Гридина, его официальные выступления на эту тему?

– Эк чего захотел! Гридин не так глуп, чтобы раскрывать все карты.

– Тогда на каком основании сотрудники института потребовали прекращения его работ – только потому, что они касались генной инженерии?

– Я не знаю, чем обосновывали свое требование сотрудники института иммунологии. Но именно отсутствие публикаций и публичных выступлений Гридина лишний раз подтверждает их правоту. Мне лично абсолютно ясно, что если бы в работах Гридина не

было ничего предосудительного, то он не прятал бы их от научной общественности. А поскольку он до сих пор продолжает работать втихомолку...

– Ну, знаешь, так можно утверждать, что ты, например, со своей установкой можешь вызвать чуть ли не всемирный потоп только потому, что нигде не опубликовал еще результатов своих экспериментов.

– Скажи лучше, что ты перестал отличать черное от белого, попав на крючок внучки академика, – не остался в долгу Олег. – А кстати, почему бы тебе не расспросить обо всем этом саму Ингу? Уж она-то, наверное, знает, над чем работает ее дед. •

– Что касается «крючка», – спокойно ответил Никита, – то будем считать, что я не слышал этой глупости. А о том, над чем работает сейчас академик, я, конечно, Ингу расспрошу. Если не завтра, то в самое ближайшее время.

4

Но назавтра Инга снова не появилась в библиотеке. Не пришла туда и на другой день. И к концу без конца тянувшегося дня, мучимый тревогой и сомнениями, Никита решил снова пойти к знакомой даче на окраине академгородка. Нет, он не надеялся на встречу с Ингой. Это было бы слишком большим счастьем. Просто он не мог оставаться больше в бездействии.

Однако калитка гридинского особняка, как и ожидал Никита, оказалась плотно замкнутой, и из-за высокого забора не доносилось ни звука. Постояв на пустынной улице несколько минут и решительно не зная, что делать дальше, он двинулся было обратно к университету, но тяжелая калитка вдруг скрипнула и раскрылась.

«Неужели она?» – все в Никите так и встрепенулось в радостном предчувствии. Он сейчас же бросился назад. Но в проеме забора показалась массивная фигура мужчины неопределенных лет и более чем неопределенной наружности: дряблое, морщинистое лицо его поросло редкой седой щетиной, крупный приплюснутый нос, лоснящийся от пота, являл собой всю гамму фиолетово-красных тонов, маленькие бегающие глаза, казалось, притаились под лохматыми насупленными бровями. Одет он был, несмотря на жаркий день, в грубый шерстяной свитер, поверх которого болтался явно снятый с чужого плеча поношенный пиджак, на ногах незнакомца были стоптанные кирзовые сапоги, на голове – старомодная кожаная кепочка блином с пуговкой. Мужчина был заметно навеселе, но, увидев Никиту, сразу нахмурился и смерил его откровенно враждебным взглядом.

Никита поспешно уступил дорогу. Трудно было предположить, что подвыпивший оборванец имел какое-то отношение к семье Гридиных, но все говорило о том, что он здесь не новичок, и потому Никита счел за лучшее сделать вид, что шел вовсе не к дому академика, а держал путь мимо, чтобы выйти на тропинку, идущую вдоль забора, окаймляющего дачный поселок, к лесу, тем более что, пройдя несколько шагов, незнакомец остановился и, обернувшись к Никите, решил, кажется, не спускать с него глаз.

Пришлось волей-неволей пойти вдоль забора. Впрочем, не все ли равно, куда идти? Тропинка оказалась торной и, обогнув дачный участок, вышла к лесной просеке. Здесь, на границе с лесом, гридинские угодья были огорожены лишь невысоким штакетником, что позволяло рассмотреть их во всех деталях.

Большая часть участка оказалась занятой фруктовым садом, хотя между яблонями, грушами и вишней можно было заметить несколько роскошных лиственниц, а непосредственно перед домом, затеняя окна нижнего этажа, буйно разрослись кусты сирени и жасмина. Окна верхнего этажа и с этой стороны были наглухо закрыты плотными шторами. Однако створки небольшой застекленной беседки, что стояла в окружении плакучих ив в каких-нибудь пятидесяти метрах от изгороди, были раскрыты настежь, и в ней определенно чувствовалось какое-то движение. Никите показалось даже, что там кто-то напевает вполголоса.

Он подошел вплотную к ограде и прислушался. Да, из беседки несомненно доносился поющий девичий голос. И голос этот мог принадлежать только Инге. Но как дать ей знать, что он, Никита, стоит здесь, возле забора.

И вдруг:

– Инга! Инга, где ты? Иди сюда! – раздраженный женский голос там, за стеной сирени, звучал непрерываемым приказом и болью отозвался в душе Никиты. Можно было представить, как сжалось сердечко Инги от этого сердитого окрика. И в самом деле, пение в беседке сразу оборвалось, и в дверях ее показалась Инга, бледная, растерянная.

– Иду, иду! – ответила она виноватым голосом и быстро направилась вверх по тропинке, идущей к дому.

Никита невольно вздохнул: «Если бы прийти сюда хоть немного раньше». Он отошел от изгороди и присел на небольшой пенек по другую сторону просеки. Больше здесь делать было нечего. И все-таки что-то удерживало его от того, чтобы окончательно уйти. В душе теплилась надежда, что он еще увидит Ингу или хотя бы услышит ее голос.

Но шла минута за минутой, а за забором гридинского сада по-прежнему стояла могильная тишина. Тогда он встал и нехотя побрел по пустынной просеке. И тут до слуха его донеслись какие-то странные, непонятные звуки. Они шли откуда-то издалека и напоминали печальный колокольный звон.

Никита остановился, обернулся в сторону звуков и вдруг увидел, что кусты сирени слегка раздвинулись, а на знакомой дорожке показалась Инга. Она медленно шла по направлению к беседке и также прислушивалась к непонятным звукам. Было видно, что они захватили ее целиком, даже лицо девушки выражало теперь ожидание чего-то необычного.

Но вот звуки смолкли. Инга словно очнулась и снова скрылась в беседке, дверь которой по-прежнему оставалась открытой. Теперь Никита просто не мог уйти, не попытавшись поговорить с ней. Он подошел к забору и тихо позвал:

– Инга!

В ответ в беседке раздался стук, похоже, упала на пол большая книга, и Инга, удивленная, недоумевающая, выскользнула обратно в сад. Никита снова подал голос. Но она уже увидела его, приветливо махнула рукой и подбежала к ограде:

– Здравствуйте, Никита! Как вы здесь оказались?

– Да вот гулял по лесу, узнал ваш дом, увидел вас и... Вы уж простите, что я так бесцеремонно...

– Напротив, я очень рада.

– А вы здоровы?

– Да, я совсем поправилась. Но заболел дедушка, поэтому я не смогла прийти в библиотеку. Да вы проходите, проходите!

– Как, прямо через забор?

– Ой, что это я! – смутилась Инга. – Нет, конечно. Но и не обходить же вам кругом. Здесь вот у меня есть потайной лаз. – Она раздвинула две дощечки и указала Никите на образовавшийся проход. – Я специально его сделала, чтобы ближе было проходить в лес. Вас это не очень шокирует?

– Ни в коей мере.

– Вот и отлично! – продолжала Инга, когда Никита протиснулся сквозь ограду. – А теперь пройдемте в беседку. Простите, что я не приглашаю вас в дом. Но там...

– Да не стоит беспокоить больного, – поспешно согласился Никита.

– Дедушку действительно лучше не беспокоить. Но дело не только в этом. У нас тут... В общем, тетя не любит, когда в доме появляются посторонние. Мне очень неудобно перед вами, но... так уж у нас сложилось.

– Тогда, может, мне лучше уйти? – забеспокоился Никита, оглядываясь по сторонам.

– Нет-нет, в беседке нас никто не увидит. И вообще в эту часть сада никто не заглядывает. А мне надо... Я хотела бы поговорить с вами. Если вы, конечно, располагаете временем, – поспешно добавила она.

– Времени у меня больше чем достаточно, но... Может, нам все-таки не стоит оставаться здесь? Можно ведь побродить по лесу.

– Да, так будет, пожалуй, лучше, – сразу согласилась Инга. – Пойдемте вон по той дорожке. Я там часто гуляю.

Они перебрались через забор, но не прошли и нескольких шагов, как Инга вдруг остановилась:

– Слышите?

Никита затаил дыхание. В тихом предвечернем воздухе с той стороны, куда убегала просека, вновь послышались слабые отзвуки колокольного звона.

– Что это, церковный благовест? Инга кивнула:

– Это в монастыре. Правда, красиво?

– Во всяком случае, создает определенное настроение.

– А если бы вы побывали в самой обители!..

– Вы были там?

– Да. По большим праздникам двери монастыря открыты для всех желающих, и мы с дедом несколько раз ходили туда.

– Вам там понравилось?

– Очень. Очень! Там, знаете, бесподобно красиво. Кругом лес, густой, дремучий. И с трех сторон река. Она огибает монастырь почти сплошной петлей, и он высится в этой излучине, как сказочный терем со златоглавыми куполами. А внутри него, за воротами, – такая чистота, порядок! Такая тишина, покой! И сами монахини... Среди них есть и совсем молодые, чуть старше меня. Но лица всех их светятся добротой и приветливостью. Словом, там совсем другой мир. И я иной раз всерьез подумываю, не уйти ли и мне в монастырь...

– Уйти в монастырь вам?! Зачем же, Инга?

– Это трудно объяснить. Но, согласитесь, кругом столько злобы, жестокости, неправды. Люди порой оказываются такими непорядочными, несправедливыми. Взять хотя бы отношение к моему деду. Человек всю жизнь отдал служению людям, борьбе за их здоровье. А вы слышали, наверное, как обошлись с ним в институте, как треплут сейчас в городе его доброе имя? Даже от меня в моей учебной группе все шарахаются как от прокаженной. А здесь, в доме... Да что там... Если бы вы знали, как мне тяжело, как я отчаянно одинока! Дед – единственный близкий мне человек. А если не станет и его... Поневоле подумаешь о монастыре...

– Не надо, Инга. Только не это! Только не монастырь! Я понимаю вас. Я сразу почувствовал, что вам живется нелегко. Но это пройдет. Вы сами увидите, что в жизни есть и светлые стороны и не все люди подлецы. А покой в монастыре только кажущийся. И вопрос еще, что творится в душах молодых послушниц с умиротворенными лицами. От мира отгородиться можно. Но как отгородиться от самого себя? Здесь не помогут никакие монастырские стены. А если и помогут, то лишь тем, кто самоотрешенно верит в Бога. А вы верите в него? Верите больше, чем в доводы собственного рассудка?

– Не знаю... Дед хочет, чтобы я верила. Сам он глубоко верующий человек. Он давал мне читать Библию. Но все это как-то... неубедительно.

– Вот именно. Но и доводы атеистов...

– Читала я и атеистическую литературу. Только и она не убеждает. И там и здесь лишь слова, слова, слова... А хочется чего-то конкретного, доказательного.

– В том-то и дело. Я тоже много и думал и читал об этом и тоже остался витязем на распутье. Мы слишком много знаем, чтобы безоговорочно поверить в Бога, и слишком мало знаем, чтобы категорически отвергнуть его. Поэтому таким, как мы, монастырь не поможет.

– Что же поможет?

– Я абсолютно убежден, что человек может помочь себе Только сам или... опираясь на помощь своих друзей. Я имею в виду, конечно, настоящих друзей, таких, как... таких, ради которых я бы жизни не пожалел. Мне ведь тоже иной раз так доставалось, что... Я расскажу вам как-нибудь. Но я никогда не падал духом, даже когда был совсем один. А теперь, когда встретил вас... – Никита смутился и замолчал, боясь, что помимо своей воли выскажет то, что без конца твердил наедине с собой все последнее время.

И Инга тоже почему-то смутилась, поспешно взглянула на часы и быстро проговорила:

– Ой, Никита, мне пора. Тетя, наверное, опять ищет. Да и дедушка...

– Но вы хотели о чем-то поговорить со мной?

– Да... Да. Но все это не так просто. Надо собраться с мыслями. А сейчас я просто не знаю, как и сказать вам... Я сама не могу разобраться в том, что гнетет меня... Но я расскажу вам все-все. Больше никому. Только в другой раз, хорошо, Никита?

– А когда мы еще встретимся? Вы снова станете бывать у нас, в читальном зале?

– Не знаю... Все эти дни дедушке очень нездоровится. Я просто боюсь оставить его одного.

– А если я снова мимоходом загляну сюда? Ну, скажем, завтра, в это же время?

– Завтра, в это же время...– Инга с минуту подумала.– Ну, что же... Тогда я, может быть, снова окажусь в беседке. Если не случится ничего особенного, – поспешно добавила она, взглянув на зашторенные окна дома.

– И я смогу снова окликнуть вас?

– Не надо. Я сама увижу, что вы пришли, если буду в беседке. До свидания, Никита.

– Всего вам доброго, Инга, – он проводил ее взглядом до кустов сирени. А потом долго еще мерил шагами пустынную просеку, не спуская глаз с засветившихся окон дачного особняка.

5

Это произошло на рынке, куда Никита зашел по пути в университет, чтобы купить немного яблок. Здесь было, как всегда, не протолкнуться, и он не сразу обратил внимание на большую толпу женщин, сгрудившихся у одного из прилавков фруктового ряда. Однако когда он подошел ближе, то увидел нечто такое, что не сразу могло дойти до сознания нормального человека: две здоровенные бабы-торговки крепко держали за руки хилого светловолосого мальчонку лет шести-семи, а третья, с перекошенным от злобы лицом, пыталась сдернуть с него штанишки, зажав в руке широкий кожаный ремень. Мальчонка не говорил ни слова, не плакал, не сопротивлялся, лишь в глазах его, полных недетской ненависти, застыла смертельная тоска.

Острой жалостью полыхнуло сердце Никиты.

– Что вы делаете? Что здесь происходит? – крикнул он, расталкивая толпу.

– А вот воришку поймали, хотим проучить малость, – ответила баба с ремнем, продолжая деловито стаскивать с мальчишки штаны.

– Житья от них не стало! – в тон ей запричитала торговка, стоящая за прилавком. – Вот полюбуйте! – вытащила она из-под лотка закушенный гранат. – Схватил фрук-тину, и сразу в рот, паршивец! Сейчас мы покажем ему!

– Да, это не дело, конечно, брать чужие вещи, – не мог не согласиться Никита. – Но и так нельзя. Позвали бы милиционера, он во всем разберется.

– А чего тут разбираться, – не унималась торговка. – Да и знаем мы эту милицию: уведут для вида, напишут бумагу, и дуй на все четыре стороны, воруй снова сколько влезет!

– Ну, это как сказать...

– А нечего тебе и говорить! Иди куда шел. И не учи нас. Слава Богу, научены! Милицию, вишь, ему подавай. Нужна нам милиция! Мы сейчас по-своему, по-домашнему, всыплем парню горяченьких – век помнить будет!

– Но ведь то, что вы задумали, – самосуд. А за это, сами знаете... Семьдесят шестая статья уголовного кодекса, – брякнул Никита первое, что пришло в голову. – Пять лет строгого режима.

– Пять ле-е-ет! – протянула баба с ремнем. – А ты не брешешь?

– Зачем мне брехать. Я сам из прокуратуры. И потом... Знаю я этого мальчишку. И отца его знаю: сосед мой. Суровый, скажу вам, мужчина! Стоит мне сейчас отвести к нему этого сорванца и рассказать, в чем дело, так он так его проучит...

– Ну, если эдак-то... – выпустила из рук ремень торговка.

– Постой ты: «эдак-то»! – взвилась хозяйка гранатов. – А кто мне за испорченную фруктину заплатит? Кто ее теперь возьмет? А она рублей на пять потянет!

– Ладно, возьмите вашу пятерку! – сказал Никита, бросив деньги на прилавок, и, поймав на себе настороженный взгляд бабы с ремнем, быстро добавил: – С его отца и вытребую эти деньги, пусть раскошелится за свое чадо. Пошли, парень! – он схватил мальчишку за руку и, не оглядываясь, направился к выходу с рынка.

Мальчонка послушно шел за ним до самых ворот и только, выйдя за ограду, несмело сказал:

– Ну и куда же ты меня поведешь? Ведь отца-то у меня нет, совсем нет.

Никита остановился. Тут только смог он рассмотреть, что мальчишка страшно худ, рубашка его, надетая на голое тело, пестрит бесчисленными заплатками, а сквозь зияющие прорехи на штанах проглядывают грязные исцарапанные колени. Грязные

потеки виднелись и на лице мальчика, и на шее. И только большие светло-синие глаза его лучились чистым, ясным светом.

И снова острое чувство жалости словно огнем ожгло Никиту:

– Никуда я тебя не поведу. Иди куда хочешь! Только не надо так вот... брать чужое.

– Да не крал я. Не крал! Никогда ничего не крал! Неужели и ты мне не веришь? – из глаз мальчонки вдруг брызнули слезы, и все его маленькое худенькое тельце затряслось от нахлынувших рыданий. – Упала она, скатилась на землю эта граната. Ну, я и подумал... Никогда я не пробовал таких шуток... Вот и поднял... И было б чего! Ее, оказывается, и есть нельзя: одна горечь. А они... Они... – слезы не давали ему говорить.

– Ладно, не плачь, – Никита ласково погладил мальчика по голове. – Не плачь, говорю! Успокойся. Я верю тебе. Потому и вырвал из рук этих извергов, и наврал, что знаю тебя, и про отца твоего... А гранаты так не едят, это же не яблоки. Едят только зернышки, что у них внутри.

– Да ну их совсем! – снова всхлипнул мальчонка. – Так я пойду, дяденька?

– Да, конечно. А как звать-то тебя?

– Колькой.

– С кем же ты живешь, Коля?

– С мамкой.

– А кто она, твоя мама? Кем работает?

– Никем не работает. Хворая она. Еле ходит, больше лежит.

– Вот несчастье! Ну, беги к ней! Или стой! Хочешь, я угощу тебя мороженым?

– Мороженым? Это ты вправду?

– Конечно, вправду.

– Тогда знаешь что... Тогда лучше... Лучше купи мне вон ту булочку или коржик, – кивнул он на витрину кондитерии, глотая слюну.

– Так одно другому не мешает. Пойдем купим и булочку, и мороженое.

– Ой, спасибо, дяденька! – воскликнул мальчуган, расплываясь в улыбке.

– Ну, что там «спасибо»... – почему-то смутился Никита.

Зайдя в кондитерий, он взял несколько коржиков, булку, стакан кофе, порцию мороженого и выставил все это перед Колькой. Тот недоверчиво покосился на Никиту:

– И что тут мне?

– Все тебе.

– А ты сам?

– Я только что позавтракал. А ты ешь. Ешь досыта. Не хватит, купим еще.

– Ух ты! – прищелкнул языком мальчик, жадно вгрызаясь в коржик. Покончив с коржиками, он съел мороженое, а булочку аккуратно разломил на две части: – Одну половину мне, а другую мамке снесу. Ладно, дяденька?

– Ешь все, Коля. А маме твоей купим еще. – Никита снова отошел к стойке и, взяв несколько булок, подал пакет мальчику:

– Вот это снеси маме, пусть скорее поправляется. Ну, до свидания, дружок. Мне пора на работу. – Никита снова погладил мальчика по голове и, взглянув на часы, поспешно зашагал к университету, однако, дойдя до поворота, оглянулся назад и увидел, что его новый маленький знакомый все еще стоит у дверей кондитерии, прижав к груди пакет, и машет ему тоненькой, худенькой ручкой.

А в университете его ждал еще один сюрприз. Едва он поднялся на второй этаж главного здания, где размещался деканат геологического факультета, чтобы уточнить время заседания кафедры, как из дверей канцелярии вышла секретарь декана и, увидев Никиту, махнула ему рукой:

– А, Гамов! Вот вы мне и нужны. Срочно садитесь и напишите небольшое, на две-три страницы, резюме вашей работы.

– Зачем это?

– Пришел запрос из одной экспедиции, декан просил ответить.

– Но работа еще не закончена.
 – Не важно. Их интересует только суть работы. Вы изложите ее коротенько, а я отошлю.
 – Так завтра меня должны заслушать на кафедре. Я уже подготовил тезисы выступления. Может, это и сойдет?
 – Разумеется, сойдет. Они с вами?
 – Да, я как раз хотел...
 – Давайте их сюда. Я быстренько сниму копию и сегодня же отошлю куда следует. Вы посидите немного.
 Никита взглянул на часы. А как же Инга?
 – Нина Павловна, можно, я за ними завтра зайду?
 – Ну, если вы так спешите...
 – Да, мне, знаете, нужно... В общем, вот мои тезисы, а я побежал.
 Никита поспешно спустился вниз и только выйдя на улицу, сообразил, что следовало хотя бы поинтересоваться, какой экспедиции понадобились сведения о его работе. Да и время заседания кафедры он не уточнил. Но все мысли его были уже на окраине академгородка, на лесной просеке, у знакомого дачного коттеджа.

6

Светлый колокольный звон, как и прошлым вечером, плыл над притихшим лесом, когда Никита и Инга снова встретились у забора гридинской дачи. Инга вышла ему навстречу сразу, как только Никита ступил на просеку, но в каждом ее движении, взгляде, голосе чувствовалась какая-то неловкость, неуверенность. Никита тоже не мог преодолеть вдруг охватившего его смущения. Поэтому несколько минут они шли молча, вслушиваясь в далекий звон и украдкой взглядывая друг на друга. Наконец Никита сказал:
 – В прошлый раз вы хотели что-то рассказать мне.
 – Да. Я попробую. Но сначала расскажите немного и вы о себе. Тогда мне будет проще...
 – Да что рассказывать... Родился я в глухой таежной деревушке. Но набрался нахальства пойти в Московский университет. По окончании его два года работал в геологической экспедиции. Появились кое-какие идеи. Тогда я приехал сюда, поступил в аспирантуру по специальности геофизические методы поиска и разведки нефтяных залежей. Собрал и обработал грудку материала. Теперь заканчиваю диссертацию. Но тут...
 – Что-нибудь не получается?
 – Не то чтобы не получалось. Все сделано вроде бы как надо, но... К сожалению, есть вещи, которые от меня не зависят.
 – Мне этого не понять?
 – Нет, почему же. Я объясню вам все, – оживился Никита, радуясь возможности разрядить возникшую между ними неловкость. – Но придется начать издалека. Я заинтересовался методикой открытия нефтяных месторождений. Нефть, как вы знаете, залегает глубоко под землей, на глубинах четыре, пять и более километров. Как же ее найти? Как определить, где пробурить нефтяную скважину? Были времена, когда их бурили вслепую, где придется. И иногда действительно наталкивались на нефтяной пласт. Но чаще получали лишь воду, а то и вовсе ничего. Позднее геологи установили, что нефть скапливается главным образом в куполообразных поднятиях земных пластов по той простой причине, что, плавая на воде, она всегда стремится подняться как можно выше, а стенки купола не дают ей уйти ни вверх, ни в стороны. Теперь стали разбуривать именно такие куполообразные структуры. Количество пустых скважин резко сократилось. Но это не решило проблемы. Часто и купола оказываются без нефти. А бывает и наоборот: нефть залегает и в горизонтально лежащих пластах. И вот мне в голову пришла идея: нельзя ли в самих нефтяных залежах найти нечто такое, что можно было бы определить с поверхности земли. Оказалось, такая зацепка есть. В любой залежи нефть соприкасается с водой, как бы плавает на воде. И в местах их контакта образуются чрезвычайно активные вещества, которые растворяют даже такие прочные минералы, как кварц и полевошпат.

В результате значительная часть этих минералов выщелачивается из породы и образуются разуплотненные пласты. Зато ниже, куда уходят вновь возникшие растворы, происходит обратное осаждение кварца и полевого шпата и образуются сильно уплотненные горизонты. И вот эти зоны выщелачивания и уплотнения, которые с помощью соответствующих геофизических приборов можно обнаружить даже с поверхности земли, и могли бы, на мой взгляд, стать надежными индикаторами нефтяных залежей.

– Так в чем же дело?

– А в том, что все это просчитано только на бумаге, промоделировано в лабораторных условиях. А как будет на практике? Чтобы решить это, нужен производственный эксперимент. Но не могу же я сам, своими силами, пробурить скважину глубиной в два-три километра! Необходимо, чтобы кафедра попросила об этом какую-нибудь геологическую экспедицию. А вот этого-то я и не могу добиться.

– Почему же?

– Не верят мне старики. Считают все это малодоказательным. Не хотят рисковать. И вот завтра или послезавтра на заседании кафедры должно быть принято окончательное решение.

– А если и завтра они не согласятся с вами?

– Может вся работа пойти прахом.

– И вы смиритесь с этим?

– Нет, Инга. Я не из тех, кто сдается при первой неудаче. Буду бороться до конца. Не получится здесь – снова уеду в какую-нибудь экспедицию, постараюсь там доказать свою правоту.

– Уедете совсем? – воскликнула Инга упавшим голосом.

– Кто знает, как получится? Но это в крайнем случае. В моем распоряжении еще полгода, и я не теряю надежды переубедить стариков.

– Помогите вам Бог, Никита. Теперь я знаю о ваших главных заботах. Отныне это будут и мои заботы. Но мне хотелось бы немного знать и другое: кто ваши родители, что у вас за семья, с кем вы дружите, как проводите свободное время?

– Родители мои, как и ваши, давно умерли. Никакой семьи у меня нет, живу в аспирантском общежитии. О свободном времени могу только мечтать. Дружу с таким же неутомимым аспирантом с кафедры общей физики, который и помог мне в математическом обосновании моего метода.

– Это ваш лучший друг?

– Как вам сказать... Ведь настоящая дружба – это так много. Это нечто такое большое, что... Ну а Олег... Во всяком случае, это единственный близкий мне человек. Кроме него, у меня нет здесь даже просто хороших знакомых. Впрочем, вру! – улыбнулся Никита. – Сегодня я познакомился с одним действительно хорошим человеком.

– Он тоже аспирант?

– Нет, он даже еще и не школьник. Я познакомился с ним на рынке... – И Никита рассказал о своей встрече с Колькой.

Глаза Инги потеплели.

– Вот вы, оказывается, какой!

– А что, я сделал что-то не так, как надо?

– Нет, вы сделали именно так, как надо. Как, по-моему, надо. И я немного больше знаю теперь вас. Только хотела бы еще спросить... В прошлый раз вы просто поразили меня своим жизнелюбием, своей верой во все хорошее, доброе, светлое. Но что все-таки радует вас в нынешней жизни? И неужели ничего не тревожит, кроме этого злополучного производственного эксперимента?

– Я как-то не задумывался над всем этим. Что меня радует?... Радует сама жизнь, радует моя работа. Ну, еще, может быть, музыка. Только настоящая музыка. Современную эстраду я не терплю. Потом общение с природой. Разве можно, например, не радоваться восходу солнца, виду бегущих по небу облаков, шумящим под ветром деревьям. Я ведь, в

сущности, дикарь, настоящий сын тайги. Город для меня – по-прежнему нечто чуждое. Прошлый раз вы верно заметили: слишком много здесь злобы, жестокости, неправды. У нас в тайге люди открытее, честнее. Да и сама природа... Она тоже чище, первозданнее, милее. Ну а что меня больше всего тревожит в последнее время, так это ваше здоровье.

– Ну, вот, – нахмурилась Инга. – Я серьезно спрашиваю.

– Я серьезно и отвечаю. Думаете, я в самом деле случайно оказался вчера возле вашего дома?

– Нет, не думаю. Потому и хочу сейчас поделиться с вами. – Она с минуту помолчала, явно стараясь побороть в себе какую-то душевную боль. – Я уже говорила, что живу с дедом и тетей... И вот...

Она снова замолчала, еле сдерживая подступившие к горлу слезы.

– И тетка не очень хорошо к вам относится? – пришел ей на помощь Никита.

– Нет, она ничем не обижает меня. И все-таки... все-таки как-то неуютно мне в этом доме. Как-то тоскливо, тревожно, даже... страшно.

– Даже страшно?! Но ведь с вами дед. Или он тоже не очень добр к вам? Помнится, вы сказали, что он бывает каким-то странным.

– Нет-нет, дедушка любит меня, делает для меня все, что бы я ни захотела. А мой страх... Не знаю, как это объяснить... Это действительно связано с дедом. Но не в том смысле, как вы, может быть, думаете. Я тоже люблю дедушку, жалею его, готова сделать для него все, что в моих силах, а он... Они с тетей... Словом, над всем нашим домом витает какой-то рок, все окутано какой-то тайной...

– Это связано с работами деда?

– Нет, скорее со смертью папы и мамы.

– Не понимаю...

– Мне самой ничего не понятно. Но они с тетей что-то скрывают, что-то утаивают от меня, что-то такое, что тяготит и их самих, не дает им покоя ни днем, ни ночью.

– Так, может быть, это что-то все-таки имеет отношение к последним экспериментам Льва Яковлевича?

– Нет! Научные работы деда – совсем другое. Я не знаю точно, в чем заключаются его теперешние исследования, но, судя по тому, что он просит меня выбирать из научной периодики, в них нет ничего сверхсекретного, ничего такого, что нужно было бы скрывать от меня или кого-либо другого. А вот трагедия, произошедшая с моими родителями... Именно она покрыта какой-то страшной тайной. Мне иногда кажется, что дед чувствует себя почему-то даже виноватым в гибели папы с мамой. Или его мучает что-то такое, что он мог бы сделать, но не сделал. Но и это связано только со смертью отца и матери. А я ... Я ничего не знаю. Мне не с кем даже поделиться, поговорить об этом. Вы первый, с кем я решилась заговорить так вот откровенно. Только не думайте, что мне совсем уж плохо. Просто я... Просто мне... Просто я устала быть всегда одна... – она вдруг всхлипнула и прижалась лицом к его плечу.

– Инга... – он осторожно коснулся ладонью ее рассыпавшихся по плечам волос. – Не плачьте, Инга, попробуем вместе разобраться во всех ваших тайнах. И знайте, что отныне вы – самый близкий, самый дорогой мне человек.

Она подняла на него большие, влажно блестящие глаза:

– Это правда? Мы вправду сможем стать настоящими друзьями?

– Правда, Инга. Мы обязательно станем друзьями. И вы всегда, при любых обстоятельствах, можете рассчитывать на мою помощь.

– Спасибо, Никита. Я знала, что вы... что вы поймете меня. А сейчас, простите, я пойду. Дедушка, наверное, заждался там у себя.

– Да, конечно, идите, Инга. Только... Когда я теперь увижу вас? Вы будете завтра в библиотеке?

– Нет, я не смогу быть там до конца недели.

– Но как же я...

– А вы приходите снова сюда, – просто ответила Инга. – И расскажете, чем закончилось заседание вашей кафедры.

– Завтра?

– Нет, завтра не получится. Завтра я буду занята. Приходите в воскресенье, часов в десять утра, если сможете. Я буду ждать вас. А сегодня вечером буду молить Бога, чтобы ваши старики наконец поверили вам и дали возможность провести этот производственный эксперимент.

– Всего вам доброго, Инга, – он проводил ее глазами до дома и готов был уже свернуть на тропинку, идущую вдоль дачного участка, как вдруг увидел... женщину в черном. Ту самую женщину в черном, которая так напугала его, когда он впервые столкнулся с ней у входа на дачу Гридиных. Сейчас она, видимо, только что отошла от дачи и медленно двинулась по просеке по направлению к выходу из академгородка.

Никита находился сзади нее и потому не мог видеть лица женщины, но, судя по очертаниям фигуры, тяжелой, шаркающей походке, низко склоненной голове и согбенной позе, можно было не сомневаться, что это была она, та самая монахиня, которую он встретил здесь два дня назад. Теперь, когда он узнал, что на той стороне, куда направлялась женщина, был действующий монастырь, не было ничего удивительного, что именно туда шла старая монахиня. Но почему она снова оказалась у дачи Гридиных? И главное, опять в тот момент, когда он только что расстался с Ингой...

7

– Ну, как, узнал ты у Инги, чем занимается ее дед-академик в своих пенатах? – подступил Олег с расспросами, едва они встретились в университетском парке.

– Нет, она сама не знает, – нехотя ответил Никита.

– Вот-вот! Я так и думал. А ты в прошлый раз чуть ли не защищать его собрался. Нет, дружище, если он от родной внучки скрывает суть своих исследований, то, сам понимаешь...

– Не торопись делать выводы, Олег. Все очень не просто в семействе Гридиных. Гибель сына со снохой не прошла бесследно для академика. Да и сама эта трагедия, похоже, окутана какой-то одному Гридину известной тайной.

– Что тут может быть таинственного? Все знают, что машину Гридиных сбил самосвал. Водитель его ничего не скрывал, нигде не прятался. ГАИ установила, что все дело было в неисправных тормозах. Шофера судили, дали срок. Все ясно как божий день.

– Ну, это еще как сказать. Иногда то, что кажется слишком ясным, и скрывает самую большую тайну.

– Да брось ты! Какую тайну? Просто Гридину выгодно напустить вокруг себя побольше туману.

– Зачем ему это?

– Как зачем? Чтобы такие, как мы с тобой, поменьше нос в его дела совали. Ты вот хотел выяснить, чем он занимается в своей домашней лаборатории. А что получил? Очередную байку о какой-то тайне.

– Что значит получил? От кого получил? Мы, кажется, не о Гридине, а об Инге говорили.

– Ну, брат, яблоко от яблони...

– Ты просто не знаешь Ингу.

– А ты успел узнать?

– Да. И не хотел бы, чтобы ты говорил о ней в таком тоне.

– Ну, хорошо, оставим Ингу. Может, она в самом деле ничего не знает. Но Гридин! Ты что, не слышал, что сейчас в городе только и разговоров что о каком-то «монстре Гридина», которого он якобы прячет у себя на даче.

– И ты веришь в это?

– Верю не верю, – пожал плечами Олег, – а сам понимаешь, слухи на пустом месте не вырастают. Нет, Гридина пора призвать к порядку. И категорически потребовать от него прекращения всех работ по воздействию на генотип человека. Потому что такое беспардонное вмешательство в святая святых природы не только неразумно, противоестественно, но и глубоко безнравственно, наконец просто грешно!

– Грешно?! Ты что, в Бога поверил?

– А ты совсем не веришь?

– Как тебе сказать... Мне иногда и хочется поверить. Но при современном уровне знаний об окружающем нас мире в нем просто нет места для Бога.

– Ну не скажи! Именно современный уровень знаний и заставляет людей снова обратиться к Богу. Я имею в виду, конечно, не евангельские догматы о том, что некогда существовал Иисус Христос, что он воскрес из мертвых, вознесся на небо и снова вернется на Землю, чтобы судить живых и мертвых. Я говорю о все усиливающейся вере в то, что существует какая-то всемогущая сила, какой-то высочайший вселенский разум, который и управляет всем, что происходит в мире.

– Что же это за сила?

– Не знаю. И никто не знает. Можно назвать ее Богом. Можно никак не называть. Но не верить в нее невозможно. Ты в курсе, конечно, что структура всего материального мира, начиная с атомного ядра и кончая всеми галактиками Вселенной, покоится на семи так называемых мировых фундаментальных константах, отклонение от которых даже на ничтожнейшую величину привело бы к развалу всего сущего.

– Да, я читал об этом.

– Но как были подобраны эти константы? Возникли чисто случайно? Но ведь их целых семь! Возможно ль, чтобы семь абсолютно независимых и в то же время теснейшим образом связанных друг с другом величин установились в результате слепого случая?

– А почему бы нет? И нечего тут привлекать какой-то вселенский разум. Почему просто не допустить, что были возможны любые значения этих констант. Но все миры, подчиненные этим, другим константам – миллиарды миллиардов миров! – оказались нежизнестойкими, а сохранился лишь мир, в котором случайно – да, случайно! – константы получили значения, которые могли обеспечить его устойчивость.

– Случайная жизнестойкость, случайная устойчивость! Эдакая, если послушать тебя, концепция естественного отбора на сверхглобальном уровне! Но ладно. С тем, что ты говоришь, можно соглашаться и не соглашаться. Тут, действительно, больше риторики, чем фактов. А вернемся на нашу матушку-землю. И посмотрим хотя бы на структуру живого вещества. Здесь же высочайшая степень целесообразности, как говорится, в глаза бьет! Недаром еще Дарвин для объяснения этого факта создал так понравившуюся тебе теорию естественного отбора, и она как будто довольно убедительно объяснила эту целесообразность у высших растений и животных на всех уровнях, вплоть до клеточного. Но вот если заглянуть в клетку... Ты знаешь, что в клетках любого организма Земли, начиная с простейших бактерий, кончая человеком, есть так называемые рибосомы, особые органеллы, в которых происходит синтез белков?

– Слышал кое-что...

– Слышал кое-что! А знаешь ли, что эти сложнейшие и совершеннейшие структуры, которые абсолютно однотипны для всех живых организмов, на какой бы стадии развития те ни находились, не несут на себе никаких следов эволюции. В них даже теоретически нельзя ничего ни прибавить, ни убавить. Они будто сразу «начисто» были созданы в тех простейших организмах, которые появились еще на заре возникновения жизни и с тех пор – на протяжении миллиардов лет! – не претерпели ни малейших изменений. Это что, тоже дело случая?

– Об этом как раз я и слышал. Действительно загадка природы.

– Ага, теперь уже загадка!

- Да. А разве мало таких загадок, еще не раскрытых наукой. И если все их валить на Бога...
- Загадка загадке – рознь! А возьми человеческий мозг, его способность мыслить. Наука до сих пор не может объяснить это уникальное явление никакими химическими или физическими процессами. Я уж не говорю, что возникновение человеческого разума не может быть выведено ни из каких законов эволюции: абстрактное мышление не дает и не давало человеку ни грана перевеса в борьбе за существование. Как же возникло оно у наших предков?
- Ты хочешь сказать, что и разум создан все той же всемогущей божественной силой?
- А ты мог бы предложить какую-то иную гипотезу?
- Зачем я! Их и без меня больше чем достаточно. Начиная с той, классической, с ее «ролью труда», которой нам пудрили мозги еще в школе, кончая сверхмодерновой о разуме, принесенном откуда-то из внеземных цивилизаций. Но что ты ломишься в открытую дверь? Я и не собираюсь утверждать, что здесь наука сказала свое последнее слово. Да, она не решила еще проблемы человеческого разума. Но и твоя концепция о свехглобальном вселенском разуме не больше чем спекулятивная гипотеза. Механизм мышления еще может быть разгадан. Наличие вселенского разума не получит подтверждения никогда.
- Да тут и подтверждать нечего. Это настолько очевидно...
- Тебе, может быть, и очевидно, мне – нет!
- Тебе все неочевидно. Ты и в преступные замыслы Гридина не веришь.
- Не верю, Олег.
- А ты прислушайся все-таки к тому, что в городе говорят.
- Я докопаясь до истины, можешь мне верить. Ну а Бог... Оставим Бога в покое. Да и Гридина пока тоже. По правде говоря, ни о том, ни о другом мы ровным счетом ничего не знаем.

8

- Прежде, всего неделю назад, Никита не обратил бы внимания на шумную компанию подвыпивших стариков, сгрудившихся за одним из столов пивного бара. Но сегодня сам подошел к ним, прислушался, потом взял кружку пива и присел за соседний столик: старики оживленно говорили о «монстре Гридина».
- Да что ты все заладил: «гигант, гигант»? – горячился один из них, размахивая кружкой.
 - А я говорю, совсем он коротышка. Мне одна очень порядочная женщина рассказывала. Да! Ростом он, говорит, с десяти-двенадцатилетнего пацана, только не надо ему ни есть, ни пить, – все это он из воздуха получает. И еще, говорит, не боится он ни жары, ни морозов. И такая у него, слышь, силища, что груженный самосвал перевернуть может.
 - Она что, эта женщина, сама все видела? – не унимался сосед рассказчика.
 - Видела не видела, а раз говорит, стало быть, так оно и есть. Очень из себя порядочная женщина...
 - Слушай ты больше этих баб. А я сам видел. Сам!
 - Что же ты видел?
 - А вот что. Иду я как-то мимо гридинской дачи и вижу: показалась вдруг над забором... А забор, ты знаешь, какой у них! Так вот, показалась вдруг над забором макушка головы. Крунулась эдак в одну, в другую сторону и скрылась. Ну, думаю, не иначе, как это...
 - А может, это была вовсе не голова?
 - Как не голова, когда я даже лысину успел заметить?
 - Ха, лысину! Так, может, это служитель их, Семен. Он как раз лысый. Забрался, зная, на лестницу и выставил свою голую макушку. А у того, у монстра, стало быть, говорят, такая грива...
 - Опять «говорят»... Говорят, в Москве кур доят!

– Стойте, мужики, не спорьте, – вмешался третий старик, отирая седые усы. – Говорят, в самом деле, всякое, успевай ушами хлопать. А я вот действительно с неделю тому назад кое-что подсмотрел...

– самого монстра?

– Нет, монстра я не видел. А видел, как вот тут рядом, в магазине, сам академик покупал костюмчик на мальчика десяти-двенадцати лет. Покупал-то он на мальчика. А сами понимаете, что это за мальчик! Я как глянул на этот костюмчик, серый такой, в полоску, так и...

– Врешь! – перебил его сторонник лысоголового монстра. – Я вру?!

– Ты врешь. Потому что никакого костюма тому монстру не надо: он в шкуре, как медведь или обезьяна какая.

– А вру, так давай спорить. Если все не так, как я сказал, то ставлю всем по паре пива. А если так, то...

– Понятно, тогда яставляю.

– Идет!

– Да бросьте, мужики, о чем спорите? – вступил в разговор только что подошедший старик с большой белой бородой. – Ну, купил академик костюмчик ал и не купил, ну, на десятилетнего мальчонку был тот костюмчик али поболее того, так что из этого? При чем тут какой-то монстер или как там еще?.. Понадобилась, знать, какому-то парнишке одежонка, вот академик и купил ему. Только и делов! А то монстер, монстер! В прошлом году сосед мой, столяр, сделал по заказу того же академика детские костылики. Так что, по-вашему, и эти костыли какому-то монстеру понадобились?

– А ты как думал? Сварганил, значит, академик не совсем то, что задумал. Брачок, выходит, вышел.

– «Сварганил», «брачок»... Это о людях-то! Что вы все, с ума посходили?

– А ты, борода, не знаешь, так не встревай. Не о людях мы талдычим, а о всякой нечисти, какую академик разводит. И был у нас спор на интерес. А раз так, то треба скорее узнать, чье пиво дальше пить станем. Пошли, мужики!

Старики снесли пустые кружки на стойку и всей гурьбой отправились в стоявший неподалеку промтоварный магазин. Никита решил пойти вслед за ними.

В магазине старики подошли к молодой продавщице в отделе готового платья, и тот, кто предложил пари, спросил:

– Скажи, красавица, правда ли, что дней десять назад заходил сюда академик Гридин и купил у тебя в отделе детский мальчиковый костюм?

– Да, я отпустила ему костюм сорок второго размера. А что?

– А больше ничего. Спасибо за информацию. А этот вот гражданин поднесет нам за нее по две кружки пива.

Старики направились к выходу. А Никита, выждав с минуту, подошел к прилавку:

– Простите, девушка. Я стал сейчас невольным свидетелем заинтересовавшего меня разговора, и мне хотелось бы уточнить: речь шла действительно об академике Гридине?

– О ком же еще?

– Но вы уверены, что вашим покупателем был именно академик Гридин? Вы хорошо знаете его?

– Еще бы не знать! Он постоянный наш клиент.

– А не скажете, для кого он покупал этот костюм?

– Как для кого? Вы что, смеетесь надо мной? Для мальчика, конечно.

– Ну да. Но кто он ему, этот мальчик, внук, правнук, племянник?

– А это уж вы у самого Гридина спросите. Он мне не докладывал.

– Ну, простите еще раз. Конечно, вы не можете знать всего.

Никита вышел из магазина и снова заглянул в бар. Вся знакомая компания опять сгрудилась за одним столом, продолжая, видимо, спорить о «монстре Гридина». Лишь

бородатый старик сидел чуть поодаль за отдельным столом и всем своим видом показывал, насколько вздорным было все, что говорилось рядом.

Никита взял еще кружку пива и подсел к нему:

– Не возражаете, папаша?

– С чего бы это? Садись, пей. Место некупленное.

– А можно мне потолковать с вами? Вы, я вижу, не разделяете того, о чем говорят эти люди?

– А-а, чтоб их забрала нелегкая! Язык-то без костей, вот и мелют с пьяных глаз. Я академика не один десяток лет знаю. Достойнейший, обходительнейший человек академик Лев Яковлевич! Мы с ним сколь раз на озере рыбачили.

– Вон что! И о чем же вы говорили с ним там, на озере?

– А обо всем помаленьку: о рыбалке, о жизни, о Боге. Хорошо, душевно говорил Лев Яковлевич о Боге.

– И о работе его говорили?

– Нет, как можно! Работа у академика тонкая, умственная. Деликатная, скажу тебе, работа, не наших понятий дело.

– Так, может, он в самом деле чем-то не совсем ладным занимается?

– А вот тут я хоть чем поклянусь, не станет Лев Яковлевич богопротивным делом заниматься, не такой он человек.

– Вы и в доме у него бывали?

– Нет, в доме у него я не бывал. Зачем это? Дом, он – для своих, для родни, для близких. А что я для академика? Таких, как я, почитай, целый город.

– И все-таки вы убеждены, что костюм академик покупал для мальчика. Кто он ему, по-вашему?

– Кто знает... В каждом хорошем доме полно детворы. Так, видно, и тут.

– Ну, а костыли, о которых вы упомянули, они для кого предназначались?

– Так тоже для какого-то парнишки. Я сам их не видел. Сосед сказывал. Он, может, и знает, для кого академик их заказывал.

– А нельзя ли мне повидать его, вашего соседа?

– Отчего нельзя? Это здесь, рядом, на Тополевой, в девятиэтажке. Шестая квартира у него, а зовут Петром. Петр Викторович Бардин.

– Спасибо, папаша. Сегодня я к нему и загляну. Как вы думаете, он дома?

– Должно быть, дома: старик на пенсии.

Бардин, действительно, оказался дома и в ответ на просьбу Никиты сказал:

– Да, было дело, смастерил я в прошлом году для академика костыли. Всем костылям костыли! По чертежам самого Гридина мастерил. Без хвастовства скажу, не всякому столяру это было бы по плечу.

– Чем же они были так необычны, эти костыли?

– Тут на словах не объяснишь. Одно могу сказать: обыкновенному человеку они бы не подошли.

– Что значит обыкновенному?

– Ну, скажем, такому, как мы с вами.

– Для кого же понадобились такие костыли?

– А этого я не знаю. Дело заказчика – заказать, дело мастера – сделать. Но, если между нами, – боюсь, это то, о чем поговаривают в городе...

9

То, о чем поговаривают в городе... Слишком уж много поговаривали об этом повсюду. И если б только поговаривали и речь шла только о «монстре Гридина». Но сегодня к бесчисленным слухам, гуляющим по городу, прибавилась еще одна тайна, окончательно сбившая Никиту с толку.

Когда ближе к полудню ему пришлось проходить неподалеку от дачи Гридина, навстречу высыпала стайка ребят, и среди них с перекошенным от страха лицом его недавний знакомый Колька.

Никита шагнул ему навстречу:

– Коля, стой! Коля, куда ты? Что случилось? Мальчик нерешительно остановился. Но тут же вцепился в штанину Никиты:

– Там... Там... Там такое! – махнул он в сторону гридинского особняка.

– Где там? Что такое?

– Там, за забором. Что-то черное, лохматое. Да как заверещит! – он в страхе обернулся назад. – Вон снова! Слышишь?

Из-за забора гридинской дачи действительно доносились звуки, напоминающие жужжание механической пилы. Никита невольно усмехнулся:

– Так это, чудак-человек, доски пилят, – поспешил он успокоить парнишку.

– Нет-нет! – энергично замотал головой Колька. – Это он, оборотень, нечистая сила! Мы в щелку видели.

– Какой оборотень?! Какая нечистая сила?! С чего ты взял? – воскликнул Никита, взяв Кольку за руку и потянув за собой. – Нет ничего такого на свете!

– Есть, есть! У нас во дворе все так говорят. Mamka даже ходить туда мне запретила.

– Зачем же ты пошел?

– Интересно же...

– Значит, мама твоя тоже верит в этого оборотня?

– Верит. Еще как! А вот бабушка не верила, – продолжал Колька, стараясь не отстать от Никиты.

– Так у тебя и бабушка есть? Она тоже с вами живет?

– Жила с нами. Да умерла этой зимой. – Колька громко шмыгнул носом. – Жалко бабушку. Она мне даже конфеты давала.

– И ни в какого оборотня, говоришь, не верила?

– Нет, она, как и ты, говорила, что никаких оборотней не бывает, только... – он на минуту замолчал. – Только сама все время какой-то сверток от меня прятала, а мамка говорила, что в этом свертке что-то почище оборотня.

– Интересно... И ты ни разу не заглянул в тот сверток?

– Нет, теперь его мамка куда-то спрятала. Говорит, для моей же пользы, говорит, что это такая штука, какой мне может на всю жизнь хватить. Смешные они все, взрослые! Как это можно завернуть в бумажку, что на всю жизнь хватит?

– А дед твой, он тоже умер? – полюбопытствовал Никита.

– Не знаю. Я его никогда не видел.

– Но мать-то или бабушка должны были сказать тебе об этом.

– Они сказали, что дед не стоит того, чтобы о нем говорили.

– Вот как!

– Они даже фамилию нашу из-за него не любят.

– Даже так! Что же за фамилия у вас такая?

– Гридины мы.

– Гридины?! – не мог не удивиться Никита.

– Да. И бабушка Гридина, и мамка Гридина, и я Колька Гридин.

– А знаешь ли ты, Колька Гридин, что колдун, от которого ты сейчас бежал, тоже Гридин?

– Ну да?!

– Вот тебе и «ну да». Может, это и есть твой дед?

– Что ты, дяденька! Мой дед, я слышал, был большущим начальником и таким богатым, что никогда пешком не ходил и конфеты покупал целыми ящиками.

– Даже ящиками? – усмехнулся Никита. – За что же бабушка его так не любила?

– Не знаю. Поругались, наверное.

– Так-так... И все же...– Из головы Никиты не шла крамольная мысль: уж не является ли мать Кольки незаконной дочерью академика.

И вдруг его осенило:

– А как зовут твою мать, Коля?

– Мамку-то? Лизаветой зовут.

– А дальше?

– Что дальше?

– Ну, как по отчеству-то?

. – А-а, Лизаветой Николаевной, значит.

Все-таки не Львовной! Словно гора свалилась с плеч Никиты. Видно, мать и бабушка Кольки были всего лишь однофамильцами Льва Яковлевича. Но тут взгляд его снова упал на худенькое Колькино лицо, и будто нервный озноб пробежал по всему телу.

Эти глаза!.. Ему еще в прошлый раз показалось, что в глазах Кольки было что-то знакомое. А теперь... Теперь он был просто поражен бесподобным сходством глаз Кольки и Инги. Да и все остальные черты Колькиного лица... Они были точно скопированы с лица Инги.

Вот тебе и однофамильцы! Даже у родных брата и сестры редко бывает такое сходство. Так кто же он, этот Колька Гридин? Какое отношение имеет к семейству академика? И почему Инга ничего не знает о нем?

А тут еще этот таинственный сверток... Что могло быть в нем такого, что «почище всякого оборотня» и «может хватить на всю жизнь» Кольки? Неужели и это как-то связано с тайной академика Гридина?

Но если кто-то и мог ответить на этот вопрос, то, во всяком случае, не маленький оборвыш, для которого колдун и оборотень были столь же обычны, как и жизнь впроголодь, доставшаяся по какому-то нелепому капризу судьбы.

Угостив Кольку мороженым и пепси-колой, Никита простился с ним у самого входа в университетский парк и зашагал к лабораторному корпусу, где, как он знал, работал сейчас Олег Шевцов. Но голова его уже раскалывалась от этих бесчисленных загадок и тайн, все больше затягивающих его в стремительно нарастающий водоворот.

10

Олег, как всегда, сидел над своей установкой, зажав в руках какой-то проводок и усердно орудуя отверткой. Увидев Никиту, он устало потянулся, бросил отвертку на стол и, вытерев руки прямо о полу халата, шагнул навстречу приятелю:

– Опять установка барахлит. А ты что словно со страшного суда?

– Не знаю, что и сказать тебе, Олег. Действительно этот Гридин – такая таинственная личность!

– А что я говорил!

– Нет, я не о работах Гридина. Это само собой. Но вся жизнь академика, вся жизнь окружающих его людей покрыта завесой какой-то тайны.

– Ничего удивительного. Каков поп, таков и приход! Смешно было бы, если б Мефистофель остался без Фауста. Ну да шут с ним. А я вот раскопал вчера интереснейшую штуку. Понимаешь, какой-то то ли философ, то ли кибернетик на полном серьезе заявляет, что мышление, разум не что иное, как особая форма существования материи. А, каково? Что ты на это скажешь?

– Скажу, что оригинально, хотя и бездоказательно.

– Ну, доказательства могут и появиться. Я о другом. Ведь если это так, то разум может быть и не привязан к человеческому мозгу, к человеку вообще. Он может существовать и где-то в глубинах космоса, и в таких масштабах, какие и не снились человеку.

– Допустим.

– Но это и будет тот вселенский разум, тот Бог, о котором мы говорили.

– О котором ты говорил, – уточнил Никита.

- Ладно, пусть я. Но ведь если это так...
- Если это так, то и Бог окажется всего лишь одной из форм существования материи.
- Но это же здорово!
- Может, и здорово. Но я все-таки не стал бы так упрощать сущность Бога. Да и человека тоже. Слов нет, способность мыслить – одно из самых удивительных и загадочных проявлений человеческого естества. Но разве только этим определяется сущность человека? В конце концов, способность мыслить можно как-то смоделировать, и рано или поздно она найдет и физиологическое объяснение. По крайней мере, почти никто не сомневается, что мысль – продукт мозга. Кибернетики уже сейчас пытаются воспроизвести нечто подобное в электронной машине. А вот совесть?
- Совесть?
- Да. Совесть. Это что такое, по-твоему?
- Я как-то не думал об этом...
- А ты подумай! И попробуй сказать мне, что же такое совесть? Как объяснить эту чисто человеческую сущность? Где и как генерируется это чувство? Как оно возникло в человеке? Как ее смоделировать и воспроизвести в кибернетическом устройстве? И если о роли разума в эволюционном процессе можно еще спорить, то уж совесть определенно никогда не давала ни малейшего шанса на выигрыш в том, что принято называть «борьбой за существование», лежащей в основе эволюционного процесса.
- Это, пожалуй, так...
- Тем не менее она существует. Да что там существует! Она сильнее разума, выше любого Бога! С доводами разума можно соглашаться и не соглашаться. В Бога можно верить и не верить. Божьи заповеди можно выполнять и не выполнять. От собственной совести не уйдешь никуда! Она – высший суд, высшее мерило всех поступков человека!
- Но есть и бессовестные люди...
- Нет! Есть люди, которые бравируют тем, что у них якобы нет совести. Есть люди, которые стараются пойти на компромисс со своей совестью. Есть люди, которые пытаются заглушить голос совести, даже заставить замолчать ее на время. Но совершенно отделаться от нее... На это, я думаю, не способен и самый отъявленный негодяй. А если кому-то и покажется, что он одолел свою совесть, то потом она так ударит его, что не помогут никакие доводы рассудка, никакие раскаяния и молитвы. Вот почему, кстати, я не думаю, что такой интеллигентный и умудренный жизненным опытом человек, как академик Гридин, мог заняться неблагоприятными экспериментами.
- Ну, знаешь, так можно оправдать любого преступника: дескать, не мог он сделать то-то и то-то: совесть его не могла позволить это.
- Преступника оправдывает или осуждает суд или общественное мнение, то есть нечто, лежащее вне его личного я. Мы же говорим о внутреннем сознании человека, голосе его совести. И вот этот голос не подчиняется никакому суду, даже суду собственного рассудка.
- Да, тут тебя не сбить. Задал ты мне загадку. С совестью действительно не все ясно. Зачем она понадобилась нашему создателю?
- Так если он создал человека по своему образу и подобию... – усмехнулся Никита.
- Да нет, я же сказал, что не верю в такого христианского Бога. Бог в моем понимании – это некая сила, создающая все целесообразное, стройное, максимально упорядоченное, то, что превращает хаос в гармонию, бессмысленное в разумное. Разум человека, наша способность мыслить – вот что в нас от Бога, как я его понимаю. А совесть... Какое отношение она имеет к вселенскому разуму? Нет, тут Бог ни при чем.
- Странный какой-то Бог у тебя получается. Одну человеческую сущность готов целиком прибрать к своим рукам, о другой знать ничего не хочет. Ну да ладно, Олежка, заболтались мы опять с тобой, хотя я уже говорил: ничего-то мы о Боге не знаем. Как и твой философ-кибернетик, от которого ты в таком восторге. Больно много уж развелось у нас любителей создавать всякие новые формы существования материи. Боюсь, всем им

просто делать нечего. А у меня через два часа заседание кафедры, решающий бой со старыми зубрами. Надо немного с мыслями собраться.

– Ну, топай. А я еще посижу покумекаю тут. Да, кстати,— хлопнул Олег себя по лбу,— давно собираюсь тебе сказать: у отца есть хороший приятель, большой геологический начальник. Может, он устроит тебе этот производственный эксперимент.

– Ну, это на самый крайний случай. Если зубры совсем уж на дыбы встанут.

– А ты не очень их подзуживай. Знаю я тебя. Эксперимент экспериментом, а впереди защита. Так что полегче на поворотах, а то...

– Это уж как получится...

11

Заседание кафедры геофизических методов поиска и разведки полезных ископаемых подходило к концу. Никита коротко доложил о результатах своих исследований и в заключение сказал:

– Так что работа над диссертацией в основном закончена. Осталось обосновать ее практическую значимость. Для этого необходим производственный эксперимент. И я просил бы кафедру обратиться к какой-нибудь геологической экспедиции с просьбой провести такой эксперимент: пробурить по моему указанию две-три скважины.

Заведующий кафедрой неопределенно покачал головой.

– А что вы скажете, Леонид Федорович? – обратился он к научному руководителю Никиты, профессору Красильникову.

– Что я могу сказать?... Работа действительно закончена. Работа, безусловно, ценная и в научном, и в практическом отношении. Но, чтобы все это выглядело более убедительно, желательно, конечно, провести производственный эксперимент.

Он устало опустил тяжело набрякшие веки, и Никита понял, что на помощь этого больного, явно безвольного человека лучше не надеяться. В предстоящей схватке со старыми зубрами, небрежно развалившимися на мягком диване и в глубоких креслах в кабинете завкафедрой, он должен рассчитывать только на себя.

А «зубры» сейчас же бросились в атаку.

– Позвольте полюбопытствовать, Гамов,— тряхнул седой гривой профессор Разин, – а как вы, собственно, предполагаете осуществить этот производственный эксперимент?

– Очень просто. Я указываю на две-три площади, где по результатам моих исследований имеются ясно выраженные зоны выщелачивания и цементации. И экспедиция закладывает на них разведочные скважины. А так как я выберу площади, где заведомо нет никаких купольных структур, то эксперимент будет абсолютно чистым.

– Тэк-с, – процедил сквозь зубы Разин. – А если эти скважины окажутся пустыми?

– Тогда придется признать, что эксперимент не удался.

– Отлично! А кто оплатит этот неудавшийся эксперимент? Кафедра? Ведь при нынешних рыночных отношениях ни одна экспедиция копейки не выложит только за то, чтобы подтвердить или опровергнуть какую-то научную идею.

– Да никому ничего не придется платить, – возразил Никита. – Я абсолютно убежден, что если не все три, то уж одна-то из скважин обязательно даст нефть. И это с лихвой окупит все затраты на эксперимент.

– Очень похвально, что вы так уверены в результатах своих исследований, – усмехнулся Разин. – А я вот в них не очень уверен. Ведь все, что вы нам сейчас изложили, в принципе известно давным-давно. Но никто почему-то до сих пор не догадался предложить эти зоны выщелачивания и цементации в качестве поискового признака. Неужели все кругом такие дураки?

– Я не говорю, что все, что я изложил в своем выступлении, принадлежит исключительно мне. Да, такие зоны были известны давно. Были и попытки связать их с нефтью. Но необходимо было произвести соответствующие расчеты, чтобы установить, что они возникают именно от контакта воды с нефтью. А такие расчеты оказались возможными

только с привлечением новейшего математического аппарата, какого прежде просто не было.

– Возможно, возможно...– снова процедил сквозь зубы Разин.

И его тут же сменил доцент Брагин:

– Скажите, Гамов, а нельзя предположить, что указанные вами зоны могут возникнуть и в результате других процессов, не связанных с нефтью?

– Я таких процессов не знаю, – коротко ответил Никита.

– И можете гарантировать, что их не может быть?

– Такой гарантии вам не даст никто. Природа может предложить любой сюрприз. Но это не значит, что мы не должны использовать то, что уже известно науке.

– Позвольте задать и мне вопрос, – подал голос доцент Григорьев. – А вы не допускаете, Гамов, что нефть может уйти из пласта уже после того, как образовались эти ваши зоны?

– Допускаю.

– Тогда чего стоит вся ваша методика?

– А того и стоит, что она дает шанс. Не стопроцентный, но все же шанс! Без нее мы лишимся и этого шанса.

– Но позвольте, – снова вступил в дискуссию Разин. – Наука не лотерея, чтобы подсчитывать какие-то шансы. Мы хотим объективно разобраться в правомочности и надежности самого подхода к проблеме нефтепоисковых работ, какой предлагается в вашей работе.

– И уже пришли к выводу, что этот подход бесперспективен, а сама работа никому не нужна и ничего не стоит? – взорвался Никита.

– Нет, почему же, – сбавил тон Разин. – Речь идет не об оценке работы. Мы говорим о надежности такого подхода лишь в связи с вашей просьбой об официальном внедрении предложенного метода в практику буровых работ в какой-либо экспедиции по инициативе кафедры. И вот на это, к сожалению, мы пойти не сможем, так как в случае неудачи эксперимента именно кафедра вынуждена будет оплатить все расходы по бурению скважин. В то же время мы ни в коем случае не закрываем перед вами традиционного пути внедрения, более того, будем всячески способствовать скорейшему опубликованию вашей работы. Когда же она будет опубликована, то, я не сомневаюсь, большинство геологов-практиков заинтересуются предложенной вами методикой и сами, как говорится, на свой страх и риск заложат не две-три, а десятки экспериментальных скважин. Что же касается вашей работы как диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, то, я думаю, выражу общее мнение, если скажу, что ваши идеи небезынтересны, ваша работа вполне диссертательна, более того, она выполнена на весьма высоком уровне. И мы, я полагаю, сегодня же вынесем решение о готовности ее к защите. Не в традициях нашей кафедры допустить, чтобы аспиранты-геофизики не укладывались в срок с предоставлением диссертации ученому совету.

– Только и всего? Лишь бы был выполнен срок подачи? Лишь бы не пострадала репутация кафедры? – вспыхнул Никита.

– Не зарывайтесь, Гамов! – возвысил голос молчавший до сих пор заведующий кафедрой.

– Мы дали высокую оценку вашей диссертации. Мы готовы сегодня же рекомендовать ее к защите. А вы просите невозможного. Кафедра, как вы уже слышали, не может выступить с официальным предложением использовать вашу методику в конкретной производственной организации, ибо в случае любой неудачи нам придется выплатить огромную неустойку. И хватит об этом. Формулирую окончательное решение кафедры: работу аспиранта кафедры Гамова считать законченной и рекомендовать ее к защите. Все согласны?

– Да, но я все-таки хотел бы заметить, – словно проснулся руководитель Никиты, – что в таком виде – без апробации на производстве работа может не собрать при защите должного количества голосов членов ученого совета. Ведь тема ее и главная задача, заявленная автором...

– А это уже ваша забота, уважаемый Леонид Федорович. Вы должны были подобрать соответствующую тему для своего аспиранта и так сформулировать ее, чтобы не возникло никаких случайностей при защите.

– Но Гамов пришел со своей темой, и кафедра утвердила ее, – робко попытался возразить куратор Никиты.

– Не будем копаться в мелочах, – прервал его заведующий кафедрой. – Работа добротная. Выдержит атаки любых оппонентов. А название темы и главную задачу, заявленную в аннотации, можно и переформулировать. Так ведь, Гамов? – милостиво улыбнулся он Никите.

– Нет, Семен Григорьевич, – твердо ответил Никита, – ни названия темы, ни формулировки главной задачи, которую я сам перед собой поставил, я менять не стану. И работу в таком виде, без производственного эксперимента к защите не представляю.

– Ну, знаете... А впрочем, вольному – воля. Считаю заседание кафедры закрытым.

Домой, в общежитие, Никита шел в самом отвратительном расположении духа. Вечер был тихий, ясный, последние отблески заката таяли над лесом, а на душе у него творилось нечто невообразимое. Он ожидал, конечно, что старые «зубры» выставят рога, не сдадутся без боя. Но то, что произошло на самом деле, было не просто поражением. Он был разбит наголову, лишен малейшей возможности на какой-либо реванш, потерял всякую надежду на победу. Нет, он не жалел, что так решительно отказался сменить формулировку темы и представить незаконченную работу к защите. Не потому, что испугался черных шаров. А потому, что не хотел предать свои принципы. Но что же делать дальше? Бросить все и вернуться на производство? В конце концов он был готов и на это. А как же Инга?

Инга... Он только сейчас по-настоящему понял, кем стала для него эта девушка; до него только сейчас окончательно дошло, что он любит ее, не может прожить без нее и дня. Однако согласится ли она теперь стать его женой, уехать вместе с ним? Ведь ей еще надо закончить университет, у нее на руках старый больной человек, да он и не знает, как она к нему относится, может ли он рассчитывать на ее взаимность.

Есть, правда, еще один выход: связаться самому, через голову кафедры, с какой-нибудь экспедицией. Но с какой? С той, где он когда-то работал, это не получится: там сменилось все руководство. Хотя это было бы лучшим вариантом. Главный геолог экспедиции Георгий Александрович Славин еще тогда заинтересовался идеями Никиты, он и посоветовал ему поступить в аспирантуру. Только где он теперь, его добрый старый наставник? Впрочем, почему бы не попробовать разыскать его, хотя бы через ту же экспедицию?

Есть и еще одна возможность. Олег только что сказал, что у его отца есть хороший знакомый из «большого геологического начальства». В крайнем случае можно будет попробовать и этот вариант. Но лишь в самом крайнем случае!

Меньше всего хотелось бы сейчас Никите воспользоваться какой-либо услугой со стороны Олега. Может быть, потому, что тот так напористо старался опорочить Гридина? Но с какой стати сам-то он, Никита, столь решительно отмахивается от всего, что приписывается академику? Только потому, что он дед Инги? Нет, это было бы против всех его принципов и правил. Просто он интуитивно не может допустить, чтобы ученый такого ранга был способен сознательно пойти на преступление против человечества.

А если интуиция его подводит? Если то, в чем обвиняют Гридина, не лишено основания? Ведь сама Инга сказала, что у них в доме не все благополучно. А эти слухи о «монстре Гридина», ползущие по городу. В последнее время он наслушался их больше чем достаточно. А слухи, говорят, действительно не возникают на пустом месте.

Значит, надо докопаться до истины самому. Докопаться во что бы то ни стало. И как можно скорее!

Инга, как и обещала, встретила его у самой изгороди, и глаза у нее впервые за все время их знакомства светились радостью и счастьем.

– Доброе утро, Никита, я сейчас! – она быстро, как юркая ящерка, проскользнула в знакомую брешь в заборе, протянула к нему обе руки.

Как хороша, как удивительно легка была она в своем простом сером платице, в этом стремительном движении, со свободно выющимися по плечам волосами, с призывно вскинутыми к нему руками!

– Здравствуйте, Инга, – только и смог проговорить Никита, не в силах справиться с охватившим его волнением.

Глаза Инги, ее широко распахнутые цвета густого аквамарина глаза, были теперь совсем рядом, и он увидел в них то, о чем боялся даже мечтать.

– Инга... – снова повторил он, не выпуская из рук ее маленькие прохладные ладошки. – Как я рад снова видеть вас, Инга!

– И я, Никита, – просто ответила она. – И знаете, сегодня я совершенно свободна и могу пойти куда хочу.

– Куда же вы хотели бы пойти?

– Пойдемте на озеро, если сможете выкроить для меня часа три-четыре.

– Хоть целый день! Я, кстати, давно хотел взглянуть на это озеро, да все как-то не мог один собраться. А туда надо ехать или идти?

– Можно ехать, а можно и пешком, прямо через лес. Тут чуть больше километра по лесной тропинке. Я всегда хожу пешком. Мы держим там лодку. А я так люблю грести! И вообще озеро – мое любимое местечко. Значит, пошли?

– Конечно, о чем говорить!

– А чем закончилось заседание вашей кафедры? – спросила Инга, когда они углубились в лес. – Смогли вы убедить своих упрямых стариков?

– Нет, Инга, их ничто не убедит. Внедрение нового всегда сопряжено с известным риском. И хоть в данном случае риск совсем невелик, они боятся его, как черт ладана. Дело осложняется тем, что в нынешних условиях рынка кафедра, как и весь университет, посажена на хозрасчет, и в случае неудачного эксперимента ей придется платить неустойку.

– И много платить?

– Очень много. Но это не имеет значения. Я уверен, что неудачи не будет, все просчитано и проверено неоднократно. А они...

– А они этого не понимают?

– Они просто не хотят понять.

– Что же теперь будет? Вам придется все-таки уехать, и я... – Голос Инги дрогнул. – И я опять останусь одна? – закончила она чуть слышно.

Он взглянул ей в глаза. В них была теперь боль, тревога. И робкая надежда.

И этот тревожный, ждущий взгляд, эти дрогнувшие, как на ветру, ресницы, этот несмелый, упавший до шепота голос вмиг отозвались в нем лавиной нежной жалости, захлестнули ответной болью, заставили забыть обо всех неудачах и бедах.

Да разве можно было даже помыслить, чтобы покинуть ее, такую слабенькую, такую беззащитную, оставить одну со всеми ее горестями, страхами, переживаниями, отказаться от собственного обещания помочь справиться с бесчисленными невзгодами, выпавшими на ее долю?

– Нет, Инга, я никуда не уеду, – твердо ответил Никита. – Это было бы слишком большим подарком моим оппонентам-перестраховщикам. И потом... Не могу я теперь уехать отсюда... – Эти последние слова вырвались сами собой, помимо его воли, и он смущенно замолк, поспешно отведя глаза в сторону.

– Почему? Почему не можете? – не дала ему отмолчаться Инга.

– Ну... просто не могу... – окончательно смутился Никита. – Я вам после скажу почему.

– Ладно, – улыбнулась Инга вновь посветлевшими глазами. – Я не обижусь, если и совсем не скажете. Главное, что останетесь здесь, и я по-прежнему иногда смогу вас видеть. Только... Что же теперь будет с вашей работой? Ведь в прошлый раз вы сказали...

– Я и теперь не сдамся на милость этим «зубрам». Попробую связаться с производством сам, минуя кафедру.

– А это возможно? Вы уже знаете, как это сделать?

– Я еще не знаю точно, как это получится. Но я должен это сделать. Должен во что бы то ни стало!

– Дай Бог, чтобы все у вас получилось. Я так хочу этого, так переживаю за вас! А вот и озеро. Сейчас вы его увидите.

Озеро открылось сразу, всей своей ширью, как только они поднялись на пригорок и вышли на опушку леса. Огромное, сверкающее под солнцем в окаймлении высоких, поросших лесом берегов, оно казалось гигантским самоцветом, вставленным в малахитовую оправу.

– Правда, красиво? – воскликнула Инга, взяв его за руку и подводя к небольшому обрывчику над самой водой. – Я люблю бывать здесь, особенно рано утром, когда солнце только поднимается над верхушками деревьев, а от воды веет такой свежестью, такой чистотой и прохладой, что будто ветер врывается в грудь, и хочется взмыть в воздух и лететь, лететь... Правда, в последнее время из-за болезни деда это удастся все реже и реже. Но сегодня он отпустил меня на весь день... А вот и наша лодка, видите, голубая с белой полосой?

– И с вашим именем на борту.

– Это дед придумал...

– А весла?

– Весла вон там, в кладовке, – указала Инга на небольшой сарайчик, какие во множестве были расставлены меж деревьями по всему берегу.

Они спустились почти к самой воде и пошли по протоптанной здесь тропинке.

– Смотрите, какие красавцы! – показала Инга на пару лениво шевелящихся плавниками головлей, затаившихся меж камней.

– Да, такое нечасто встретишь, – кивнул Никита. – А вон и традиционный старик рыболов. Тоже как на картинке, – заметил он, увидев впереди под свесившимся над водой деревом пожилого человека с удочкой. И осекся на полуслове: под старой развесистой ветлой сидел, уставившись на поплавок, знакомый мужчина в кожаной кепке с пуговкой, которого он встретил несколько дней назад у дачи Гридиных.

Никита невольно замедлил шаг. Какое-то неясное предчувствие подсказывало ему, что он должен избегать этого человека, стараться по возможности не привлекать его внимание. Лучше всего было бы сейчас пройти мимо так, чтобы он не заметил их с Ингой.

Но не успели они поравняться с поникшей ветлой, как мужчина с удочкой вскочил, обернулся к Инге и, сдернув с головы кепчонку, просипел простуженным голосом:

– Здрасьте, Инга Никитична!

– Доброе утро, – ответила та, не поворачивая головы.

– А я, изволите видеть, рыбалочкой занялся, – продолжал рыбак, явно стараясь вступить в разговор.

– В добрый час, – сухо ответила Инга, все так же не удостоив его даже взглядом.

Мужчина шумно вздохнул и, нахлобучив кепочку, вновь опустился на свое место под ветлой.

– Ваш родственник или знакомый? – спросил Никита, когда они отошли на приличное расстояние.

– Ни то, ни другое. Но он бывает у нас в доме. Дед имеет с ним какие-то дела.

– Это связано с его научной работой?

– Нет, что вы! Скорее со страстью деда благотворить всем сирым и несчастным. Кажется, он дает ему время от времени кое-какую работу на дачном участке, но чаще просто ссуживает деньгами.

– А вы не разделяете этой его страсти?

– Все должно иметь меру. У деда ее нет. Но мне жаль этого бедолагу. Очень жаль! Не нашел человек места в жизни, не смог стать нужным другим людям. Только...

– Только всех несчастных не пережалеешь? – подсказал Никита.

– Не в этом дело. Но он всегда смотрит на меня так, будто именно я виновата во всех его несчастьях. С какой стати? Станный человек...

– Но кто он, рабочий, служащий, пенсионер?

– Когда-то таких людей называли бродягами. Теперь придумали не менее выразительное и не менее страшное слово – бомж. Ну да Бог с ним! Вот мы и пришли. – Она открыла дверку сарайчика, взяла спрятанный там ключ от лодки и черпак. – Берите весла, а я отомкну лодку. Да не думайте больше об этом человеке. Всех несчастных действительно не пережалеешь.

Через несколько минут они отчалили от берега, и лодка легко заскользила по чистой, прозрачной, как стекло, воде.

– Обратите внимание на эти всплески там, вдали, – это рыба играет, – заметила Инга, умело орудуя веслами. – Под тем берегом ее особенно много.

– Да, похоже, что так. А кто вас научил так искусно грести?

– Никто, я сама. Дед с детства водил меня сюда. Он был заядлым рыболовом.

– Почему был?

– Слишком часто нездоровится ему в последнее время. В этом году он ни разу не выбрался на озеро. Боюсь, не слег бы совсем. Что я буду тогда делать? Тетя ведь тоже больна. А дядя Семен почти чужой человек.

– Кроме него и вашей тети, у вас нет никаких родственников? – спросил Никита, вспомнив спор подвыпивших стариков о загадочной покупке Гридина.

– Нет... Впрочем, есть еще у дедушки двоюродный брат, бывший крупный партийный работник. Но я его ни разу не видела. Дед не поддерживает с ним никаких отношений: слишком недобрыми делами прославился он на своем посту. Да и сейчас, говорят, не перестает мутить воду. Словом, как я поняла, – неприятнейшая личность! Под стать всем бывшим партноменклатурщикам. В последние годы дедушка даже не упоминает о нем. Хотя живет он где-то неподалеку.

– В вашем городе?

– Да, кажется, в обкомовских домах, тех, что возле лесопарка. И это единственный человек, которого можно было бы назвать нашим родственником. Больше нет никого ни здесь, ни в каком другом месте. С нами, правда, живет еще одна женщина, домработница Глафира Сергеевна, или тетя Глаша, как я ее зову. Добрая, душевная женщина. Дедушка привез ее откуда-то из деревни, сразу после нашего несчастья. И теперь она нам как родная. Но это совсем посторонний человек.

– И у этой Глафиры Сергеевны есть сын? – живо заинтересовался Никита.

– Нет, там, в деревне остались ее отец и мать. Но больше никого. Здесь, у нас, она живет одна, совсем одна.

– А дядя Семен... У него есть дети?

– Откуда же? Дядя Семен – одинокий старичок.

– Но я слышал, Льву Яковлевичу приходится заботиться о каком-то подростке...

– Каком подростке? – удивилась Инга.

– Каком-то мальчике десяти-двенадцати лет. Может, это сын кого-нибудь из ваших знакомых?

– Я знаю всех знакомых дедушки, и ни у кого из них... вот только у Петра Эдуардовича Берга, нашего доктора и большого друга деда...

– Вы говорите о профессоре Петре Эдуардовиче Берге?

– Да. Вы знакомы с ним?

– Не то чтобы знаком, но несколько раз встречал в доме своего приятеля О лежки. Его отец Алексей Степанович Шевцов и Петр Эдуардович вместе учились в университете и до сих пор поддерживают дружеские отношения. Хотя трудно представить людей более разных во всех отношениях: Алексей Степанович – типичный представитель административной элиты, выдвинувшийся из так называемых «кухаркиных детей», а Петр Эдуардович, кажется, потомственный интеллигент.

– Да, это действительно интеллигент с большой буквы. И вообще чудесный человек. Так вот, у него есть сын. Но Павел Петрович постарше вас. Так что то, что вы слышали о каком-то подростке, может быть, лишь из серии тех небылиц, какие гуляют по городу.

– Да-да... Я так и думал... – в полной растерянности пробормотал Никита.

Он был не просто удивлен. Он был сбит с толку тем, что услышал от Инги. В том, что она говорила совершенно искренне, можно было не сомневаться. Но ведь и продавщица в магазине готового платья говорила, похоже, искренне. И столяр Бардин как будто не склонен был фантазировать. Значит, Инга просто ничего не знает. Старый академик и это скрывает от нее. Но с какой стати? Не покупал же он, в самом деле, одежду и не заказывал костыли для какого-то созданного им «монстра»! А что если все-таки...

– Скажите, Инга, – сделал Никита еще одну попытку проникнуть в тайну академика. – Неужели Лев Яковлевич и сейчас, будучи больным, продолжает работать?

– Представьте себе, да. Спешит завершить то, над чем работал еще в институте. Видимо, что-то очень важное и очень нужное людям. Я уже говорила вам, что он не делится со мной всеми деталями своих исследований. Но, судя по всему, это касается восстановления каких-то утерянных в ходе эволюции способностей живого организма, способностей, которые открыли бы перед человеком, как биологическим объектом, какие-то новые громадные возможности.

«Вот оно что!» – Никита почувствовал, как все в нем напряглось от внезапно вспыхнувшего прозрения. Новые громадные возможности человека... Так ведь это и могло быть тем, против чего предостерегали американские биологи и что беспокоило сотрудников здешнего института иммунологии. А Инга говорит об этом так буднично-спокойно. Или он, Никита, что-то не так понял?

– И вы ни разу не поинтересовались, что это за возможности? – снова обратился он к Инге.

– Интересовалась. И не раз. Но дедушка, как всякий истинный ученый, не хочет раскрывать всех карт, пока не будут получены окончательные результаты. Вот он и спешит добиться этих результатов. Но сами понимаете, как нелегко это сделать без каких бы то ни было ассигнований, без хорошо оснащенной лабораторной базы, без так трудно доставаемой сейчас зарубежной периодики, да еще в обстановке дикой клеветы, раздуваемой кем-то в городе. Я помогаю ему как могу, слежу за новейшими публикациями, делаю для него выписки из специальных книг и журналов. Но много ли можно сделать с моими знаниями и возможностями? И все-таки он продолжает работать. Не столь продуктивно, как прежде, конечно. Но с той же страстью и самозабвением, как всегда. Я преклоняюсь перед ним за такое отношение к делу.

Что можно было возразить на это? Впрочем, не успел Никита задать себе такой вопрос, как легкая ярко-желтая байдарка стремительно пронеслась вдоль их левого борта, и сидящий в ней молодой, щеголевато одетый мужчина насмешливо крикнул:

– Привет, Инга Никитична! Давно ли вы говорили, что предпочитаете лодочные прогулки лишь наедине с собой.

– Все течет, все меняется, – в тон ему ответила Инга, налегая на весла.

Никита с недоумением взглянул на свою спутницу. Лицо мужчины показалось ему знакомым.

– Кто это, Инга?

– Страшно противный тип, Вячеслав Погодин, аспирант Строева, нынешнего директора института иммунологии. Мне кажется, Строев поручил ему шпионить за дедом, и именно поэтому он вот уже с месяц навязывается на знакомство, без конца заговаривая со мной здесь, на озере, хотя я сразу дала понять, что он мне неприятен. Ну да не стоит на него время тратить!

Однако безмятежно-спокойное настроение, с которого началась их сегодняшняя прогулка, было испорчено. Глаза Инги вновь затуманились печальной дымкой. А когда желтая байдарка в другой раз пронеслась мимо них, едва не задев их бортом, Инга круто развернулась и направила лодку к берегу:

– Не будем мозолить глаза этому обороту, лучше я покажу вам еще одно мое любимое местечко.

– Да, пожалуй...

Вытащив лодку на берег и убрав весла, они снова углубились в лес и, отыскав еле заметную тропинку, вскоре вышли на небольшую поляну, заросшую высоким папоротником. Со всех четырех сторон ее, образуя почти непроницаемую стену, высились громадные густые ели, а в самом центре, словно нарочно спрятанный в сплошных папоротниковых зарослях, притаился могучий пенёк от спиленного кедра, вокруг которого поднялась уже небольшая куртинка молодого кедрача. Трудно было представить место более удобное для уединенного свидания. Инга опустилась на гладкую, словно отполированную, поверхность, жестом пригласила Никиту сесть рядом. Он осторожно, боясь стеснить девушку, примостился на самом краешке пня.

– Ну вот, – сказала Инга, доверчиво обернувшись к нему, – здесь нам никто не помешает. Я давно полюбила эту поляну. А особенно дорога она мне за то, что как раз здесь мы сидели вдвоем с папой всего за день до их с мамой гибели. Он очень любил меня. Мы почти каждое воскресенье выбирались с ним в лес.

– А мама?

– Мама была всегда занята то на кухне, то убиралась в комнатах, то готовилась к своим занятиям в училище. Дедушка же вообще мало бывал дома, даже по выходным дням не выходил из своей институтской лаборатории. А тетя приехала сюда лишь после нашего несчастья, до этого она жила где-то на юге. Поэтому я, сколько помню себя, больше всего бывала с папой. Даже из детского сада чаще всего забирал меня он, а не мама и не дедушка. Зато в лодке по озеру катал меня дед. И плавать я научилась с дедушкой. Мы даже рыбачили с ним на удочку. Маму же я больше вспоминаю за столом, на кухне или с градусником и лекарствами, если у меня что-нибудь болело. В такие минуты они почему-то все время спорили с дедом. Дедушка, как мне казалось, обижался на маму. Ему казалось, что она очень мало уделяет внимания семье. Я не раз слышала, как он уговаривал ее бросить работу в училище. Но она все не соглашалась. И только месяца за два до рокового дня сказала деду: «Ну вот теперь, когда их станет двое, я оставлю работу». Могла ли она предвидеть, что все так кончится?.. Дед потом говорил, что у меня мог быть братик. Он умер вместе с мамой. И теперь вот... – она судорожно вздохнула и поспешно отвернулась, чтобы скрыть набежавшие слезы.

Никита легонько коснулся ее плеча:

– Бедная девочка... Как вы смогли пережить все это? Она покачала головой:

– Не знаю... Но мне, конечно, помог дед. И тогда, сразу после несчастья, и во все последующие годы. Вскоре после гибели папы с мамой он ушел из института и, надо прямо сказать, заменил их обоих. Я никогда не забуду его забот и ласки. Хотя иной раз...

– И достается вам от него?

– Не то чтобы достается. Просто обидно бывает.

– За что?

– А вот за то, что он все время что-то скрывает от меня. А потом – и это самое главное – он почему-то с невероятным упорством, прямо-таки фантастическим упорством не позволяет никому, кроме Глафиры Сергеевны и тети, подниматься на второй этаж, где

расположены его кабинет, лаборатория и спальня. В первое время дело доходило даже до скандалов. Потом я смирилась, хотя по-прежнему не могу найти объяснения этой причуде. Ну и, наконец, его отношения с тетей. Она появилась в доме чуть ли не на другой день после смерти мамы и была мне представлена как родная сестра папы. Но мне до сих пор не понятно, когда, как и при каких обстоятельствах она покинула дом деда, почему вплоть до ее приезда мне никто не говорил, что у меня есть родная тетя. Ну и потом ее отношение ко мне...

– Все-таки она обижает вас?

– Нет, она ни разу не сказала мне ни одного плохого слова. И в то же время... Я почему-то не могу избавиться от ощущения, что в ней нет по отношению ко мне ни капли родственных чувств. Даже тетя Глаша, совершенно посторонний человек, кажется мне ближе, роднее, чем эта женщина. Да и их отношения с дедом... Я не знаю, как должны относиться родители к своим взрослым детям. Но я видела, как относились друг к другу мой дедушка и мой папа. А тут что-то совсем другое... И еще я заметила, что она почему-то всегда под любым предлогом отказывается посетить могилку бабушки. Но ведь это ее мать!

– А она давно скончалась, ваша бабушка?

– Давно. Очень давно. Папа говорил, что он едва помнит ее. Ну вот, теперь вы знаете обо мне все. Сегодня я даже надоела вам, наверное.

– Что вы говорите, Инга! Да я...

– И пора нам возвращаться, – не дала она ему договорить.

– Посидим еще немного. Здесь так хорошо...

– Уже поздно, Никита. Лучше встретимся послезавтра, если хотите.

– Снова утром?

– Нет, к концу дня, часа в четыре, – она соскочила с пня, но вдруг покачнулась, едва удержалась на ногах.

– Что с вами, Инга? – поспешил поддержать ее Никита.

– Да так, пустяки, неудачно наступила на выступивший корень.

Но Никита заметил, что в глазах ее мелькнуло скрытое страдание.

– Вам больно, Инга?

– Ну что вы, нет! Пойдемте быстрее.

Больше она не произнесла ни слова. Молчал и Никита, мысленно перебирая в голове все то, что только что узнал от Инги. А поразмыслить было о чем.

Впрочем, путь оказался не столь уж длинным: поляна находилась почти у самой просеки. Вдали блеснули уже окна дачи, как вдруг...

Никита даже остановился, схватил Ингу за руку. Там, на опушке леса, в нескольких шагах от тропинки, по которой они шли, стояла, плотно прижавшись к стволу большой лиственницы... женщина в черном. Она была совершенно неподвижной, но взгляд ее полураскрытых глаз был устремлен на них с Ингой. И была в этом взгляде жгучая боль, мольба, отчаяние.

Никита сильно сжал руку Инги:

– Инга, смотрите, кто это? – Где?

– Вон там, под лиственницей.

– А-а, это монашка. Я часто встречаю ее в городке.

– Но почему она здесь? Почему так странно смотрит на нас?

– Ну, мало ли...

– Нет, тут что-то не так.

– Да что вы так встревожились? – Но я тоже встречал ее не раз...

– Ну и что?

– Так она всякий раз точно в душу заглядывает.

– Вот уж не думала, что вы такой впечатлительный. А впрочем, все дело в том, наверное, что вы до сих пор живых монахинь не видели. Мы-то здесь привыкли. Ну, я пойду,

Никита. До свидания. – Она мигом проскользнула через забор и, махнув ему рукой, быстро скрылась за беседкой.

А он как остановился на краю просеки, так и застыл, словно загипнотизированный, не спуская глаз со скорбной фигуры монахини. И только после того как она, тяжело ступая, двинулась наконец прочь, он с трудом оторвал подошвы от земли и медленно, все время оглядываясь, побрел к себе в университет.

«Нет, тут определенно что-то не так, – мысленно повторял он, снова и снова перебирая в памяти все, что было связано с появлением женщины в черном. – Разве можно объяснить простой случайностью, что я в третий раз встречаю ее возле дома Инги. И этот горестный взгляд, это скорбное лицо... Так может выглядеть лишь человек, переживший кошмарнейшую трагедию. И трагедия эта, судя по всему, связана именно с дачей Гридиных...»

13

А на подходе к университету его ждала новая неожиданность. Когда он, почувствовав сильный голод и вспомнив, что с утра ничего не ел, решил забежать в университетскую столовую, на пути его, словно из-под земли, вырос недавний обладатель желтой байдарки. – Простите, мне хотелось бы с вами поговорить, – вкрадчиво сказал он, преграждая Никите дорогу.

– Пожалуйста, – нехотя ответил Никита, не ожидая от этого разговора ничего хорошего.

– Мне кажется, я где-то уже встречался с вами, – продолжал молодой человек. – Вы аспирант?

– Да.

– Тогда все ясно. Я видел вас на недавней аспирантской конференции в Доме ученых. Ваш доклад произвел впечатление. Будем знакомы, коллега. Вячеслав Погодин, – он схватил Никиту за руку и, энергично встряхнув ее, важно добавил: – Аспирант института иммунологии.

Никита назвал себя.

– Вот как! Значит, вы геофизик. Очень приятно! Геологи – народ без комплексов. Не то что всякие гуманитарии. Поэтому перейду сразу к делу. Вы слышали, я полагаю, что все биологи мира заключили своего рода джентльменское соглашение прекратить какие бы то ни было эксперименты по генной инженерии человека?

– Да, слышал.

– И знаете, что академик Гридин отказался выполнять это соглашение?

– Слышал и об этом.

– И как вы это расцениваете?

– Я считаю, что это дело совести каждого ученого.

– Ничего себе позиция! А если у какого-то ученого нет совести? Вы представляете, что может тогда произойти? Вспомните хотя бы трагедию Хиросимы.

– Людей без совести не бывает, – возразил Никита. – И в трагедии Хиросимы повинны не ученые, а политики и военные.

– Ну, положим, и с ученых нельзя снять вины. Кто, как не они, должен был предвидеть последствия своего открытия? И вот биологи в этом отношении оказались мудрее физиков. Заранее наложили табу на исследования, могущие принести вред людям.

– Но ведь так можно, как говорится, выплеснуть с водой и ребенка. В конце концов любое открытие можно использовать в преступных целях. И если быть последовательным, то, с вашей точки зрения, следовало бы запретить и всю фармакопею и лазерную технику и даже селекцию растений.

– Ну, это уж вы слишком! Я готов согласиться, что всякое открытие может быть использовано в неблагоприятных целях. Но ведь на то и существует соответствующий контроль. Возьмите ту же фармакопею. Вы знаете, через какое строгое «сито» контролирующих структур просеивается каждый вновь созданный лекарственный

препарат? Но то, о чем мы говорим, невозможно подвергнуть никакому контролю. Особенно если речь идет о частных или домашних лабораториях. Тут действительно можно положиться лишь на совесть самого исследователя. А вы взяли бы на себя смелость утверждать, что тот же академик Гридин ни при каких обстоятельствах не поступится своей совестью?

Вопрос был не из простых. В ушах Никиты до сих пор звучал голос Инги, повествующий о том, что ее дед завершает работу над уникальнейшим открытием, способным наделить человека, как биологического объекта, какими-то новыми огромными возможностями. Но что это за возможности? Не приведут ли они, в самом деле, к мировой трагедии почище трагедии Хиросимы? Правда, Инга сказала, что это открытие нужно людям. Но ведь она сама не знает, о каких возможностях идет речь. Да и физики Лос-Аламоса едва ли предвидели в свое время, во что выльется их работа над «урановым проектом». К тому же он так и не смог выяснить, что значило то, что он узнал от продавщицы магазина готового платья и старика столяра с улицы Тополевой. А эти бесчисленные тайны в доме академика, которые не дают покоя Инге...

Поэтому Никита ответил вопросом на вопрос: – А вы взяли бы утверждать противное?

– Я не взялся бы утверждать ни то, ни другое. Но допустим, что у Гридина действительно хватит и мудрости и совести не обратить свое открытие во зло. Допустим! Кстати, вы, кажется, не сомневаетесь в этом. Но ведь Гридин невечен. Придет время, и не столь уж долгое время, и Гридин распрощается с жизнью. Что будет тогда? В чьи руки попадут результаты его исследований? Вот тут уж, действительно, никто не сможет гарантировать самых страшных последствий. В этом-то вы согласны со мной?

– С этим нельзя не согласиться. Но почему вы уверены, что Гридин работает над чем-то действительно опасным для людей?

– Я не говорю, что уверен в этом. Не говорю даже, что предполагаю это. Но, согласитесь, всем нам, всем без исключения людям Земли, нужно быть действительно уверенными, что работы Гридина не грозят бедой. А для этого надо знать, что он делает в своей закрытой от всех домашней лаборатории. И получить такие сведения в настоящее время можно лишь одним-единственным путем: вызвав на откровенность его внучку Ингу Никитичну. Такую задачу и поставили передо мной...

Никита почувствовал, что его начинает мутить от все нарастающей неприязни к столь бесцеремонно навязывающемуся собеседнику.

– Кто поставил? – грубо оборвал он Погодина.

– Не важно кто, – попытался тот уйти от прямого ответа. – Я и сам...

– Для меня важно! – снова оборвал его Никита.

– Хорошо, я скажу вам. Эту задачу поставил передо мной весь коллектив института иммунологии.

– Вон кто! – не мог не усмехнуться Никита. – А я думал, все человечество Земли.

– Не иронизируйте, коллега! Дело столь важное, что требует к себе самого серьезного отношения.

– Но чего вы от меня-то хотите?

– Как чего? Неужели нужно что-то еще объяснять? Я полагал, что геологи более сообразительные люди.

– Смотря в чем.

– Ну что же, расставляю все точки над I. Мне не удалось коротко познакомиться с Ингой Никитичной. Что поделаешь, не герой ее романа. Вам же, как я понял, удалось это в полной мере. Так вот, вы и должны выполнить свой высокий гражданский долг – выяснить, над чем работает сейчас академик Гридин, и тем помочь людям Земли избежать страшной опасности.

Это было уж слишком! Никиту аж передернуло от такой наглости:

– Вы действительно считаете, что бессовестный шпионаж за уважаемым человеком, да еще с использованием слабой, беззащитной женщины можно назвать выполнением

высокого гражданского долга? – сказал он, не скрывая больше чувства глубочайшего отвращения к этому лощеному краснобаю.

– Не будем играть словами, коллега. Вы отлично знаете, что иногда цель оправдывает любые средства. А уж если речь идет о судьбах всего человечества...

– Ну, если всего человечества! – снова усмехнулся Никита.

– Перестаньте паясничать, Гамов. И не стройте из себя невинную институтку! Уж не хотите ли вы меня уверить, что вам совершенно безразлично, над чем работает Гридин?

– Нет, меня это интересует. Очень интересует. Но если я что-нибудь и узнаю об этом, то без ведома самого Гридина не передам этих сведений никому на свете. Если даже меня будет просить об этом весь ваш институт иммунологии, не говоря уже о столь любезном вашему сердцу человечестве.

Лицо Погодина перекопилось от едва сдерживаемой злобы:

– Вот вы какой, оказывается, Гамов! Ну что же, как говорится, вольному воля. Только не забывайте, что вам предстоит еще защита диссертации. А члены ученого совета тоже частичка «любезного моему сердцу человечества».

– Это что, угроза?

– Ну что вы! Как можно угрожать столь благородному идальго? Просто мне хотелось дать вам дружеский совет. И если когда-нибудь понадобится моя помощь, то вы всегда найдете меня в лаборатории профессора Строева. Чао!

Погодин неторопливой походкой направился в сторону лабораторного корпуса биоинститута. А Никита даже забыл о снedaемом чувстве голода и своем решении идти в столовую. Голова его раскалывалась от бесчисленных противоречий.

Погодин безусловно подлец. В этом можно было не сомневаться. Но так ли уж безгрешен Гридин, на защиту которого Никита встал столь решительным образом? И что заставило его так упорно возражать против всех доводов Погодина? Опять только то, что академик Гридин – родной дед Инги? Нет, конечно! Он, Никита, всегда считал, что каждый ученый имеет право на полную свободу в выборе своих научных интересов. Это главным образом и определило его позицию в споре с аспирантом Строева. Но в чем-то тот был и прав. Ведь если Гридин в самом деле проводит преступные эксперименты по изменению генотипа человека, то это действительно может стать угрозой всему человечеству. Если проводит... Но как это согласовать с тем, что говорит о нем Инга? И зачем старому, умудренному жизнью академику создавать что-то такое, что может пойти во зло людям? Неужели он так заиклился в своем стремлении удивить мир каким-то сверхсенсационным открытием, что напрочь заглушил в себе голос совести?

Как выяснить все это? Как докопаться до истины, если даже Инга не знает, что происходит на втором этаже их особняка.

14

Солнце село и начали сгущаться сумерки, когда он отправился на другой день навестить приятеля. Тот жил неподалеку от общежития. Но, взглянув на часы, Никита увидел, что еще слишком рано: Олег мог не вернуться из спортзала, и он решил сделать небольшой крюк, пройти по заветной просеке, чтобы хоть издали взглянуть на дом любимой.

Здесь было в этот час пустынно и тихо. Первые звезды зажглись над лесом. Зябким холодком повеяло из лесной чащи. Хмурые ели сомкнулись в сплошную черную стену, и оттого все вокруг тонуло в густом мраке. Лишь желтые пятна окон со стороны дач слабо просвечивали сквозь ветви деревьев да бледное зарево поднималось высоко в небо в той стороне, где угадывались городские кварталы. И ни звука.

Никита остановился неподалеку от знакомого забора и устремил взгляд в темноту гридинского сада, стараясь представить, что делает сейчас Инга. Временами ему казалось даже, что в одном из окон, менее других затененном деревьями, он видит неясный девичий профиль. Но это было, конечно, лишь игрой воображения: на таком расстоянии трудно было рассмотреть и очертания самих окон.

Простояв так минут десять-пятнадцать, Никита собрался уже двинуться дальше, как вдруг до слуха его донесся слабый шорох, а в следующее мгновение он ясно увидел, как над забором показалась фигура человека. С минуту человек оставался неподвижным, по-видимому, прислушиваясь и озираясь по сторонам, потом мягко спрыгнул на землю и медленно, крадучись, направился в сторону Никиты. Никита прижался к дереву и замер, не спуская глаз со странного видения. Между тем человек прошел почти рядом с ним, и Никита смог рассмотреть, что это был немолодой мужчина в рабочей спецовке с мотком провода в руках. Перейдя через просеку, он снова остановился, долго обшаривая глазами светящиеся окна гридинского особняка, но, не заметив там никакого движения, довольно хмыкнул и, шагнув к лесу, исчез в ночном мраке.

Это еще что за наваждение! Первым желанием Никиты было пойти вслед за незнакомцем, но он тут же осадил себя, быстро сообразив, что не сможет сделать и двух шагов, не выдав себя в лесу, полном хрустящего валежника, да еще в такой предательской тишине. Впрочем, в этом, как оказалось, и не было нужды. Не успел незнакомец углубиться в лес, как встретил там, похоже, другого человека, так как сразу послышались два голоса. Первый принадлежал, очевидно, рабочему с мотком провода, а второй... Второй был, несомненно, голос Вячеслава Погодина. Никита затаил дыхание.

– Ну, пока все, – проговорил рабочий, явно довольный чем-то только что сделанным. – Остальное, как рассветет. Главное было протянуть провод по саду академика.

– А не найдут его там?

– Нет, провод идет по густой траве у самого забора, там никто не ходит. Здесь же, в лесу и на просеке, я так его

. замаскирую, что сам черт не найдет.

– Ну, хорошо. А где поставлен микрофон? Там, где работает академик?

– Нет, на второй этаж, где кабинет хозяина, меня не пустили. Микрофон я пристроил в гостиной, там у них и телефон.

– Но там, в гостиной, ничего не обнаружат?

– Нет, все сделано чисто. Я ведь телефонным мастером назвался. А у них воздушка. Ну, я посмотрел для вида что и как и говорю: «Провод-то, что идет к столбу, заменить надо». Что тут скажешь? Хозяйка, видная такая дамочка, только головой кивает: надо, мол, так надо. В этот провод я все и вплел. Кто увидит, что наверху-то? По столбу же отводку по громоотводу пустил, тоже все шито-крыто. Самое трудное было дальше: кто мне позволил бы по саду-то шастать? Так я моток с отводкой в бурьян у столба заховал и как ни в чем не бывало говорю: «Все в порядке!» Хозяйка довольненька. Стаканчик поднесла и четвертак впридачу. Все честь честью! Ну а как стемнело, я – снова в сад. Разыскал свой моток и вывел отводку сюда. Так что можете ни о чем не беспокоиться. Одно мне только непонятно. Сейчас, говорят, такие штуkenции придумали, что вставь ее куда надо, и все как есть передаст. Без всяких проводов, без всякой мороки. А вам почему-то эта кустарщина понадобилась.

– Мне понадобилась! – фыркнул Погодин. – Думаешь, я не знаю об этих штуkenциях? Да где их взять-то? Думаешь, их как папиросы продают?

– Ну, вам виднее. А как с расчетом? Был уговор на три бутылки.

– Получишь свои три бутылки. Вот доведешь дело до конца, услышу я в наушниках их голоса, тогда и рассчитаемся.

– Понятно, что надо сначала закончить. А все-таки не мешало бы в порядке аванса хоть на бутылочку.

– Ладно, держи вот. А теперь расходимся. До завтра!

Снова послышался треск валежника. И все стихло.

Никита вышел на просеку, нащупал ногой провод: «Взять и оборвать? Нет, тогда они сделают все снова. Лучше пока оставить все как есть. А завтра посоветоваться с Ингой».

Но какой негодяй Погодин! Такой ни перед чем не остановится. Может и Ингу погубить. А он, Никита, чуть не собрался уехать, оставить ее здесь одну. Нет, надо во что бы то ни

стало найти какой-то другой выход. Может, действительно Олег поможет? Он еще раз прислушался и, не услышав больше ни звука, быстрым шагом направился к Шевцовым.

15

Олег встретил его с набитым ртом:

– А-а, Никита! Давай проходи. А я сижу ужинаю. Только что пришел из спортзала. Садись и ты.

– Да нет, я...

– Чего «нет, я»? Садись, говорю. Мать твоих любимых пирожков напекла – пальчики оближешь! Мой руки – и на кухню!

Из кухни действительно шел такой аппетитный аромат, что Никита, не говоря больше ни слова, помыл руки и сел за стол.

– Ну как, укротил ты своих «зубров»? – спросил Олег, уминая очередной пирожок.

– Нет, выбили меня из седла, – ответил Никита и рассказал обо всем, что было на заседании кафедры.

– Так-так... Что же будешь делать дальше? Да ты ешь, ешь!

– Не знаю еще! Хочу посоветоваться с тобой. Без производственного эксперимента, сам понимаешь, не обойтись.

– Это само собой. А если послать их ко всем чертям и попробовать без них договориться с кем-нибудь из геологов?

– Но с кем? С кем? Может, твой отец подскажет что-нибудь? Помнишь, ты говорил о каком-то его хорошем знакомом...

– О нем я и подумал. Он, кажется, этими самыми буровыми ведает. Сегодня же с отцом поговорю.

– Спасибо, Олег. А ты случайно не знаешь аспиранта-иммунолога Вячеслава Погодина?

– Знаю ли я Славку Погодина? Еще бы не знать! Мировецкий парень!

– Чем же он такой мировецкий?

– Спортсмен, весельчак, за словом в карман не полезет. Чего еще надо?

– А знаешь ли ты, что этот «мировецкий парень» способен на любую подлость?

– Славка Погодин?! Не может быть! С чего ты взял?

– С того и взял, что не далее как вчера этот «парень что надо» с полчаса уговаривал меня пошпионить за Гридиным, Используя мое знакомство с Ингой, а сегодня вечером я поймал его за прокладкой подслушивающего устройства на даче Гридина.

– Подслушивающего устройства?! Он же ни черта в этом не смыслит!

– Я тоже понял, что он ничего в этом не смыслит. Так он нанял какого-то алкаша за три бутылки водки.

– Вот это новость! Прямо кино! Для чего же все это ему понадобилось? Как он объяснил тебе?

– Сказал, что хочет спасти от гридинских экспериментов все человечество.

– Ха-ха-ха! Так и сказал: спасти все человечество? Узнаю Славку Погодина! Только, послушай, что же тут подлого? Может, он действительно поставил перед собой такую архиблагородную задачу?

– Да? Благородные дела делаются чистыми руками.

– Ну, это, положим, не всегда так. А Гридина прощупать стоило бы. Я сам, как ты знаешь, не прочь проведать, что он там сейчас маракует в своем особняке. Боюсь, в самом деле что-то не совсем безопасное.

– Кто знает... И все-таки я не думаю, что Гридин способен на что-то очень уж злонамеренное.

– Не думаешь? А я вот вчера узнал, что за год или за два до ухода его из института ему было предъявлено обвинение в уголовном преступлении. Он, понимаешь, пользовал

своим подпольно изготовленным препаратом одного больного шестилетнего мальчугана, что привело к очень неблагоприятным последствиям.

– Что значит к неблагоприятным последствиям? Мальчик умер?

– Нет, больной остался жив. Но неблагоприятные последствия, как было установлено следствием, устранить не удалось.

– Но разве это такая редкость во врачебной практике?

– Речь идет не о врачебной практике, а об использовании препарата, не прошедшего клинические испытания и не получившего соответствующего разрешения на использование. Это во всем мире считается большим преступлением.

– А как ты узнал об этом?

– Мне рассказал один давний приятель отца, бывший сотрудник Гридина. Он выступал в качестве свидетеля по этому делу.

– Значит, был суд?

– Нет, до суда не дошло, дело закрыли. Но, согласись, это не украшает академика.

– Да, пожалуй. Но как удалось закрыть такое дело?

– Родители мальчика, говорят, отказались от обвинения. Я думаю, их просто подкупили.

– Возможно. Но для чего все это понадобилось Гридину?

– Для чего подкупать родителей?

– Нет, для чего ему, академику, понадобилось предлагать свой препарат для лечения какого-то ребенка?

– Трудно сказать... Разве в порядке очередного эксперимента, чтобы проверить какое-то открытие.

– А этот «давний приятель» твоего отца тоже известен какими-то большими открытиями?

– Что значит известен большими открытиями? Гридин возглавлял лабораторию, к тому же был директор института. А Павел Александрович работал рядовым сотрудником в его лаборатории, так же, как теперь работает в лаборатории Строева. Сейчас, сам знаешь, время ученых-одиночек прошло. И если говорить о больших открытиях, то речь может идти только об успехах крупного научного коллектива, в данном случае всего института иммунологии.

– Ну и что можно сказать в этом смысле о нынешнем институте иммунологии?

– Не знаю, Никита. Я же далек и от биологии, и от медицины. Но если это тебя так интересует, пойдем поговорим с отцом, он должен быть в курсе дела. Ему по должности положено.

– Как пойти и поговорить? Он же, наверное, занят?

– Нет, в это время он или сидит за телевизором, или газеты читает. Пойдем, пойдем! Кстати, и о твоём деле потолкуем.

Олег встал из-за стола и заглянул в кабинет отца:

– Так и есть. Сидит в кресле с газетой. – Он подтолкнул Никиту вперед. – Можно к тебе, батя?

– Да. В чем дело? А-а, и Никита тут! Проходите, ребята, проходите! Чем могу быть полезным?

– Да вот мы поспорили с Никитой... Ты не скажешь, какова сейчас обстановка в институте иммунологии?

– В каком смысле?

– Ну, каков там сейчас уровень производимых исследований, есть ли оригинальные, стоящие внимания разработки, каков выход в практику, в частности в медицину?

– А-а, вон вы о чем! Да садитесь, садитесь, вот тут на диване устраивайтесь, – он свернул газету, снял очки, поудобнее устроился в кресле. – Значит, физики и геологи иммунологией заинтересовались? Так вот, плохи сейчас дела у наших иммунологов. Очень плохи! На днях работу института специально разбирали на президиуме филиала. Картина выяснилась – хуже некуда! За десять лет ни одной крупной работы, сплошное переливание из пустого в порожнее. Выводы были сделаны самые жесткие. Строев

получил строга. Оба его зама – по выговору. Но мне кажется, это дело не поправит. Нет в институте фигуры. А без этого...

– А при Гридине все было иначе? – не удержался от вопроса Никита.

– Гридин! Гридин – уникум! Глыба! Таких, как он – раз-два и обчелся!

– Так почему же его сняли с поста директора?

– Я тогда не был вхож в президиум, всех подробностей не знаю. Но, кажется, тут было больше политики, чем здравого смысла. А когда в науку вмешивается политика, то сами знаете... Словом, зазя потерпел Гридин.

– Но я слышал, что придрались к тематике его исследований. Над чем работал тогда Гридин? И вообще, что он за человек?

– Над чем он тогда работал, я точно не скажу. Что-то слишком специальное. А что он за человек?.. В общем, типичный образчик старой русской интеллигенции: честный, неподкупный, в высшей степени порядочный. Но абсолютно не способный постоять за себя. Сейчас такие невысоко котируются.

– А Олег сейчас вот рассказал, что однажды он был привлечен чуть ли не к уголовной ответственности.

– Чепуха! Это приятель мой вчера под хмельком нафантазировал сверх всякой меры. Было какое-то недоразумение – только и всего. Гридин и уголовное преступление – смешно! Впрочем, я лично знаком с ним не был. А вы вот что, ребята. Если хотите все знать о Гридине, потолкуйте-ка с Анастасией Ивановной Кедровой. Она, говорят, была правой рукой академика и самой преданной его почитательницей. Когда Гридина отстранили от директорствования, она первой ушла из института, в порядке, так сказать, солидарности с шефом. И до сих пор сидит дома на пенсии. Хотя гоже, говорят, была голова! Думаю, она с удовольствием вспомнит те годы, когда работала со своим шефом.

– Спасибо, Алексей Степанович, – сказал Никита, – я обязательно постараюсь с ней увидеться. А как вы думаете, над чем сейчас работает Гридин?

– Кто знает... Сейчас его на президиум не вытащишь, никакого отчета с него не спросишь. Но думаю, старик без дела не сидит. Не такой человек Гридин.

– А еще вот какое дело, батя, – подмигнул Олег Никите. – Помнишь, ты однажды говорил о каком-то хорошо знакомом тебе большом геологическом начальнике?

– Это о Юрке, что ли?

– Да, кажется, ты называл его Юрием.

– Юрка далеко пошел! Командует одной из крупнейших нефтепоисковых экспедиций здесь неподалеку, на Севере. А зачем он тебе понадобился?

– Не мне, Никите, – ответил Олег. – Тут, понимаешь, такое дело... – И он рассказал, с какими трудностями столкнулся Никита в попытке поставить производственный эксперимент.

– Так-так-так... – постучал Шевцов-старший костяшками пальцев по подлокотнику кресла.

– А ведь Юрка, кажется, только этого и ждет. Помнится, он даже рассказывал о чем-то подобном. Да-да, теперь я точно вспомнил, он говорил, что в экспедиции, где он работал до своего нового назначения, кто-то из его сотрудников только и носился с идеей вроде этой.

– С идеей использования зон выщелачивания и цементации в практике нефтепоисковых работ?! – встревожился Никита. – Может, вы что-то не так поняли?

– Да нет, именно об этих зонах он и говорил.

– Так это же... Вы понимаете, что это может значить?

– Боишься, кто-то обскачет тебя? – догадался Олег.

– Конечно. Идея-то, в общем, простая. Я даже удивлялся, что никто, кроме меня, до нее не додумался. А оказывается, кто-то уже ухватился за нее и, может, успел даже внедрить в производство. Алексей Степанович, как бы мне связаться с этим вашим знакомым?

- Нет ничего проще. Как раз на днях филиал академии созывает совещание геологов-практиков. Он там будет. Я уж и бутылочку приготовил для такого случая. Так что, считай, на ловца и зверь бежит.
- Спасибо, Алексей Степанович. Так вы дадите мне знать, когда он придет?
- Не беспокойся, О лежка притащит тебя к нам в любое время дня и ночи.

16

В этот раз Никита намеренно пришел на свидание с Ингой раньше условленного часа: надо было посмотреть, что успел сделать нанятый Погодиным монтер. А тот поработал на славу. Никите пришлось чуть не на коленях исползать весь отрезок просеки, примыкающий к гридинской даче, прежде чем он обнаружил провод, искусно уложенный под землей и присыпанный опавшей хвоей. Хитрый алкаш пустил его через просеку чуть в стороне, подальше от угла изгороди, так что никому и в голову бы не пришло заподозрить тут что-то неладное. Так же надежно, наверное, провод был замаскирован и в лесу. Однако не успел Никита сделать нескольких шагов в сторону от просеки, как до слуха его донесся голос Инги:

- Никита! Вы что там, грибы собираете?
 - Да, вы почти угадали, – ответил он, поднимаясь с земли. – Только очень уж они ядовитые.
 - Что вы хотите этим сказать?
 - Сейчас все объясню, только... Пойдите, не перебирайтесь сюда. Пройдите сначала к углу изгороди и посмотрите, нет ли там, в траве, какого-нибудь провода.
 - Зачем он вам понадобился?
 - Вы пошарьте там, пошарьте! – настойчиво повторил Никита.
- Инга прошла к границе участка, склонилась над густой, чуть примятой травой:
- Да, тут в самом деле лежит какая-то проволока. Только очень тонкая. Вам нужна она?
 - Нет, больше ничего не нужно. Теперь идите сюда, ко мне.
- Инга вернулась к Никите, быстро перебралась через забор:
- Так что вы хотели мне объяснить?
 - Прежде всего, что это не просто проволока, а линия связи, идущая из вашей гостиной через весь сад и куда-то дальше в лес. Кстати, вы знаете, что вчера у вас был телефонный мастер?
 - Да, тетя говорила, что приходил мастер с телефонной станции и сменил провод, идущий к столбу, что возле дома, в саду.
 - Так вот, это был не мастер с телефонной станции, а нанятый Погодиным шабашник, и он не просто сменил провод, а поставил где-то возле телефона в вашей гостиной подслушивающее устройство, провод от которого вы и видели сейчас в траве.
 - Шабашник, нанятый Погодиным... Подслушивающее устройство у нас в гостиной! Так это... это... – не находила она слов от возмущения.
 - Да, Инга, вы оказались правы. Этот субчик действительно шпионит за вашим дедом. И не брезгует, как видите, даже такими грязными методами.
 - Но как вы догадались?
 - Я сам случайно застал их вчера вечером, когда они прокладывали провод через сад и дальше в лес, а потом подслушал их разговор.
 - Что же теперь делать? Сказать обо всем деду, звонить в милицию?
 - Нет, Льва Яковлевича расстраивать не стоит, с милицией тоже лучше не связываться. Чем вы докажете, что это дело рук Погодина? Начнется следствие. Начнут трясти всех ваших домашних, и прежде всего, конечно, деда. А каково это в его возрасте и с его здоровьем? Поэтому сделаем вот что! Пройдите сейчас по проводу до телефонного столба и там перережьте его ножом или ножницами.
 - Так, может, лучше выбросить весь провод из сада?

– Нет, тогда они сразу поймут, в чем дело, и постараются придумать что-нибудь похлеще. А так пусть гадают: то ли вас в гостинной не бывает, то ли вы говорите так тихо, что вас не расслышать.

– Верно. Тогда я прямо сейчас все сделаю.

– Бегите, я подожду вас здесь.

А через полчаса они снова сидели, укрытые папоротниками, на любимой поляне Инги, и Никита рассказывал, как совершенно неожиданно отец Олега предложил ему познакомиться со своим приятелем-геологом, который, возможно, согласится провести у себя в экспедиции столь необходимый производственный эксперимент.

– И тогда вам не придется уезжать отсюда? – спросила Инга с волнением и надеждой.

– Думаю, что да.

– Как это было бы хорошо! – воскликнула она, не скрывая радости. – Скажите, Никита, а как вы оказались возле нашей изгороди вчера вечером?

– Просто захотелось побыть неподалеку от вас. Лицо Инги вспыхнуло, глаза широко раскрылись:

– Значит, я вам... значит, вы... Он не дал ей договорить:

– Инга!.. Я давно хотел, чтобы вы знали... Я давно хотел сказать вам... Я люблю вас, Инга. Я только о вас и думаю, только и жду встречи с вами.

– Ой, Никита! – только и смогла выговорить Инга, закрыв лицо ладошками.

Он легонько коснулся губами ее волос:

– А вы? Что же вы молчите, Инга? Как вы относитесь ко мне?

– Разве вы не видите, не чувствуете? Разве это можно выразить словами? Только... – она вдруг отвернулась и всхлипнула. – Только мы никогда не сможем стать больше чем друзьями, – договорила она чуть слышно.

– Как? Почему? – не поверил своим ушам Никита. – Что вы говорите, Инга?!

Он попытался отстранить ее руки от лица. Но она все ниже опускала голову, продолжая плакать, всхлипывая, как обиженный ребенок.

– Да что с вами, Инга? Почему вы плачете? Чем я обидел вас? Или я вам так уж неприятен?

– Разве я... Разве я говорю, что вы обидели меня, – наконец проговорила она сквозь слезы.

– Разве вы можете быть мне неприятным? Лучше вас я вообще никого не знаю. Но я... Просто я... Просто меня нельзя любить.

– Но почему? Почему?! Что вы хотите этим сказать?

– Потому что я... Нет, не могу! Не спрашивайте меня ни о чем.

– Но я должен знать. Я не могу теперь прожить без вас и дня. Я прошу вас, умоляю сказать, в чем дело.

Она снова всхлипнула:

– Ну как я могу сказать, что я.. Что я от роду не такая, как все. Я уродец, Никита.

– Вы – уродец?! Да вы... вы... Я не могу и в мыслях представить девушку более совершенную, чем вы. Я готов...

– Не надо! – воскликнула в отчаянии Инга. – Не говорите больше ничего. Вы ничего не знаете! Не знаете, что мои ноги... На них нет ни одного пальца, – закончила она чуть слышно и задохнулась в жгучих рыданиях.

– Что? У вас нет на ногах пальчиков? Только и всего? И вы плачете из-за такого пустяка! Инга, милая моя глупышка! – он соскочил с пня, встал на колени и, сорвав с ноги Инги туфельку, прижался губами к гладкой, как полированная дощечка, сплошной, чуть закругленной на конце ступне девушки.

– Ой, что вы делаете! – воскликнула Инга голосом, в котором смешались горе и радость, страх и надежда, отчаяние и счастье.

А он поднял ее на руки и закружил по поляне, охмелев от переполнившей его любви...

Было совсем темно, когда они, держась за руки, вышли из леса на просеку и, прислонившись к забору, застыли в прощальном поцелуе. Время снова остановилось для

них. Наконец Инга опомнилась, легонько отстранилась от Никиты, высвободила из его рук свои ладошки:

– Хватит, Никитушка, мне пора. Я никогда еще не возвращалась домой так поздно.

– Но завтра мы увидимся? Ты выйдешь сюда?

– Я постараюсь. Приходи примерно в такое же время, как сегодня.

– Опять так поздно! А если я приду часов в десять-одиннадцать?

– Нет, до обеда я не смогу. А вот после полудня, где-нибудь к часу дня, мы сможем встретиться.

– Инга... – он попытался снова обнять ее. Но она мягко, но решительно отвела его руку:

– Нет-нет, так мы никогда не расстанемся. Всего доброго, милый, – она прижалась к нему на миг всем телом и тут же скрылась, как растаяла, за изгородью. Через минуту ее шаги стихли где-то за беседкой.

Никита спустился на просеку. Но тут же невольно попятился назад. По спине его пробежал предательский холодок: в двух шагах от него мелькнуло что-то большое и темное и тут же исчезло в ночном мраке. Никита не успел рассмотреть даже очертаний скрывшегося существа. Но что-то подсказывало ему, что это могла быть лишь женщина в черном.

А в общежитии, у вахтера, его ждал еще один сюрприз: в небольшой записочке, принесенной с кафедры, было написано, что ему, аспиранту Никите Гамову, следует явиться завтра между десятью и одиннадцатью часами к научному руководителю профессору Л.Ф.Красильникову для конфиденциального разговора.

17

Профессор Красильников встретил Никиту с обычной миной усталого безразличия, какая не сходила с его лица.

– Садитесь, Никита Владимирович. Я вот для чего пригласил вас. В конце недели собирается ученый совет, и мы, я

• полагаю, уже к этому его заседанию успеем представить вашу [диссертацию на предмет назначения официальных оппонентов и определения дня защиты. Все необходимые документы ученый секретарь кафедры с вашей помощью, разумеется, подготовит. А вы обдумайте небольшое выступление с учетом того, что посоветовал Семен Григорьевич. Я уверен, что еще до конца этого квартала с защитой будет покончено.

– Нет, Леонид Федорович, ни в этом, ни в следующем квартале защиты не будет. Диссертация не готова.

– Как не готова? Я сам просматривал работу и, как вы знаете, не сделал ни одного существенного замечания.

– Но ведь в проведении производственного эксперимента мне было отказано.

– Опять вы за свое! – болезненно поморщился Красильников. – Дался вам этот эксперимент! Не вы первый, не вы последний. Десятки лет наши аспиранты защищались без всякого производственного эксперимента и, слава Богу, давно кандидаты, а некоторые и доктора наук.

– Но вы сами настаивали на этом перед кафедрой.

– Я говорил только, что неплохо бы организовать такой эксперимент. Но вы видели, какая была реакция. К чему лезть на рожон? Защита есть защита. Лучше заручиться лишним десятком положительных голосов, чем заранее заполучить столько же потенциальных недоброжелателей. А если, как посоветовал Семен Григорьевич, мы изменим название работы и заявленную нами главную цель исследования, то никто из членов совета и не догадается, что нужен был какой-то производственный эксперимент. Вот давайте сейчас и подумаем, как это лучше сделать.

«Так вот для чего понадобился шефу этот «конфиденциальный» разговор, – догадался Никита, – старые зубры просто заставили его уговорить меня отказаться от производственного эксперимента. Плохо же они меня знают!» ! – Нет, Леонид

Федорович,— упрямо тряхнул он головой, — я сказал, что ни названия темы, ни формулировки главной задачи менять не буду.

— Ну, это верх упрямства! — воскликнул, теряя терпение, Красильников. — Вы что, не хотите стать кандидатом? Глупая мальчишеская амбиция вам дороже ученой степени?

— Нет, почему же, ученая степень мне нужна.

— Тогда как понять ваше поведение? Позавчера вы чуть не восстановили против себя всю кафедру. Недавно, как стало мне известно, демонстративно, в вызывающей форме отказались выполнить какую-то пустячную просьбу профессора Строева.

— Вам и об этом доложили? — зло усмехнулся Никита.

— Что значит доложили? Профессора общаются друг с другом, это естественно.

— И сообща проваливают на защите им неугодных?

— Стыдитесь, Гамов! Я хотел вам лишь добра. А вы...

— А я не дал вам возможности даже выполнить то, к чему принудили вас Разин и компания?

— Ну, хватит, Гамов! Вы переступаете всякие границы. Больше мне нечего сказать вам.

— Простите, Леонид Федорович, но мне жаль вас. До свидания.— Никита встал и направился к двери. Он понимал, что теряет последнюю возможность на успешную защиту диссертации. Но поступить иначе он не мог: лучше потерять любую возможность, чем уважение к себе.

Только стоило ли теперь идти в библиотеку? Стоило ли вообще садиться за работу? Но до свидания с Ингой оставалось еще больше трех часов. Надо было как-то убить время. И он решил все-таки подняться в читальный зал.

Здесь было, как всегда в этот час, пустынно и тихо. Лишь в дальнем конце склонились над книгами с десяток человек. Но не успел Никита подойти к стойке библиотекаря, как из-за одного стола поднялась знакомая вихрастая голова, а через минуту Олег уже тащил его к двери:

— Пойдем, пойдем, дело есть!

— Дай хоть книги взять,— попытался отмахнуться Никита.

— Успеешь, возьмешь. Я тебя специально жду. Приятели вышли на лестницу, и Олег, ухватив Никиту за

верхнюю пуговицу пиджака, лукаво стрельнул глазами в зал:

— Вон тех двоих у окна видишь?

— Вижу.

— Приятели Славки Погодина. Один — биолог, другой — медик. Вместе на секцию ходим.

— Ну и что?

— А то, что подкатывают они сегодня ко мне и говорят: «Один человек смонтировал подслушивающее устройство в одном месте». Понимаешь, не как-нибудь, а именно один человек и в одном месте?

— Понятно...

— Так вот, смонтировал, говорят, этот «один человек» устройство, а оно не работает, и не могу ли я, как «физик-специалист», разобраться, в чем там дело?

— Странно. Почему же Погодин не сам к тебе обратился с такой просьбой, а послал этих охламонов?

— Ну, это ясно: решил поиграть Славка в конспирацию.

— Так он мог вообще ни с кем не делиться, а послать в это «одно место» того алкаша, который все делал. Тогда б никакой конспирации не потребовалось.

— Фью! — присвистнул Олег. — Алкаш тот, насколько я понял, сорвал со Славки обещанные три бутылки и — поминай как звали!

— Ну и что же ты ответил эмиссарам Погодина?

— Сказал, что сам ничего не понимаю в устройствах такого рода. Но что есть у меня приятель-геофизик, так он в этом деле собаку съел. Вот с ним, говорю, и потолкуйте. Так что готовься к приятной беседе. Они сами к тебе придут.

- Ты что, сдурел?! – вспыхнул Никита. – О чем я буду с ними толковать? Надо думать, прежде чем трепать языком!
- Не кипятись! Я не знал, что ты разучился шутки понимать. А если кроме шуток, то я сказал им, что за такое дело по головке не погладят, и пусть они поищут дураков в другом месте. Хотя, честно говоря, почти не сомневаюсь, что и ты к этому «устройству» руку приложил. Не могло же оно так просто не работать.
- А ты думал, я буду спокойно сидеть и ждать, когда оно в самом деле заработает.
- Нет, не думал, потому и сказал, что ты в этом деле собаку съел.
- Ну, положим, чтобы провод порвать, много ума не надо.
- Но чтоб этот разрыв не обнаружил какой-нибудь другой «физик-специалист», надо поработать и головой.
- <• – Ты хочешь сказать...
- Я ничего не хочу сказать. Тут надо не говорить, а делать. Какого цвета был провод?
- Зеленого.
- Отлично! – Олег порылся у себя в кармане и вынул тонкую ленточку зеленого цвета. – На, держи!
- Что это?
- Изоляционный пластырь, последняя новинка электротехников. Если аккуратно обернуть место разрыва, не дав соприкоснуться проводам, да еще припудрить чуть-чуть землей, ни один черт ничего не заметит.
- Спасибо, Олег. Это и есть то дело, о котором ты обещал мне сказать?
- Нет, это не дело – делишки! А дело, вот оно: в эту - субботу часов в семь вечера к отцу придет геолог, о котором мы говорили. Приходи и ты. Отец специально просил напомнить. Да захвати все свои выкладки и что там еще у тебя припасено. Может быть, сразу все и решится.
- Олечка, черт вихрастый! Что же ты сразу не сказал, а целый час муржилил меня всякой чепухой?
- Ну, положим, для тебя это не такая уж чепуха. А потом... Кто-то из древних еще сказал: «Хорошая новость может и подождать».
- Какое там подождать! Я только что окончательно разругался со своим шефом, сжег, как говорится, все корабли. И если бы не эта новость...
- А вот это зря. Жечь корабли никогда не стоит. Ну да тебе это не втолкуешь. Ты, наверное, и не помнишь, что когда-нибудь шел на компромисс.
- Нет, почему же. Но если речь идет о чем-то принципиально важном...
- Брось! Будто я тебя не знаю. Вот уж достанется Инге.
- Инге?! Почему Инге?
- А то ты не понимаешь! Ладно, мне пора в лабораторию. Что-то опять установка барахлит.

18

Время едва перевалило за полдень, когда Никита, вышедший из библиотеки задолго до условленного часа, пересек просеку и остановился в тени большой ели неподалеку от дачи Инги. Дальше идти, пожалуй, не стоило. Можно и отсюда видеть, когда она покажется у беседки. А маячить целый час возле ее забора было бы по крайней мере неразумно. Тем более что как раз в это время из соседней дачи вышел какой-то старикашка и принялся медленно прохаживаться по просеке.

Что ему здесь надо? Или он просто вышел подышать свежим воздухом? Во всяком случае, придется подождать, когда он уберется восвояси. Однако старик вдруг круто повернулся и направился прямо в сторону Никиты.

Этого еще не хватало! Не желая стать предметом любопытства соседей Инги, Никита поспешил укрыться в лесу. Но старик уже заметил его и крикнул неестественно высоким, пронзительным голосом:

– Пойдите, молодой человек! Пойдите!

Никита нехотя остановился. Старик вытер большим клетчатым платком лоснящуюся на солнце лысину и, кое-как отдышавшись, быстро заговорил вкрадчивым скрипящим тенорком:

– Вы что, молодой человек, тоже дачкой академика интересуетесь?

– Нет, с чего вы взяли?

– И-и, милый, меня не обманешь. Видел, как вы туда из-за дерева посматривали. Только скажу вам, днем вы там ничего не увидите. А вот ночью...

– Что же ночью?

– Ночью-то что? Сейчас я все расскажу. Но допрежь всего одно поясненьице. Тут, в даче академика, проживает кто? Ну, само собой – академик Лев Яковлевич Гридин. Потом – Анна Петровна Гридина...

– Почему Анна Петровна? Анна Львовна, наверное, – решил уточнить Никита, поняв, что речь идет о тетке Инги.

– Вы не перебивайте меня, молодой человек, не перебивайте, а только слушайте. Так вот, кроме академика, живет тут женщина по имени Анна Петровна Гридина. Потом – внучка академика Инга Никитична Гридина, сродственник

их, племянник двоюродной сестры академика Семен Игнатьевич Ягодин. И еще домработница-кухарка Глафира Сергеевна Чернышева. И все! Все, молодой человек! Я сам по домово́й книге сверялся. Я ведь тут рядом живу, на соседней даче.

– А для чего вы все это мне рассказываете?

– Сейчас узнаете, для чего. Так вот, все эти граждане, мной перечисленные, – люди как люди, то есть ночью спят, а днем заняты, кому чем положено. Но вот когда все кругом заснут, глухой ночью, стало быть, выводит академик в сад кого-то или что-то еще. Что это за существо, я точно не скажу. Человек не человек, но и не скотина, не кошка, скажем и не собака. Так вот, выводит академик это существо из дому, и с час, с полчаса по саду с ним гуляет. Когда молча, а когда вроде и перебросятся они двумя-тремя словами. Ну, погуляют они таким манером, потом – шасть и опять в дом! До следующей ночи. И так все время.

– И вы все время за ними следите?

– А как же! Как есть почти каждую ночь.

– Зачем?

– Как зачем?! Вы что, не слышали, чем академик-то занимается? Он, сказывают, тут у себя в пробирках всякую нечисть выращивает. И по ночам ее, стало быть, выгуливает. А я честный человек. Я свое понятие имею. Вот послежу за ним еще месяц-другой, выведаю все, что надо, и дам знать куда следует. Потому как никто не имеет никакого полного права разводить какую ни на есть нечисть.

– Да бросьте! Что вы мелете? Какую нечисть? Вы же сами говорите, что иногда они разговаривают меж собой.

– Ну и что с того? И с нечистью, стало быть, можно разговаривать. Я так думаю, что академик и существо это окаянное...

– Перестаньте, пожалуйста, – не дал ему договорить Никита. – Что за чушь вы несете? С какой стати решили, что это не самый обыкновенный человек?

– С какой стати? А почему этот «человек» выходит только ночью? Почему в этом доме не прописан? Почему его никто не знает?

– Ну, хватит! – не выдержал Никита. – Наслушался я ваших сказок.

– Каких сказок, когда я собственными глазами...

– Ладно, ладно, – отмахнулся Никита, с досадой поглядывая на часы, где стрелки подходили к часу дня. – Расскажите это кому-нибудь другому, а я спешу.

– Ну, извиняйте, коль задержал вас. Спешите так спешите. Только насчет сказок вы зря. Обижаете старого человека. Я ведь хотел как лучше. Подозрительный он человек, академик-то. – Старик обиженно поджал губы и медленно зашагал к своей даче.

Никита вернулся к опушке, быстро окинул взглядом гридинский участок. Инги в саду еще не было. Впрочем, до часа оставалось еще целых пятнадцать минут. Он снова скрылся за деревьями. Но все вокруг вдруг как-то странно потемнело. Никита поднял глаза вверх и увидел, что огромная иссиня-черная туча с рваными клубящимися краями надвинулась со стороны озера и, закрыв солнце, застыла над самым городком.

«Только бы не было дождя! – мысленно взмолился Никита, с тревогой поглядывая на небо. – Тогда Инга и из дома не выйдет».

Но уже через минуту мощный раскат грома прокатился у него над головой, тугой вихрь пронесся по просеке, крупные капли застрекотали по траве, по листьям, по опавшей хвое. Никита в растерянности посмотрел по сторонам. Что же делать? Где укрыться в случае большого ливня? Встать под дерево – в грозу опасно, бежать в город – слишком далеко. И вдруг:

– Никита! Никита, иди скорее сюда! – Инга в одном легком платьице, с непокрытой головой бежала от беседки к изгороди, выбросив вперед руки, стараясь перекричать раскаты грома. Ветер вцепился ей в волосы, завладел подолом платья. Но она продолжала бежать, не разбирая дороги, не замечая хлещущих по лицу ветвей.

Никита бросился ей навстречу, подскочил к забору, взял ее за руки:

– Инга...

– Скорее, Никита, скорее! Лезь сюда, в сад, и – в беседку!

– Но как же?.. Ты сама сказала...

– После, все после! Видишь, сейчас польет! – она схватила его за руку и повлекла за собой по еле заметной в траве тропинке.

Но вот и беседка. Инга втокнула в нее Никиту, закрыла за собой дверку, быстро захлопнула створки окон. И в тот же миг все потонуло в шквальном ливне, обрушившемся с грохочущего неба.

– Пусть льет, теперь не страшно, – кивнула Инга на струящиеся по стеклам потоки воды. – Садись, Никита, – она опустилась на скамью, поправила рассыпавшиеся волосы. – И хватит нам прятаться, я сегодня же скажу дедушке... Но ты чем-то расстроен?

– Нет, почему же... – он заглянул в устремленные на него глаза Инги, вдруг потемневшие от наполнившей их тревоги, и скорее почувствовал, чем понял, что может сказать ей только правду. – Просто я переживаю за то, что говорят о твоём дедушке. Прежде я не обращал на это внимания, но теперь, сама понимаешь... Сейчас ко мне привязался какой-то лысый старикашка и наговорил тако-ого...

– А-а, это, должно быть, наш сосед, бывший комендант обкомовской дачи, злой на всех и вся, а на дедушку в особенности. От него можно ждать чего угодно. Но я понимаю тебя. Город действительно полон вздорных слухов. Я сама переживаю из-за этого сверх всякой меры. К тому же с месяц назад... Не хотела говорить тебе об этом, но лучше, наверное, чтобы ты знал все. Так вот, с месяц назад я получила по почте письмо... Вернее не письмо, а отвратительную анонимку. Вот, почитай. Я специально спрятала ее здесь, чтобы, не дай Бог, не попала на глаза деду. – Инга поднялась к окну и вынула из-под наличника небольшой, свернутый вчетверо листок. В нем был текст, отпечатанный на машинке:

«Уважаемая Инга Никитична!

Вы уже взрослый человек и потому должны сами отвечать за свои поступки и сами позаботиться о своем будущем. Между тем, живя в одном доме с академиком Гридиным и являясь, следовательно, вольным или невольным соучастником его преступной деятельности, Вы можете навлечь на себя очень серьезные неприятности. Мне точно известно, что в самом скором времени противозаконные действия академика будут разоблачены, и он понесет заслуженное наказание. Но будьте уверены, что в этом случае не избежите наказания и Вы, хотя бы потому, что столько времени скрывали от властей преступные замыслы своего деда. Поэтому мой Вам совет: отрекитесь от этого человека, покиньте его дом, прекратите всякие отношения с преступником, а еще лучше – заявите о

его преступной деятельности компетентным органам. Только это спасет Вас от неминуемой беды.

Ваш доброжелатель».

Никита дважды пробежал глазами текст грозной анонимки, перевел взгляд на Ингу:

– А конверта у тебя не сохранилось?

– Здесь где-то и конверт. – Она снова пошарила рукой под наличником окна. – Вот он, только немного отсырел.

– Та-ак, – протянул Никита, рассматривая конверт. – Адрес тоже отпечатан на машинке, видимо, чтобы не осталось образца почерка «доброжелателя». Обратного адреса, конечно, нет. А что на штемпеле? Двадцать девятое почтовое отделение нашего города. Где оно, это двадцать девятое, не знаешь?

– Знаю, специально интересовалась. В самом конце города. В районе новостроек.

– Теперь сам текст...– продолжал Никита.– Кому-то очень хочется, чтобы ты ушла из этого дома. Это главное. Аргументы не в счет. Автора анонимки заботило лишь то, чтобы они были пострашнее. Но кому ты здесь помешала?

– Думаешь, тете?

– Думаю. И это можно проверить. У вас, конечно, есть своя машинка?

– Да, наверху, у деда. Все, что мне нужно взять для него в библиотеке, он печатает на машинке.

– И это единственная машинка в доме?

– Да.

– А тетя тоже имеет доступ к этой машинке?

– Конечно. У нее даже свой ключ от верхнего этажа.

– Тогда смотри. Машинка, на которой отпечатана анонимка, по-видимому, старая. Не пропечатывается буква «и». И если окажется, что ваша машинка обладает таким же дефектом...

– Понятно! Как мне самой не пришло в голову? Значит, если эта мерзость отпечатана на нашей машинке...

– Да. И это легко установить. Достаточно сравнить анонимку с тем, что дает тебе дед.

– Так это можно сделать прямо сейчас. Вот тут, в кармашке кофты, осталась его последняя заявка. – Инга метнулась к висящей на стене кофточке и протянула Никите небольшой листок с плотным машинописным текстом.

Он впился в него глазами:

– Нет, Инга, анонимка отпечатана не на вашей машинке. Здесь буква «и» пропечатана нормально. Так что твоя тетя, по-видимому, ни при чем. Но если не она, то кто же? Кому нужно, чтобы ты ушла от деда? И зачем?

– Не знаю, Никита. До сих пор мне казалось, что у меня нет врагов.

– Но, может быть, ты здесь и ни при чем. Просто кому-то очень хочется досадить таким образом Льву Яковлевичу. Ведь если бы ты действительно ушла от него, это было бы для него большим ударом?

– Еще бы! Но они не добьются этого. Я не покину деда, что бы мне ни писали, что бы ни болтали о нем в городе! Я верю ему! Верю в его честность и благородство. Верю, что он действительно работает только на благо людей. Хочет подарить им какие-то отнятые у них природой возможности. Очень нужные им возможности! Верю, что он никогда не создаст ничего дурного. И дело не только в том, что он очень добрый человек. Дедушка – глубоко верующий человек.

Он искренне верит в Бога и убежден, что сам Бог вложил в него талант большого ученого, чтобы через него принести людям как можно больше блага. Все это он высказал в свое время и коллегам по институту. Но они не поверили ему. А может быть, намеренно опорочили его идеи, завидуя научным успехам деда. Конечно, было бы лучше, если бы он уже сейчас хоть немного приоткрыл завесу тайны над своими исследованиями. Но такой уж у меня дед! Не хочет, чтобы до тех пор, пока все не будет доведено до последней

точки, об этом узнала даже я. А теперь я скажу, что беспокоит меня больше всего. Из нечаянно подслушанных мною разговоров деда с тетей, из кое-каких намеков, которыми они иногда обмениваются между собой, я поняла, что то, над чем работает сейчас дед, каким-то образом связано с гибелью моих папы и мамы...

– С гибелью твоих родителей?! Но это же...

– Да мне самой это совершенно не понятно. Но это так. Однако сама эта трагедия до сих пор остается для меня тайной за семью печатями. Хотя знаю я точно все обстоятельства их гибели, мне, возможно, удалось бы понять и то, чем занят сейчас дед. Мне даже кажется, что и тематику своих нынешних исследований дед скрывает от меня именно потому, что не хочет, чтобы я узнала о каких-то деталях того, что случилось с папой и мамой. Но разве можно смириться с этим? Ведь, кроме всего прочего, не ровен час... Дедушка очень стар и очень болен. И что если вдруг не станет и его? Тогда так никто ничего и не узнает. И останутся лишь вздорные пересуды, которые не смолкают до сих пор. Сам дедушка ни разу пальцем не пошевелил, чтобы реабилитировать свое честное имя. Не сделает он этого и впредь. Я знаю, он

, слишком горд и упрям, чтобы что-то сказать или написать в свое оправдание. Но кто-то должен сделать это. Тетя, похоже, знает все или, по крайней мере, многое. Но она так же упряма, как и дед. К тому же у нее нет никакого специального образования, ей ли судить об истинной научной ценности проводимых дедом исследований? А я... Что могу сделать я, если от меня скрывают даже то, что произошло в тот страшный день? Но почему, почему они не хотят рассказать мне всей правды?! Почему заставляют мучиться этой кошмарной неизвестностью? Ведь все это время – столько долгих лет! – мне не с кем было даже поделиться своими переживаниями. Боже, как я была одинока среди, казалось бы, самых близких мне людей! – голос Инги прервался, на глазах показались слезы.

– Инга, милая, бедненькая моя девочка, – Никита обхватил ее сникшие, вздрагивающие плечи, прижался губами к мягким, пахнущим грозовою свежестью волосам, – сколько же пришлось тебе вынести, сколько пришлось перетерпеть! Но больше ты не будешь одинока. Я буду всегда с тобой. И уберегу тебя от любой неприятности, чего бы мне это ни стоило.

Она снова подняла на него глаза, легонько качнула головой:

– Ты будешь всегда со мной... А если тебе придется все-таки уехать?

– Тогда мы уедем вместе.

– Как это?

– Ну, если я вынужден буду уехать, то буду просить тебя... Нет, я буду сейчас, сию минуту просить тебя... – он с трудом перевел дыхание, словно взбираясь на отвесную скалу, и закончил тихим, вдруг охрипшим голосом: – Буду просить тебя стать моей женой.

– Что ты сказал?! – Инга вздрогнула, побледнела, растерянно заморгала.

– Я хочу, чтобы ты стала моей женой, Инга, – твердо повторил Никита.

– Мне стать твоей женой?.. – медленно, словно возвращаясь из глубокого забытья, переспросила она. – Но ты совсем не знаешь меня.

– Я не знаю тебя! – с жаром воскликнул Никита. – Да мне кажется, я знаю тебя всю жизнь. И всю жизнь только и ждал этой минуты. Я так люблю тебя, Инга! – он снова обнял ее за плечи.

Но она тут же высвободилась из его объятий:

– Постой, Никита. Я вижу, ты любишь меня. Я тоже люблю тебя. Очень люблю! Но нельзя же так, сразу... Мне надо хотя бы привыкнуть к мысли, что мы станем мужем и женой. И потом... Не могу же я так вот взять и уйти от деда, как не могу и попросить его приютить нас в этом доме. По крайней мере до того как хоть немного прояснятся для меня обстоятельства нашей трагедии. – Она с минуту помолчала и неожиданно добавила: –

Впрочем, я надеюсь, дедушка сам расскажет тебе обо всем, когда узнает, что мы решили пожениться. А я сегодня же скажу ему об этом.

– Инга, милая, любимая моя, так ты, значит, согласна? Согласна стать моей женой?

– Боже, разве я могу быть несогласна, – ответила она, не в силах больше скрыть счастливой улыбки.

...Дождь давно прошел и солнце успело обсушить листву, когда Инга, взглянув на часы, вскочила со скамьи и с испугом оглянулась на заросли сирени, отделяющие дом от сада:

– Ой, Никита, меня, наверное, давно ищут. Пойдем скорее. Я провожу тебя до просеки.

– Ты думаешь, я не запомнил, как пройти по этой дорожке одному? Будь спокойна, в следующий раз я пройду сюда хоть с закрытыми глазами.

– В следующий раз тебе это вообще не понадобится. Мы придем сюда вместе, через парадный вход, – добавила она с торжествующей улыбкой, распахивая створки окон.

– А где я увижу тебя перед этим триумфальным шествием? – поддержал ее шутливый тон Никита.

– Завтра с утра я буду в читальном зале. Там обо всем и договоримся.

– Но если ты почему-либо не сможешь прийти?

– Тогда ты сам разыщешь свою невесту, – рассмеялась Инга. – А сейчас пойдем.

– Что же, пойдем, – он шагнул было вслед за ней к двери, но случайно взглянул в окно и тут же отпрянул, почувствовав, как знакомый холодок пробежал по спине. – Постой, Инга, взгляни вон туда, на просеку. Видишь большой сдвоенный кедр? А рядом с ним, чуть левее...

– Да, там что-то темнеет. Похоже, человек...

– Это она, Инга! Она, женщина в черном! Та самая, что без конца преследует нас с тобой.

– Та монашка, которая встретила нас позавчера?

– Да, она. Что ей здесь нужно? Почему она все время кружит возле вашего дома?

– Может быть, простое совпадение?..

– Какое совпадение, когда я вижу ее здесь в четвертый или пятый раз? Она словно предчувствует каждую нашу встречу. Словно только и ждет, когда я приду к тебе. И в то же время выглядит так, будто испытывает нестерпимые муки, глядя на нас с тобой. Как это объяснить?

– Не знаю, Никита. Действительно немного странно... Но вон она уже уходит, – Инга вернулась к окну. – Боже, она еле бредет! А ее поза, походка... Ты прав, она очень несчастна, эта женщина. Мне жалко ее. Какое горе так согнуло человека?..

– Вот я и думаю, что за несчастный рок гнетет ее, что заставляет вновь и вновь приходить сюда, к вашей даче? Видишь, она снова обернулась к нам? И как смотрит. Как смотрит! Нет, это больше чем странно, это... Я не могу отделаться от мысли, что все ее страдания как-то связаны с этим домом, с теми тайнами, которые мучают тебя.

– Что ты говоришь, Никита! Что может быть общего между этой монашкой и мной, или моим дедом?

– Не знаю. Но всякий раз, как я вижу ее, мне становится не по себе... Смотри, она снова остановилась! Опять обернулась сюда. И вроде перекрестила нас. – Нас?! –

– Ну, не нас так твой дом. Или еще что-то на этой стороне.

– Да, теперь и мне кажется, что все это не просто удивительно, а даже...

– Страшно?

– Нет, с тобой мне ничего не страшно. Но одной загадкой определенно стало больше.

19

Да, одной загадкой стало больше. Сколько же их впереди? И как найти ту ниточку, которая помогла бы выбраться из этого лабиринта загадок? А то, что все они нанизаны на одну нить, стало почти очевидным после сегодняшней встречи с Колькой.

Весь этот день Никита провел в лаборатории физтеха, помогая Олегу устранить очередную неполадку в его установке, и потому, торопясь поскорее добраться до общежития, решил воспользоваться проходным двором, выходящим к рынку.

Каково же было его удивление, когда в этом грязном, захламленном дворе, в самом дальнем углу, зажатом между глухой кирпичной стеной и мусорным ящиком, он увидел Кольку. Тот сидел в неестественной, скрюченной позе и словно дремал, уронив голову на плотно сжатые колени.

– Коля, здравствуй! – окликнул его Никита. – Что ты тут делаешь?

– Ничего не делаю, просто сижу, – ответил мальчуган, не меняя позы.

– Так ты что, не нашел места почище? Здесь дышать нечем от грязи.

– Зато никто не видит.

– А что у тебя за нужда от всех прятаться? Время-то – скоро вечер. Пойдем со мной.

– Нет, не могу, – упрямо замотал головой Колька.

– Как не можешь? Что у тебя случилось?

– Ничего не случилось. Только вот штаны порвал. Ну и... Жду, когда стемнеет, чтобы никто не видел.

– Штаны порвал! Сильно? А ну покажи.

– Да что показывать-то... Вон, видишь, – Колька чуть приподнялся с земли, и Никита увидел, что выражение «штаны порвал» было более чем мягко сказано: то, что осталось от этого непеременимого атрибута мужской одежды, не могло прикрыть и самых сокровенных мест Колькиного тела.

– Да, штаны пострадали основательно! – покачал головой Никита. – Как же нам быть?... А вот как! – Он мысленно прикинул, что у него осталось в карманах от стипендии. – Ты посиди тут, а я постараюсь найти другие штаны.

– Где ты их найдешь?

– Это уж мое дело. Ты только жди меня. Никуда не уходи.

Колька шмыгнул носом:

– Ладно, подожду.

– Так я быстро. – Никита спустился на рыночную площадь и поспешил к магазину, где недавно решался исход пари подвыпивших стариков.

За прилавком стояла все та же молодая продавщица, и Никита не без смущения попросил показать ему детские штанишки на мальчика лет шести-семи.

– Теперь вам понадобился детский костюмчик? – не преминула съязвить острая на язык девица, видимо, узнав Никиту.

– Да... у племянника день рождения, понимаете... – пробормотал он, пряча глаза.

– Понятно! – усмехнулась продавщица. – Вот вам самое лучшее из того, что у нас есть. А курточку не желаете?

– Нет, курточку не нужно. А вон ту рубашку, пожалуй, покажите.

Голубая тенниска с отложным воротником как нельзя лучше гармонировала со стального цвета брючками из джинсовой ткани, и через минуту Никита вышел из магазина с тугим свертком в руках. Путь его лежал мимо знакомого пивбара, где он вновь увидел захмелевших стариков, а в памяти тотчас всплыл их недавний спор о «монстре Гридина».

«Вот и я попался бы сейчас на крючок, если б меня так же обвиняли в создании какого-нибудь монстра, – усмехнулся Никита. – Мог ведь Лев Яковлевич всего-навсего пожалеть какого-то оборвыша и ему тоже вздумалось приобрести для него костюмчик, а может, и заказать костыли несчастному. А я развесил уши! Будто невесть какую улику подбросили эти болтуны». – Он ругнул себя крепким словом и пустился на выручку маленького друга.

Колька ждал его все в том же углу и, по-видимому, уже смирился с тем, что Никита не смог выполнить своего обещания: сверток в его руках никак не ассоциировался с ожидаемыми штанами. Поэтому он не задал даже никакого вопроса, а лишь молча вздохнул и снова уронил голову на сомкнутые колени.

– Ну что же, Коля, давай переодеваться, – сказал Никита, разворачивая бумагу. Глаза мальчика расширились от удивления:

– Ой, что это?

– Да вот принес тебе штаны и рубашку.

– Но ведь это... Это же совсем новое! Нет, я не надену.

– Почему не наденешь?

Он с тоской посмотрел на свои грязные ноги:

– Так я же... Я могу измять и испачкать. Как ты тогда нее это домой понесешь?

– А ты постарайся не мять и не пачкать. И никуда я ничего не понесу. Все это теперь твое, мой подарок тебе.

– Как подарок? Значит, насовсем? – все еще не мог поверить Коля.

– Конечно, насовсем.

– Ну, спасибо, дяденька. Только... Что я мамке-то скажу?

– Так и скажешь, что все это подарил тебе дядя Никита, гной хороший друг.

– Я уж говорил о тебе. Она знает, что ты хороший.

– Ну и ладно. А теперь переодевайся скорее. Да пойдем пообедаем. Я с утра ничего не ел.

А когда они вышли из столовой и Коля, боясь испачкать новые штаны и выронить пакет с булками для матери, осторожно перебирался через заваленную строительным мусором площадь, Никита спросил:

– Как сейчас здоровье у мамы?

– Сейчас ничего. Да вот жулики недавно к нам забрались.

– Жулики?! И много чего украли?

– Нет, ничего не украли, только замок сломали и переверостили все вещи в комнате. Мамка говорит, это они тот сверток искали, о котором я рассказывал.

– И нашли его?

– Нет, мамка хитрая, в самоварную трубу его запихала – попробуй найди!

– Но как воры пронюхали про этот сверток?

– Как пронюхали? Мамка говорит, это дед их подослал. Он, дед-то, оказывается, выгнал бабушку с мамкой, когда она еще маленькой была. Выгнал и ничего с собой не дал. Вот бабушка и утащила у него сверток-то. Ну а дед вспомнил теперь о нем и, видно, жалко стало. Только зачем он им всем дался? Я ведь заглянул в него все-таки. А там одни бумажки...

– Бумаги, говоришь? Бумаги, Коля, тоже могут дорого стоить.

– Да они все исписанные. Ни одного чистого листка.

– Тем более. Сейчас тебе этого не понять. Но если бы ты смог прочесть...

– А я могу. Бабушка научила. Только по печатному. А там все по письменному. Правда, два слова есть и по печатному. На первом листке.

– И что же это за слова? – насторожился Никита.

– Сейчас вспомню. Значит, так. Сначала – «институт»... Да, точно – «институт». А дальше – смешное такое слово. Как его?.. Имму...– Коля смешно наморщил лоб: – Имму... «иммулологии». Да, «институт иммулологии»!

– Институт иммунологии, наверное? – догадался Никита.

– Может, и иммунологии. Только иммулологии – кра-сивше. Иммулологии! – снова повторил он, хлопнув себя по коленям. – Мировецкое слово!

– А мама не объяснила тебе, что значит это слово?

– Да я и не спрашивал. Очень надо!

– Но что-то заставляет ее прятать эти бумаги?

– Назло деду, наверное. Раз он выгнал их с бабушкой. Так ему и надо! Ну, я пошел, дяденька. Вон он, наш дом, – указал Коля на приземистый барак в конце площади. – Крайняя левая дверь – прямо в нашу квартиру. Ух, как удивится сейчас мамка! Спасибо тебе, дяденька Никита.

Мальчик помахал рукой и затрусил через площадь, все так же стараясь не испачкать новые штаны и бережно прижимая к груди бумажный пакет. А Никита, как остановился на обочине тротуара, так и остался стоять, будто пригвожденный последними словами мальчугана.

Институт иммунологии... Что могли значить эти слова? То, что в загадочном свертке какая-то научная рукопись по иммунологии? Или заключение какого-то эксперта о неблагоприятных делах, творящихся в институте? И почему и бабушка и мать Кольки так дорожат этими бумагами? Что мог хранить у себя неизвестный однофамилец академика? И кто он такой? Не столь уж распространена эта фамилия – Гридины. Помнится, Инга упоминала о некоем двоюродном брате Льва Яковлевича. Он тоже, несомненно, Гридин. Но если так... Никита даже присвистнул от внезапно вспыхнувшей догадки: «Двоюродный брат... А что если этот двоюродный брат и Колькина бабушка... Ну, ясно! – он хлопнул себя по лбу. – Ясно, кто выгнал несчастную женщину с ребенком из дома и ничего с собой не дал. Вот откуда это поразительное сходство Кольки с Ингой: они просто четвероюродные брат и сестра. Инга – внучка Льва Яковлевича, Колька – внук его двоюродного брата. Как я сразу не догадался, кто этот высокопоставленный дед Кольки?» Но брат Льва Яковлевича, по словам Инги, был профессиональным партийным работником и, следовательно, не мог иметь никакого отношения к институту иммунологии. Каким же образом попали к нему какие-то ценные бумаги этого института? И почему он снова пытается ими завладеть? Нет ли и здесь какой-то связи с научными исследованиями академика Гридина и теми тайнами, которые мучают Ингу? Вот она, новая загадка!

Но это было еще не все. Когда Никита, свернув с площади, бросил последний взгляд на жилище Кольки, то увидел, что из двери, в которую только что нырнул его юный друг, медленно, подобно мрачному призраку, выдвинулась и застыла зловещая фигура женщины в черном...

20

Никогда еще, кажется, Никита не волновался так сильно, как в этот вечер, перед тем как позвонить в квартиру Шевцовых. Дверь ему открыла мать Олега Ирина Павловна, женщина уже не молодая, но еще весьма привлекательная, умеющая следить за своей внешностью. Сегодня же, в изящном модном платье, с красиво уложенными волосами, в кокетливом розовом передничке, как нельзя лучше гармонировавшем с раскрасневшимся от долгого стояния над плитой лицом, она была особенно хороша.

– Здравствуй, Никита. Проходи прямо в кабинет Алексея Степановича. Там собрались все. И тебя ждут, – сказала она в ответ на приветствие Никиты и скрылась на кухне.

Дверь в кабинет была приоткрыта, оттуда отчетливо доносились веселые мужские голоса, один из которых был несомненно голосом Алексея Степановича, другой, более низкий и сочный, принадлежал, видимо, приезжему гостю Шевцовых. И вот этот приятный баритон показался Никите удивительно знакомым. Он даже остановился в прихожей, стараясь вспомнить, где слышал такой голос, но так ничего и не вспомнив, подошел к двери и заглянул в кабинет. Здесь удобно расположились в глубоких креслах Алексей Степанович и его приезжий гость, а чуть поодаль на диване сидели Олег и Петр Эдуардович Берг.

«Большой геологический начальник» сидел вполоборота к двери, и в первое мгновение Никита не увидел его лица. Но вот Алексей Степанович, заметив Гамова, шумно пригласил его войти и начал в привычной для него шутиливой манере представлять своему гостю, тот живо обернулся и, широко улыбаясь, пошел навстречу Никите. Никита едва поверил своим глазам. Перед ним стоял бывший главный геолог его «родной» Верхнегорской экспедиции, где Никита проработал по окончании университета без малого три года и где именно он, Георгий Александрович Славин, благословил его на научный поиск, вылившийся ныне в столь многообещающее открытие.

- Что, удивлен? – пророкотал Славин, обнимая Никиту за плечи и щекоча его бородой и усами. – Не ожидал встретить своего бывшего начальника?
- Да, признаться...– вконец растерялся Никита.
- А я – так нисколько. В прошлом году еще, прочтя твои публикации, понял, что ты близок к финишу, а нынче получил ответ на свой запрос от вашего декана.
- Ответ от нашего декана?! – удивился Никита.
- Ну да. Разве тебе ничего не сказали? Выслали данные о твоих исследованиях без твоего ведома?
- Постойте, постойте, Георгий Александрович, теперь я вспомнил. Так это вам послали тезисы моего выступления на кафедре? А я тогда отдал их секретарю и даже не спросил, кто их затребовал.
- Хорош! Нечего сказать. Я слежу за каждым его шагом. Жду не дождусь, когда его работа выйдет в свет. А он отдает результаты этой работы неизвестно кому и даже не поинтересуется, для чего они понадобились.
- Простите, Георгий Александрович, если бы я знал...
- Ладно, все хорошо, что хорошо кончается. Данные твои затребовал я и получил их в целости и сохранности. А мог бы и не получить. Могли они уплыть и за океан. Так тоже бывает. Заметь себе на будущее. Ну а получив твои тезисы, я понял, что пора переходить от слов к делу, потому и приехал сюда. К тому же и со старыми друзьями захотелось повидаться. С Алешкой вот и с Петькой Бергом. Но то, что и ты с моими однокашниками по университету знаком – это для меня сюрприз. Ну а ты молодец! Поздравляю, Никита!
- Поздравлять рано, Георгий Александрович. Тут такое дело...
- Знаю. Все знаю. Олечка подробно рассказал о твоих мытарствах. «Зубры» остались верпы себе. Да иначе и быть не могло. Ты что думал, тот же Разин, который уже лет двадцать не высказывал ни одной дельной мысли, на шею тебе бросится? А Красильников... Он же готов от родной матери отречься, только бы не слететь с насиженного места. Ну да Бог с ними! Мы им такую пулю отольем – век помнить будут. Ты уж и площади наметил?
- Да, вот здесь все, что нужно. Я специально принес.
- Отлично! Завтра я все детально посмотрю, и считай, что твои скважины уже бурятся.
- Спасибо, Георгий Александрович.
- За что спасибо? Это я тебя должен благодарить, что поверил в мои предположения. Я ведь с ними и к Разину обращался, так он меня только на смех поднял. И вот теперь так щелкнуть его по носу! Лучшего подарка ты не мог для меня и придумать. Мне, поверишь, даже во сне снилось, будто скважины бурятся в заранее намеченных тобой точках. Кстати, Петр, ты стал большим ученым в своей области. Скажи, пожалуйста, что значат всякого рода сны? Для чего природа наградила нас такой способностью – жить еще и в нереальном, призрачном мире сновидений? Ведь эволюция вроде не создает ничего бесполезного? Сейчас много говорят и пишут об этом. Но, право, кто в лес, кто по дрова!
- Я не занимался специально проблемами сна, – ответил Берг. – Это особый раздел медицины. Но, как всякий человек, тоже вижу сны и, как всякий исследователь, пытаюсь понять, что значат те или иные сновидения и что дает человеку эта способность – жить во сне. Так вот, на основании своего личного многолетнего опыта и своих собственных умозаключений я пришел к выводу, что большинство сновидений человека – это осуществление его несбывшейся мечты. Чаще всего мы видим во сне то, о чем больше всего мечтаем, с чем больше всего хотелось бы встретиться в жизни. Сон как бы восполняет не всегда удовлетворяющие нас реалии бытия. И в этом величайшее благо сновидений.
- Это-то благо, – заметил Шевцов-старший. – Но иной раз такая чертовщина приснится!
- Бывает и такое, – согласился Берг. – Но при последующем анализе такой «чертовщины» почти всегда оказывается, что в этом случае мозг как бы заново проигрывает, иногда в шаржированном виде, какую-то ошибку, допущенную человеком, какой-то совершенный

им дурной поступок или даже дурное намерение и дает ему возможность еще раз осмыслить происшедшее.

-- Да, пожалуй, так,-- согласился Славин.-- Но лучше, если бы все хорошие сны сбывались, как эти, мои, с буровыми скважинами. А ты, Никита, говоришь, и карты с конкретными точками заложения захватил?

– Да, вот тут и графика, и все расчеты.

– Посмотрим, посмотрим... Давай все твои бумаги и – будет пока об этом, все остальное завтра. А сейчас не станем

досаждать хозяевам своими производственными делами и всякими там теориями снов и сновидений. Тем более что, я вижу, к нам уважаемая хозяйюшка идет, и нам от нее наверняка не поздоровится.

– Да, не поздоровится! – мило улыбнулась, входя в кабинет, Ирина Павловна. – Хватит вам тут всухую разглагольствовать. Пора к столу!

– Идем, идем, Ирочка! Давненько не едал я твоих фирменных пирожков. А ты, Никита, иди поройся в моей полевой сумке, там, у вешалки. Я прихватил кое-что для сегодняшнего вечера. Нам, полевикам, изредка перепадает нечто такое, чего у вас в городе днем с огнем не сыщешь.

– Это я живо, Георгий Александрович, – отозвался Никита.

– Опять Георгий Александрович! – развел руками Шевцов. – Что это он тебя, Юрка, все Георгием кличет?

– Э-э, Алешка, разве ты не знал, каким хитрым именем наградили меня родители: я и Юрий, я и Георгий. Для близких друзей я – Юрий, а, скажем, на работе или во всякого рода служебной переписке – Георгий Александрович. Для Никиты я пока еще Георгий. А как вот выпьем с ним сейчас на брудершафт, так и для него я стану Юрием.

...Застолье было шумным. Шевцов, Славин и Берг, бывшие сокурсники здешнего университета, наперебой вспоминали свои студенческие годы, тонко подтрунивали друг над другом и «желторотыми птенцами» Олегом и Никитой, весело сыпали остроумными побасенками и анекдотами.

– А что, молодые Невтоны, вы себя в цепи Гименея заковать еще не собираетесь? – обратился к молодым друзьям Славин, подмигивая своим сверстникам.

– Я – ни-ни! – живо отозвался Олег. – А вот Никита почти готов.

– Вот как! И кто же эта местная Дульсинея, отважившаяся посягнуть на свободу и независимость достопочтенного гидадьго Гамова?

– Есть тут одна такая, – не преминул съязвить Олег, – внучка академика Гридина.

– Ого! – вскинул брови Славин.– Сразу видно, мой бывший подчиненный зря время не терял. А-а, Никита?

– Да слушайте вы его, Георгий Александрович! – смутился Гамов.

– И нечего смущаться, Никита, – вмешалась Ирина Павловна. – Пора! Давно пора своей семьей обзавестись. И тебе и нашему сорванцу. И если встретишься порядочная девушка...

– Очень-очень милая, очень порядочная и интеллигентная барышня Инга Никитична, – поспешил заметить Берг. – Я ее еще ребенком на руках носил.

– Ну, если так, то не о чем и говорить! – добродушно рассмеялся Шевцов-старший.– Лучшей гарантии интеллигентности придумать невозможно. Жаль, что ты, Петечка, моего отпрыска не понянчил: это же форменный босяк, хоть и без пяти минут кандидат наук.

– Яблоко от яблони далеко не падает, милейший Алексей Степанович, – тонко подцепила мужа Ирина Павловна.

– Э-э, Ирочка,– возразил Славин.– Будто все мы не были в молодости босяками. А вот остепенились, поумнели. Правда, интеллигентами не стали.

– Интеллигентом может быть и академик, и бродяга, – снова вступил в разговор Берг. – Мне довелось знать одного бомжа. Посмотрели бы вы на него! Больной, оборванный, вечно голодный. А когда бывшие партократы предложили ему за изрядную мзду

попозировать перед кинокамерой на каком-то их сборище, он бросил им в лицо: «Я своей честью Не торгую!»

Прошлой зимой он погиб, утонул в озере, спасая провалившуюся под лед девушку. На берегу остался его рюкзачок, а в рюкзачке нашли три вещи: завернутый в газету кусок черствого ржаного хлеба, фотографию молодой красивой женщины и томик стихов Баратынского. Вот так-с...

А теперь возьмите академика Гридина. Грубоватый, я бы сказал, даже мужиковатый человек академик Лев Яковлевич. А во сто крат интеллигентней иных лощеных джентльменов вроде того же Разина или сменившего Гридина профессора Строева. Эти не ушли из института, потеряв и первоклассную лабораторию и госассигнования и прочие привилегии, только потому, что начальство не одобрило проводимые ими исследования. А эта история с подшефной больницей...

– Что за история? – поинтересовался Шевцов-старший. – Я не слышал.

– Прелюбопытная, скажу я вам, история. На эту подшефную институту поликлинику ежегодно перечислялись солидные суммы денег. Так вот, нашлись «доброжелатели», которые, перекопав в бухгалтерии института платежные документы, обнаружили, что никаких официальных бумаг на эти суммы нет. А раз так – значит, криминал: не иначе как директор института или кто-то другой по его указанию изъяс документы, чтобы скрыть несомненно присвоенную ими часть денег. Наверх пошла кляуза. Нагрянула, как водится, комиссия. И что оказалось? Оказалось, что все эти перечисления были сделаны из личных сбережений Льва Яковлевича. Более того, я точно знаю, что он и сейчас по мере сил помогает больнице. Хотя велико ли по нынешним временам вознаграждение действительного члена Академии наук?..

– Так, значит, жив еще старик Гридин? – удивился Славин. – Ведь он еще в наши студенческие годы с палочкой ходил. Помнится, он тогда всю здешнюю научную братию переполошил. Или я что-то путаю?

– Нет, так оно и было, – подтвердил Шевцов. – Наделал шуму старик!

– Но теперь, наверное, утомился?

– Ни в коей мере! – горячо возразил Берг. – Работает Лев Яковлевич до сих пор. И как работает! То, чем он ошеломил своих коллег в те приснопамятные годы, всего лишь цветочки по сравнению с тем, что он обнаружит в самое ближайшее время. Научный мир ахнет, узнав о результатах его последних исследований.

– А что это за исследования? Над чем работает сейчас академик? Чем он удивит нас? – чуть не в один голос забросали Берга вопросами Олег и Никита.

– А вот этого я вам не скажу, молодые люди. Да-с. Я чужих секретов не раскрываю. Потому что, смею думать, тоже не лишен интеллигентности.

– Но правда, что эти исследования в какой-то мере связаны с гибелью его сына и невестки? – не отступал Никита. – Это-то вы можете сказать?

– Это я, пожалуй, могу сказать. Кое-какая связь здесь действительно существует. Скоро об этом узнают все. И это лишний раз подтвердит, насколько порядочен и интеллигентен Лев Яковлевич и как опрометчиво поступил президиум филиала, отстранив его от заведования институтом иммунологии.

21

К себе в общежитие Никита шел в самом радужном расположении духа. Все складывалось как нельзя лучше. Производственный эксперимент был почти обеспечен. Все сомнения в недобропорядочности академика Гридина как будто наконец отпали. Инга, милая Инга, согласилась стать его женой. Быстро, одним махом взлетел он на крыльцо и уже взялся было за ручку двери, как сзади, за его спиной, раздался знакомый хриплый голос:

– Эй, доцент, не спеши, дело есть!

Никита обернулся и даже чертыхнулся с досады, увидев догонявшего его бомжа, с которым столкнулся неделю назад у дачи Гридиных, а затем неожиданно встретился во

время прогулки с Ингой на озере. Незнакомец, похоже, был снова навеселе и так же, как там, на озере, поспешно сдернул с головы кепчонку с пуговкой:

– Здравствуй, доцент. Никита сухо поздоровался:

– Во-первых, я не доцент, а во-вторых...

– Не важно, кто ты во-первых, кто во-вторых, – перебил его бомж. – Слухай сюда! Я уже второй день...

– Да что вам от меня нужно? – не дал ему договорить Никита с единственным желанием как можно скорее отделаться от назойливого оборванца.

– Сказал – не спеши! Лично мне от тебя ничего не надо. А вот Инге Никитичне...

– А она чем удостоилась вашего внимания? – снова не дал договорить Никита.

– Щас все узнаешь. Ты слышал, конечно, что Инга Никитична каждый четверг ходит на эту, как ее... аэробику?

– Я знаю это.

– А знаешь, что иной раз ей приходится вертаться оттуда чуть не в одиннадцать часов ночи?

– Знаю и это.

– И тебе ни разу не пришло в голову, что это может плохо кончиться?

– То есть?

– Ну, что на нее могут напасть, скажем, пара мужиков?

– Да что вы все крутите вокруг да около?! – взорвался Никита. – Говорите прямо, что вы имеете в виду?

– А если прямо, так в ближайший четверг, стало быть, через два дня, в Старопрудном переулке, аккурат возле бани, два мужика подкараулят Ингу Никитичну по дороге домой, свяжут ей руки, заткнут рот платком и увезут в одно укромное местечко, чтобы вытрясти из нее кое-какие секреты.

Тут только, вспомнив недавнюю попытку Погодина установить подслушивающее устройство в доме Гридиных, Никита понял, что в словах бомжа может быть известная доля правды.

– Вы точно знаете, что все произойдет, как вы сказали, и именно в ближайший четверг? – спросил он, чувствуя, как им начинает овладевать все нарастающее беспокойство.

– Точнее некуда. Потому и ловлю тебя второй день. Еще пара суток, и страшно подумать, что может случиться с Ингой Никитичной. Вот и скажи, что будешь делать теперь, после того как я предупредил тебя обо всем?

– Не знаю еще... – растерялся Никита. – Все это так неожиданно... Но прежде всего предупрежу, конечно, Ингу, чтобы она не ходила на занятия. А потом... Потом надо будет позвонить в милицию.

– Не-е! Не пойдет ни то, ни другое. Если Инга Никитична не попадется им на этот раз, они подкараулят ее в другое время, в другом месте. И даже я не буду знать об этом. В милицию звонить тоже не резон, потому как вторым мужиком там, в Старопрудном, буду как раз я, а мне ой-ой как не улыбается лишняя встреча с блюстителями порядка.

– Одним из налетчиков будете вы?! И вы мне прямо об этом говорите?! Ничего не понимаю!

– А мог бы и понять. И если уж ничего путного не можешь придумать сам, то слухай сюда. Обо всем, что я сказал тебе, – никому ни звука! А в четверг вечером часов так в десять подойди к Старопрудному переулку, схоронись там где-нибудь ненадежнее и смотри в оба! В начале одиннадцатого подъедет машина – «Москвич» и остановится возле бани. И как только из-за поворота покажется Инга Никитична, из машины выйдут два мужика. Один из них буду я.

– А второй?

– Кто второй – не знаю. Назвался Жорой. Да поди врет, стервец! И что тебе до того, кто он, второй? Ты слушай дальше! Так вот, выйдем мы из машины. Мы будем в масках. Чтобы никто не признал нас случайно. И чтоб было нестрашнее для Инги Никитичны. Ну,

выйдем мы из машины – и прямо к ней. Тут уж ты не зевай! И как только начнет тот, второй, приставать к Инге Никитичне, сразу налетай на меня. На меня первого! А чтобы не случилось путаницы, знай, что тот, напарник мой, повыше, чем я, и на шее у меня будет вот этот платок. Ну, значит, подскочишь ко мне и дашь раза! Не так, конечно, чтобы я дух испустил. Но чтоб ясно было, что ты взаправду с катушек меня сбил. После этого я, понятно, с земли так и не поднимусь. И останешься ты один на один с этим Жорой. Вот и всыпь ему так, чтобы он не вздумал еще раз сунуться к Инге Никитичне. Да не бойся. Он, напарник-то мой, правда, повыше тебя. Но ты, вроде, покрепче будешь. Да и сдрейфит он, увидев, как ты меня одним ударом уложил. Ну, вот и все. Никакого оружия у нас не будет. Я ему, Жорику, первым условием это поставил. А теперь топай куда шел. В четверг, стало быть, встретимся.

– Постойте, кто же вы? Как хоть звать вас? И что заставило вас ввязаться в это дело, если вы сами хотите его провалить?

– Кто я такой, знать тебе совсем не обязательно. Ввязался я в это дело – значит, нужда была ввязаться, и это тоже тебя не касается. А провалить все надо ради нее одной, ради Инги Никитичны, значит, потому как... Да это тоже тебе ни к чему. Бывай здоров, доцент. – Бомж поплотнее надвинул на голову свою кепчонку и растворился в темноте.

Никита медленно прошелся по опустевшему крыльцу, невольно прислушиваясь к звукам удаляющихся шагов. Кто он, этот странный человек? Куда направился в столь поздний час? Инга назвала его бомжем. Значит, нет у него ни постоянного жилья, ни постоянных средств к существованию. Немудрено, что какие-то мерзавцы втянули его в это грязное дело. Но он, видно, раскаялся и не пожалел времени, чтобы предупредить Никиту о готовящемся преступлении, ждал его сегодня тут у крыльца чуть не до полуночи. А он, Никита, сначала не захотел с ним и поговорить по-человечески, не пригласил к себе в комнату, не предложил даже чашки чая.

Острая боль от угрызений совести полоснула по сердцу, отодвинув даже тревогу за Ингу. В конце концов, рассудил он, опасность, нависшая над ней, не так уж велика. Если все произойдет так, как сказал бомж, и он останется один на один с преступником, то сумеет постоять за Ингу. Тем более что налетчик, кем бы он ни был, едва ли захочет подвергнуть себя риску быть узнанным и разоблаченным, скорее всего он рассчитывает все сделать без лишнего шума, а любая драка может привлечь внимание если не милиции, то, по крайней мере, лишних, не нужных ему свидетелей. Но вот то, как он, Никита, поступил с бомжем... С тяжелым сердцем и саднящей совестью вошел он в полутемный вестибюль общежития, коротко, на ходу кивнул заспанному вахтеру. Но тот остановил его:

– Гамов, вам письмо.

– Мне письмо?! – не мог не удивиться Никита, давно не получавший ниоткуда ни писем, ни телеграмм.

– Да, вам. Вот, возьмите.

Никита взял письмо, и неприятный холодок пробежал по спине: адрес на конверте был отпечатан на машинке, и сразу бросилось в глаза, что в нем не пропечатана буква «и». Что это, послание от того же «доброжелателя»?

Никита тут же разорвал конверт и быстро пробежал глазами очередную анонимку:

«Уважаемый тов. Гамов!

До меня дошли сведения, что Вы ухаживаете за внучкой академика Гридина и, видимо, намерены на ней жениться. Вынужден Вас предупредить, что это будет непоправимой ошибкой. Академик Гридин – преступник, чья деятельность в самом скором времени будет разоблачена, и он понесет заслуженное наказание. Внучка его Инга Никитична – соучастница преступлений академика и также не избежит наказания. Убедительно советую Вам в Ваших же интересах прекратить всякую связь с этими людьми и тем самым избежать очень серьезных неприятностей.

Ваш доброжелатель».

В тексте анонимки, как и на конверте, не была пропечатана буква «и», но и без этого, по стилю написанного, было абсолютно ясно, что обе они составлены одним лицом. По-

92

чтовый штемпель на конверте также был знаком, из чего следовало, что письмо отправлено из того же двадцать девятого почтового отделения.

Но чего добивается анонимный «доброжелатель»? Если в первом случае можно было предположить, что он поставил целью досадить академику Гридину, то что означала эта вторая анонимка? Кому и чем могла помешать женитьба Никиты? Или то и другое – происки Погодина и Строева? Но чего они собираются достичь подобным образом? И при чем здесь двадцать девятое отделение? Погодин, как и Никита, живет здесь, в аспирантском общежитии. Строев – где-то неподалеку от университета. И все-таки двадцать девятое отделение – единственная зацепка, которая может помочь разобраться в этой головоломке.

Но это после! После четверга. Там, в Старопрудном переулке, может, что-нибудь и прояснится. Кстати, что за «секреты» собираются «вытрясти» из Инги преступники? Если речь идет о научных работах Гридина, то в четверг придется столкнуться если не с самим Погодиным, то с кем-то из его сообщников. Если же им понадобился какой-то иной

компромат на академика, то в Старопрудный может пожаловать и автор анонимки. А если это одно и то же лицо?

Нет, можно положительно сойти с ума от бесчисленных загадок, обступивших Ингу, а теперь и его, Никиту! И все-таки во всем этом придется разбираться. Только не стоит, пожалуй, пока говорить Инге ни об этой новой анонимке, ни о том, что только что рассказал ему бомж.

22

Он заметил ее сразу, как только переступил порог читального зала. Инга сидела за тем же столиком, за которым он увидел ее в первый раз и так же усердно выписывала что-то из толстого английского журнала. Увидев Никиту, она встала и пошла ему навстречу:

– Давай выйдем, не будем мешать остальным.

Они спустились в парк, прошли в самый дальний его конец и сели на пустую скамью.

– Ну как, говорила ты с дедом? – нетерпеливо спросил Никита, заглядывая ей в глаза.

– Да, – сдержанно ответила Инга.

– И что он?

– Выслушал меня спокойно, правда, без особой радости, но и без малейшей досады. Сказал, что хочет познакомиться с тобой. Но не раньше чем через две недели.

– Почему?

– Не знаю. Я говорила, что у него есть свои странности. Я не стала уточнять, что он имеет в виду, и тем более торопить его встретиться с тобой.

– Конечно, это ни к чему. Главное, чтобы мы могли по-прежнему видеться.

– Да. И теперь ты можешь приходить прямо ко мне в любое время. Я познакомлю тебя с тетей, дядей Семеном, Глафирой, покажу свою библиотеку...

– Ты говорила и с тетей?

– С какой стати! Я вообще с ней мало разговариваю. Да она, похоже, и не нуждается в этом.

– А как зовут тетю?

– Анна... Анна, кажется, Петровна. У нас в доме никто не зовет ее по имени-отчеству, так что я могу и напутать.

– Но почему Петровна? Ведь она твоя родная тетка.

– Не знаю. Дедушка что-то объяснял мне, когда она только что приехала, говорил о какой-то путанице в документах, возникшей там, где она жила, на юге. Тогда я ничего толком не поняла. А потом, когда стала взрослой, меня это просто не интересовало. Петровна так Петровна. Не все ли равно!

– А дядя Семен, он кем тебе приходится?

– Он какой-то дальний родственник деда. Человек почти неграмотный, очень недалекий, но в общем неплохой. Он приехал из деревни, когда я была совсем еще маленькой. Приехал па лечение, долго лежал в больнице. Потом, чтобы долечиться, временно поселился у нас. Да так и остался в доме деда. Там, в деревне, насколько я знаю, у него нет ни родных, ни близких. Куда же было податься человеку?

– Чем же он занимается?

– Он прирожденный садовник. Сад для него – все. Ну и вообще помогает нам по хозяйству. Сейчас он фактически член нашей семьи. Впрочем, дед сколько-то платит ему. А так как дядя Семен все время от денег отказывается, то дедушка завел ему сберкнижку и теперь ежемесячно кладет на нее какую-то сумму. Но что мы все о наших домочадцах? Ты скажи, как твои дела?

– Ой, Инга, боюсь сглазить. Все устраивается так, что лучше не придумаешь. Помнишь, я как-то говорил тебе, что отец Олега обещал познакомить меня со своим приятелем, большим геологическим начальником, который мог бы помочь мне провести в своей экспедиции производственный эксперимент?

– И это знакомство состоялось?

– Если б просто знакомство! Этот «большой геологический начальник» оказался бывшим главным геологом той экспедиции, где я когда-то работал. Он и натолкнул меня на идею использовать изменения в зоне водонефтяного контакта в практике нефтепоисковых работ. Он посоветовал мне пойти в аспирантуру. Он и помог стать аспирантом здешнего университета. Ну и сама понимаешь, как он отнесся к тому, с чем мне пришлось столкнуться на кафедре. Сегодня мы все утро просидели над моими материалами, наметили конкретные места заложения буровых скважин, и, если все будет благополучно, успех почти обеспечен.

– А сколько времени понадобится на бурение этих скважин?

– Если проходка будет вестись без отбора керна, как мы называем пробы пород, извлекаемые по ходу скважины, то недели через две-три, я надеюсь, будут получены первые результаты.

– Как я рада за тебя, Никита! Недаром все эти дни я молила Бога, чтобы он помог тебе. И как было бы хорошо, если бы эти результаты подоспели к тому дню, когда ты встретишься с дедом.

– Может, так и будет. Уж если начнет человеку везти... Кстати, там, у Шевцовых, был и Петр Эдуардович.

– Дядя Петя Берг?

– Да, и, знаешь, ты оказалась права. Он прямо сказал, что то, над чем работает сейчас Лев Яковлевич, действительно связано с гибелью твоих родителей.

– Что ты говоришь?! – голос Инги дрогнул, лицо побледнело. – Так он и сказал?! Значит, я... Значит, недаром я все время чувствовала это. А больше он ничего не сказал?

– Нет, сказал только, что скоро Лев Яковлевич сам объявит о результатах своих исследований.

– Слава Богу! Скорее бы!

– Я понял, что это будет очень скоро. Может быть, эти две недели он и имел в виду?

– Может быть...

– А я к тому времени постараюсь разгадать и все другие наши загадки. Я уже мысленно набросал план действия. Прежде всего институт иммунологии. Надо выяснить все обстоятельства ухода Льва Яковлевича из института. Мне кажется, и я имею уже кое-какие подтверждения, что дело тут не только и даже не столько в воззвании американских биологов.

– Я тоже так думаю.

– Так вот, отец Олега посоветовал мне встретиться с одной дамой, некоей Анастасией Ивановной Кедровой. Она, как я понял, была ближайшей помощницей Льва Яковлевича и ушла из института вместе с ним в знак протеста против снятия его с поста директора.

– Кедрова... Кажется, я слышала эту фамилию. Хотя лично с Анастасией Ивановной не встречалась.

– Затем я хочу познакомиться с кем-нибудь из молодых сотрудников института с тем, чтобы окончательно прояснить для себя фигуру Строева. Слишком уж одиозной вырисовывается для меня личность нынешнего директора института иммунологии.

– Еще бы! Уж если он превращает своих аспирантов в частных детективов...

– Вот именно. Кстати, Инга, пока не забыл. Возьми вот эту пленку, – подал он ей изоляционный пластырь, полученный от Олега, – и аккуратно обмотай то место, где ты перерезала провод. У меня есть основания думать, что люди Погодина в ближайшее время захотят проверить его целостность. Да постарайтесь больше не пускать в дом всякого рода техников-телефонистов.

– Хорошо, Никита.

– Теперь дальше... Само несчастье с твоими родителями... А что если это был не просто несчастный случай? Припомни, не было ли у твоих папы и мамы больших недоброжелателей?

– Нет, я абсолютно уверена в этом. Вот у деда, разумеется, были.

- Но ведь несчастье произошло не с дедом.
- Да. Однако тут есть один важный момент, на который в свое время почему-то никто не обратил внимания. Папа каждое утро завозил деда на своей машине па работу, в институт. А в то утро ему пришлось ехать с мамой.
- Вот оно что! Это заставляет кое о чем поразмыслить. И я сделаю вот что: я постараюсь разыскать водителя самосвала, который сбил вашу машину. Затем – двадцать девятое почтовое отделение. Я не знаю еще, что и как там можно будет сделать. Но, возможно, и там отыщется ниточка, ухватившись за которую мы распутаем весь клубок окружающих тебя тайн. С этого я, пожалуй, и начну,...

23

В этот день Никита решил не встречаться с Ингой, чувствовал, что будет не в состоянии скрыть от нее волнение от предстоящей схватки в Старопрудном переулке. Нет, он не сомневался, что сможет защитить ее от любого насилия. Но ведь мало не дать в обиду Ингу. Надо и проучить похитителя, проучить так, чтобы тот и не подумал повторить свой преступный замысел. Но как это сделать?

Просто поколотить его, как советовал бомж, едва ли получится. Никита вообще не умел драться. А если прибегнуть к какому-нибудь необычному средству, скажем, опрыскать его родамином Б? Глупо? Да нет, над этим стоит, пожалуй, подумать...

Родамин Б – чрезвычайно стойкий ярко-красный органический краситель, Никита применял для окраски глинистых фракций при минералогическом анализе горных пород, и когда забыл однажды надеть перчатки и испачкал им пальцы, то целую неделю не мог смыть краску никакими моющими средствами. Так вот, если окатить налетчика раствором такого красителя, это будет почище всяких синяков. Походи-ка с неделю с ярко раскрашенной физиономией! К тому же при необходимости это может стать и прекрасной уликой. Правда, бомж сказал, что они будут в масках. Но краситель проникнет и через ткань. А изготовить какой-нибудь простенький пульверизатор – пара пустяков!

Впрочем, не это было главным. Главное заключалось в том, как сделать все так, чтобы как можно меньше напугать Ингу. Проще всего, конечно, было бы предупредить ее обо всем. Но тогда она определенно не пойдет Старопрудным переулком или вообще останется в этот вечер дома. Значит, надо будет уже там, в переулке, еще до начала потасовки окликнуть ее, сказать, что все это не более чем недоразумение, попросить ее отойти в сторону, ни во что не вмешиваться.

Однако едва ли Инга останется безучастной, увидев, как двое неизвестных мужчин набросятся на него, Никиту, и тогда может произойти что угодно. Нет, это не выход! Как бы ни сложилась обстановка, ему не стоит заранее выдавать себя. Напротив, надо будет одеться во что-то незнакомое Инге и по возможности так изменить свою внешность, чтобы она вообще не могла его узнать. Да и начать разборку, вопреки советам бомжа, лучше до того, как они подойдут вплотную к ней. Тогда Инга решит, что все происходящее не более чем заурядная драка посторонних людей, и скорее всего просто постарается обойти их стороной.

Наконец надо было позаботиться и о том, как поступить с бомжем. Не оставлять же его после того, как все будет закончено, на улице. Слишком живо было еще саднящее воспоминание о том, как он обошелся с ним позапрошлой ночью.

Словом, весь этот день прошел в волнениях и хлопотах. А уже в половине десятого, одевшись соответствующим образом и запасшись пульверизатором с раствором родамин Б, к которому он добавил несколько кубиков уксусной эссенции, Никита пробрался окольными путями в Старопрудный переулок и схоронился в зарослях бузины, пышно разросшейся в старом заброшенном саду как раз напротив бани.

Вечер был темным, безлунным. Звезды над головой то показывались, то снова прятались в набегавших тучах, с неба то и дело принимался сыпать мелкий колючий дождь. Единственный фонарь, висящий над входом в баню, слабо освещал лишь небольшую

круговину на противоположной стороне переулка, и оттого весь он тонул в сплошной чернильной тьме.

Время тянулось медленно. Ближе к одиннадцати Никита успел основательно вымокнуть и продрогнуть и готов был уже счесть все сказанное бомжем за бессовестную мистификацию, как вдруг из-за поворота вывернул «Москвич» и, погасив фары, притормозил у входа в баню.

Никита вмиг забыл и о холоде, и о дожде. Все в нем напряглось в тревожном ожидании. Дверки «Москвича» оставались закрытыми. Мотор смолк. Но в затемненном салоне явственно просматривались шевелящиеся тени. Не могло быть сомнения, что там затаились. Прошло несколько томительных минут, и в противоположном конце переулка послышался знакомый стук каблучков. Инга!

Никита выбрался из кустов и приготовился к броску. В тот же миг передняя дверца «Москвича» раскрылась, и из нее выскользнули две темные человеческие фигуры. В свете фонаря было видно, что лица обоих мужчин закрыты масками, в руках одного из них было что-то вроде мотка проволоки или веревки.

Никита метнулся было им наперерез, но тут же в растерянности остановился: оба мужчины были одного роста, и ни у одного из них не было условленного шейного платка. Который же из них бомж? И что теперь делать? Но в следующее мгновение над самым его ухом раздался знакомый хриплый голос:

– Доцент, ты?

Никита живо обернулся. Бомж стоял рядом с ним и также не сводил глаз с тех двоих, что вышли из автомобиля.

– Как же вы... Почему вы здесь? – вконец растерялся Никита.

– Долго объяснять. Так уж получилось. Обманул он меня, взял другого напарника. Может, пронюхал чего, может, просто вожжа под хвост попала. Но и я не промах. Слухай сюда, доцент. Их двое, но и нас двое. Ты не смотри, что я такой хлипкий. Хлипкий, да цепкий! В общем так: ты бери на себя того, что ближе к нам. Это главарь. Я вцеплюсь в напарника. Да не дрейфь! Я и не в таких переделках бывал.

– Спасибо вам за все...

– До того сейчас!

– И все-таки, кто вы? Как хоть звать вас?

– Все зовут Алексом. Остальное тебя не касается. Да, говорю, не до этого сейчас! Ну, ходу! – бомж живо рванулся вперед и, подскочив к тому, кого назвал напарником, бросился ему на спину. Оба сейчас же повалились на землю.

Никита преградил путь главарю и тихо, но твердо сказал:

– Что вы замыслили, я знаю. Ничего у вас из этого не выйдет. Забирайтесь обратно в машину и улепетывайте подобра-поздорову, пока я не поднял шум и сюда не сбежались люди.

Налетчик, явно не ожидавший такого оборота дела, растерянно переступил с ноги на ногу, но, оглядевшись по сторонам и увидев, что вокруг никого нет, а его напарник уже подмял Алекса под себя, выхватил из кармана нож и круто повернулся к Никите.

– А ну катись отсюда пока цел! – процедил он явно измененным голосом. – Слышишь, катись ко всем чертям! И не вздумай пикнуть!

«Ах, вот ты как! – мысленно отозвался Никита. – Тогда получай, подлец!» – он быстро извлек пульверизатор и выпустил прямо в лицо налетчика тугую струю едкой жидкости. Тот судорожно чихнул, затряс головой, но продолжал махать ножом перед самым носом Никиты. Тогда Никита крикнул:

– Тебе что, мало? Не чувствуешь, что раствор радиоактивный? Еще две-три дозы, и никакая дезактивация не поможет!

Этот блеф сложился в голове мгновенно, скорее всего со страху перед мелькавшим лезвием ножа. Но действие его превзошло все ожидания. Налетчик зажал лицо руками, рывком отскочил в сторону и живо побежал к машине, срывая на ходу маску и даже не

окликнув своего напарника, все еще катавшегося с Алексом по земле. Впрочем, тот тоже не заставил себя долго ждать. Услышав последние слова Никиты, он оттолкнул вцепившегося в него Алекса, вскочил с земли и со всех ног пустился вслед за своим боссом. Через минуту «Москвич» взревел мотором и, чудом развернувшись в узком переулке, исчез за поворотом. И враз все стихло. Лишь слабый шорох вздрагивающих под дождем листьев да еле слышный отзвук колокольного звона, доносившийся со стороны монастыря, нарушали тишину ночи.

Никита помог Алексу встать, поднял с земли его кепку, отер с лица грязь:

– Ну как, не очень он вас помял?

– Пустяки! Я тертый калач. А ты это здорово придумал, с радиацией-то. Теперь все ее боятся. Только как же он теперь, совсем сгинет?

– Что вы! Это я нарочно сказал, чтобы только попугать его, а опрыскал простой краской, правда, подлил в нее немного уксуса, чтоб кожу пощипало.

Никита пристально посмотрел по сторонам, стараясь увидеть Ингу. Но все вокруг тонуло в сплошной мокрой тьме.

– Инга! Инга, где ты? – крикнул он, приложив руки ко рту. – Это я, Никита. – В ответ ни звука.

– Не надо, не кричи, ушла она, – махнул рукой Алекс. – Я видел, как она обошла нас сторонкой вон там, возле бани, аккуратно когда ты кропил этого охламона. Видно, не узнала в темноте ни меня, ни тебя. И слава Богу! Незачем ей пачкаться в этой грязи. Не говори ей ни о чем.

– Да, пожалуй, не стоит, – согласился Никита. – Больше они, я думаю, не сунутся.

– Как знать? Краска-то, ты говоришь, безвредная, смоют они ее и...

– А вот смыть ее будет не просто. Краска эта все-таки не совсем обычная. Минимум неделю не смоешь ее ни мылом, ни содой.

– Ну, разве так, – Алекс довольно хмыкнул. – Представляю, как он появится завтра на людях раскрашенный, как пасхальное яичко.

– Да, не хотел бы я оказаться на его месте. Но хватит о нем! Пойдем сейчас ко мне, попьем чайку, пообсохнем, погреемся...

– Куда к тебе?

– Ко мне в общежитие. У меня там отдельная комната. Мигом сообразим что-нибудь пожевать. Да и бутылочка найдется. Посидим, потолкуем. Сможете и заночевать, если хотите.

– Нет, доцент. Спасибо тебе, конечно, за приглашение, только никуда я с тобой не пойду и ни о чем толковать не буду. Ты сам по себе, я сам по себе. Прощай пока и не поминай, как говорится, лихом.

– Но куда же вы сейчас, на ночь глядя?

– А это уж не твоя печаль.

24

Двадцать девятое почтовое отделение действительно находилось в самом дальнем конце города и обслуживало большой массив недавно поднявшихся унылых пятиэтажек и несколько отдельно стоящих престижных «обкомовских» домов. Впрочем, это не говорило абсолютно ни о чем. Поэтому еще сегодня утром, когда Никита решил наконец наведаться к почтовикам, у него не было никакого определенного плана действия, и лишь по пути сюда возникла идея попробовать познакомиться с перечнем прикрепленных к отделению подписчиков на газеты и журналы в надежде увидеть какую-нибудь знакомую фамилию. Как это сделать, он тоже еще не знал и надеялся больше на случайную удачу. К счастью, ему сразу повезло. В отделе распространения печати сидела и скучала молодая розовощекая девушка, с которой можно было, по крайней мере, вступить в разговор.

– Здравствуйте, девушка, – обратился к ней Никита, придав лицу как можно более беззаботное выражение, – я из молодежной газеты. Вы не могли бы дать мне с десятков фамилий наиболее активных подписчиков на печать?

– Только об этом и мечтала! – хмыкнула девица, не выразив, впрочем, намерения сразу избавиться от Никиты. – Вы представляете, что для этого надо сделать?

– Нет, не представляю, – охотно признался Никита.

– Для этого надо перебрать не одну сотню квитанций. А я для этого не нанималась!

– А если я займусь этим сам?

– С нашим удовольствием! Садитесь вот сюда, рядом со мной и перебирайте их хоть до самого вечера. Здесь у нас они разложены в ячейках по домам. Только не переложите из одной ячейки в другую. А то такой хай поднимется!

– Не беспокойтесь, ничего не перепутаю.

Никита сбросил пиджак и принялся за работу. Работа эта действительно оказалась малопривлекательной. Но Никита решил не отступать. И хотя сидящая рядом девица без конца отвлекала его своей болтовней, дело продвигалось быстро. Скоро он смог бы дать детальнейшую характеристику читательской активности жителей района. Однако в бесконечной череде мелькающих перед глазами фамилий не было ни одной знакомой.

Перебрав всех подписчиков пятиэтажек, он перешел к «обкомовским» домам. Но и здесь не оказалось ничего интересного. Окончательно разуверившись в возможности выудить что-нибудь стоящее, Никита хотел уже бросить бессмысленную затею, как вдруг в глаза бросилась квитанция на газету «Правда», заполненная неким Гридиным Николаем Ефимовичем.

Никита выхватил ее из ящика. Что же это за Гридин? Еще один однофамилец академика или его двоюродный брат, о котором говорила Инга? Помнится, она сказала, что тот живет как раз в «обкомовском» доме. Жаль, что он не спросил тогда имени-отчества ее дяди! Впрочем, это можно сделать и сейчас.

– Девушка, позвольте позвонить от вас по телефону, – обратился он к надзиравшей за ним девице.

– Звоните на здоровье! Вон оттуда, из соседней комнаты.

Никита набрал номер Гридиных, лихорадочно обдумывая, что сказать, если трубку возьмут Анна Петровна или сам академик. К счастью, к телефону подошла Инга.

– Инга, это я, Никита, – обрадовался он, услышав знакомый голос. – Скажи, как зовут двоюродного брата Льва Яковлевича.

– Двоюродного брата деда? Зачем он тебе понадобился?

– Надо, Инга, надо. После я все объясню.

– Его зовут Николай Ефимович. Адреса я не знаю.

– Адреса не нужно. Вернее, он у меня есть. Больше ничего не нужно. Спасибо, Инга. Всего тебе доброго. До встречи!

Никита повесил трубку и долго стоял в неподвижности, пытаясь осмыслить столь неожиданно открывшуюся ситуацию. Итак, именно в этом районе, почти рядом с почтовым отделением, живет двоюродный брат академика, с которым тот, в силу какого-то затянувшегося конфликта, не поддерживает никаких отношений. Это последнее обстоятельство, конечно, ничего еще не значит, не дает, по крайней мере, ни малейшего основания подозревать его в авторстве мерзких анонимок. И все же...

И все же Никита решил повидать этого человека, пока не отдавая себе отчета, чем тот мог быть ему полезен. Такое решение возникло неожиданно, почти интуитивно, и тем не менее что-то толкнуло осуществить его сейчас же, не откладывая ни на один час.

Никита еще раз уточнил по квитанции адрес бывшего партийного босса и, поблагодарив словоохотливую девицу, направился к большому бело-розовому дому, эффектно вписавшемуся в тенистые аллеи лесопарка.

В домах подобного рода он еще не бывал. Со смешанным чувством восхищения и неприязни обегал он глазами большие светлые холлы, широкие лестничные пролеты,

высокие, сверкающие белизной потолки и стены, массивные, обитые кожей двери квартир. Все это заставляло идти медленно, с опаской, не нарушая пугающей тишины. Поднявшись на второй этаж и отыскав нужную квартиру, Никита не без робости нажал на блестящую кнопку звонка и непроизвольно отпрянул в сторону от нацеленного прямо ему в лицо стеклянного глазка.

Дверь долго не открывали. Наконец послышались щелчки нескольких замков, и в узкой щели за массивной стальной цепочкой показалось трясущееся старческое лицо и лоснящаяся пола теплого стеганого халата.

– Вам кого? – услышал Никита недовольный дребезжащий голос.

– Я хотел бы видеть Николая Ефимовича Гридина, – ответил он как можно приветливее.

– Ну, я – Гридин. Что вам от меня нужно? – прохрипел старик, не меняя тона.

– Я из университета. Мы, группа аспирантов и студентов, образовали нечто вроде общества по сохранению чистоты генотипа человека. Наша цель – борьба с противоестественными экспериментами академика Гридина. И нам казалось, что вы, как носитель добрых старых традиций и человек, хорошо знающий академика, могли бы помочь нам в этом.

Никита понимал, что, блефуя таким образом, он сильно рискует. Но, зная со слов Инги, что бывший партаппаратчик полон ненависти к своему брату, он не без оснований полагал, что тот клюнет на брошенную приманку. И не ошибся. Старик отстегнул цепочку и раскрыл дверь:

– Входите. Вот сюда, пожалуйста, в гостиную. Никита вошел в большую, добротнo обставленную, но до

крайней степени запущенную комнату. Обои по стенам ее были местами ободраны, все кругом покрывал густой слой пыли, с потолка и по углам комнаты свисали космы грязной паутины. На столе громоздились груды невымытой посуды вперемешку с какими-то книгами, пустыми пакетами, бутылками из-под кефира. Здесь же стояла облезлая портативная машинка.

Старик опустилcя в глубокое, сильно продавленное кресло, указал Никите на стоящий рядом стул:

– Так чем я смогу вам помочь?

– Ну, прежде всего врага, как вы понимаете, надо знать, знать о нем все. Мы же не знаем об академике почти ничего. Что он делает там, в своей домашней лаборатории, что уже создал, что собирается создать? Мы только чувствуем, что он замахнулся на что-то страшное. Но на что именно? От чего нам нужно предостеречь людей? И что вообще за человек академик Гридин? Вы не смогли бы внести ясность во все эти вопросы?

– Гм... Понятненько! – осклабился старик. – Я с удовольствием помогу вам всем, что будет в моих силах. Да, академик страшный человек. Помню, еще в бытность его профессором университета, когда вся партия, весь народ поднялись на борьбу против морганизма-менделизма в биологической науке, он не только сам не подчинился решениям партии и правительства, но всячески толкал на это и своих учеников, молодых ученых и студентов.

– Но сейчас, кажется, всеми признается, что это было ошибочное представление, – осторожно заметил Никита.

– Так то сейчас! А тогда было официальное решение ЦК партии и правительства. Как можно было какому-то профессоришке выступить против такого основополагающего документа? Далее. Я точно знаю, что, уже будучи директором института, он всячески срывал план прохождения своих сотрудников через университет марксизма-ленинизма. Мало того. Я сам слышал, как он однажды заявил, что партком института только мешает ему работать. Партком мешает, а? Вот вам моральный облик этого человека! А то, над чем он работает, известно всем. Ему, видите ли, понадобился какой-то супермен, какой-то сверхчеловек, которому было бы доступно все, что пресекается нашими законами. Я не раз выступал против этого в самых высоких инстанциях. Но в свое время не прислушались к моему мнению. И вот результат...

– Каков же результат?

– Каков результат? А результат таков, что вот-вот из его особняка выползет какое-нибудь страшилище и начнет потрошить всех и вся!

«Так вот один из источников идущих по городу слухов!» – подумал Никита. И все же спросил:

– Но у вас есть, наверное, какие-нибудь конкретные доказательства таких намерений академика? Нам они были бы очень нужны, поскольку сплошь и рядом приходится сталкиваться с маловерами, которые сомневаются еще в преступных замыслах Гридина.

– О каких доказательствах может идти речь, когда в свое время еще бюро обкома решительно осудило все работы Гридина и вынесло решение об отстранении его от должности директора института? Решение бюро обкома! – повторил старик, подняв вверх костлявый палец. – Это вам говорит о чем-нибудь?

– Да, конечно, – поспешил согласиться Никита, поняв, что решение бюро обкома было для этого человека сильнее божьих заповедей. – И все-таки есть маловеры... – снова начал он.

– Да что вам дались эти маловеры! – взорвался старик. – Маловеры всегда были и всегда будут. Бороться надо не с ними, а с самим академиком. Бороться любыми средствами! Вам, молодым, многое доступно. Взять, скажем, и заблокировать его дачу, чтобы никто не мог пронести туда ни еды, ни питья. Или перекрыть подачу туда газа, воды, электричества. Да мало ли что можно сделать...

– Да, мы подумаем об этом, – сказал Никита, содрогаясь от мысли, что еще несколько лет назад этот маньяк мог вершить судьбами сотен, если не тысяч людей. Он встал и готов был уже пойти к двери, как вдруг внимание его привлек лист бумаги с машинописным текстом, лежащий возле машинки. Было очень соблазнительно завладеть этим листом и сопоставить его с полученными анонимками. Но как отвлечь внимание старика?

– Николай Ефимович, – наконец нашелся Никита, – а у вас не найдется фотографии академика? Ведь никто из нас его в глаза не видел.

– Еще бы! – хихикнул старик. – Мой братец не помнит, наверное, когда выползал из своего логова. А фотографию я вам найду. Сию минуточку! – Он подошел к книжному шкафу и извлек оттуда большой альбом. – Сию минуточку! – снова повторил он, не заметив, как Никита успел подскочить к столу и спрятать в карман заинтересовавший его листок. – Вот, пожалуйста, академик Лев Яковлевич Гридин во всем блеске своего величия. Дарю вам на память.

– Спасибо, Николай Ефимович, – Никита сунул фотографию в карман и пошел к выходу из комнаты. Но старик остановил его:

– Пойдите, молодой человек. А вам не известен аспирант университета, некто Гамов?

– Как не известен! – отозвался Никита. – Один из тех маловеков, что кричат на всех углах: докажите, что академик Гридин делает что-то недоброе, докажите, что он действительно дурной человек!

– А знаете, что этот Гамов собрался жениться на внучке академика?

– Не может быть! – усмехнулся Никита.

– Уверю вас, что это точно так. Вот вам и «один из маловеков»! Он, чего доброго, станет еще помощником Гридина. И я на вашем месте устроил бы ему темную.

– За этим дело не станет! – весело воскликнул Никита, торопясь покинуть эту мрачную обитель некогда могущественного партийного бонзы.

Ему не терпелось взглянуть на прихваченный листок с машинописным текстом. Поэтому, выйдя из подъезда, он сразу свернул в одну из аллей лесопарка и, присев на скамью, развернул добытую бумагу. Это было заявление Гридина в собес по поводу каких-то нарушений при расчете пенсии. Но Никита не стал вникать в смысл написанного. Его интересовала только встречающаяся здесь буква «и». И всюду она едва просматривалась в тексте. Сомнений не оставалось: обе анонимки были посланы им с Ингой двоюродным братом Льва Яковлевича. Но с какой целью? Это предстояло еще выяснить. Только каким

образом? Что еще могло бы помочь распутать клубок бесчисленных загадок, окружающих Ингу и ее деда? Об этом придется думать и думать.

25

– Пойдем, пойдем, Никита! Пора тебе посмотреть, как я живу, – сказала Инга, когда они, впервые пройдя через заветную калитку и миновав уютный, заросший травой дворик, остановились перед высокой входной дверью.

Дверь эта, к удивлению Никиты, оказалась незапертой, как и следующая, ведущая из прихожей в гостиную.

– Сначала не очень приятный, но необходимый ритуал, – шепнула Инга, вводя его в большой светлый зал, где навстречу им поднялась пожилая излишне полная дама в шикарном длинном халате с красивым, но сильно поблекшим липом.

– Знакомся, тетя, это мой друг Никита, – сказала, представляя его, Инга.

– Очень приятно, – жеманно протянула дама, почти не раскрывая рта, но тут же повернулась и пошла из комнаты. – Простите, мне нужно кое-что сделать по хозяйству.

Никита хотел ответить какой-нибудь приличествующей фразой, однако Инга сделала ему знак молчать, приложив палец к губам, а как только дама закрыла за собой дверь, проговорила вполголоса:

– С ней вообще стоит поменьше разговаривать. А лучше, по возможности, совсем не попадаться на глаза, что я и делаю, особенно в последнее время. Здесь, в гостиной, где она проводит большую часть дня сидя перед телевизором, я почти совершенно не бываю. Редко заглядываю я и на кухню: там со всем справляются Глафира Сергеевна и тетя Даша, приходящая домработница. О комнате самой тетки я уж не говорю, я и к дверям ее не подхожу. Единственное место, где мы собираемся все вместе, это столовая. Но я и там стараюсь не задерживаться. С дедом же мы общаемся большей частью в библиотеке. Это в другой половине дома. Там же расположена и моя комната. Тетка в той половине вообще не показывается: книги ее не интересуют, моя комната тем более. Туда мы сейчас и пойдем.

Они снова вышли в прихожую, прошли через обширный зал с антресолями, заставленный стеллажами с книгами, – библиотеку академика, и Инга ввела его в небольшую уютную комнату с окнами, выходящими в сад.

– Вот это и есть мое гнездышко, – сказала она, опускаясь на кушетку и протягивая руки к Никите, – иди садись ко мне поближе и рассказывай, что ты хотел рассказать. Здесь нас никто не услышит.

– Мне надо многое сказать тебе, Инга. Прежде всего вот – смотри! – он выложил перед ней бумагу, прихваченную у брата Льва Яковлевича.

Она с минуту рассматривала машинописный текст:

– Что-то о начислении пенсии, о плате за телефон... Ничего не понимаю.

– Ты в текст не вникай. Ты посмотри, как напечатана буква «и»!

– Буква «и»? О-о, такой же дефект, как в моей анонимке!

– Как в наших анонимках. Я не сказал еще тебе, что я тоже получил трогательное послание, напечатанное на той же машинке, отправленное из того же почтового отделения, подписанное тем же «доброжелателем».

– Час от часу не легче! От тебя-то что потребовал этот «доброжелатель»?

– Ни больше ни меньше, как ни в коем случае не жениться на тебе, – рассмеялся Никита.

– Боже, кому помешала наша женитьба?

– Автору вот этого послания о начислении пенсии и платы за телефон.

– Да кто же он?

– Не кто иной, как двоюродный брат Льва Яковлевича Николай Ефимович Гридин.

– Невероятно! Зачем ему понадобилось все это?

– Не знаю, Инга. Время покажет.

– Но как ты докопался до этого, где взял эту бумажку?

– Все началось с двадцать девятого отделения, а закончилось в квартире вашего почтенного родственника. Вот послушай!

– Я всегда чувствовала, что это опасный человек, – сказала Инга, выслушав рассказ Никиты. – Но ты, кажется, не все сказал?

– Да. И это тоже касается брата Льва Яковлевича. Помнишь, я рассказывал тебе об одном маленьком оборвыше, с которым случайно встретился на рынке?

– Помню, конечно.

– Так вот, позже я встречался с ним не раз и узнал прелюбопытные вещи. Во-первых, что фамилия его Гридин.

– Гридин?!

– Представь себе – Колька Гридин. Дальше я узнал, что мать его, больная одинокая женщина, вот уже много лет хранит какие-то бумаги, связанные с институтом иммунологии, за которыми охотятся какие-то подозрительные люди.

– Еще одна загадка! – воскликнула Инга.

– И еще какая! А главное, – продолжал Никита, – все говорит о том, что этот мальчуган – внук нашего с тобой «доброжелателя» Николая Ефимовича Гридина, и именно его люди пытаются выкрасть бумаги из квартиры Кольки. Суди сама... – И Никита подробно рассказал о своей последней встрече со своим юным другом в проходном дворе, у рынка.

– Что ты на это скажешь?

– Все это, может быть, и так, – проговорила в раздумье Инга. – Я тоже слышала, что дядя очень жестоко обошелся со своей бывшей женой. А после того, что рассказал о нем ты... Да, это скорее всего так, хотя и трудно представить маленького оборвыша внуком человека, который когда-то практически безраздельно властвовал над всем городом и областью. Да и бумаги, которые унесла его бывшая жена... Не представляю, какое отношение он мог иметь к институту иммунологии, и тем более к научным работам деда. Я уже говорила, что дед не поддерживал и не поддерживает с ним никаких отношений. Но то, что он пытается завладеть какими-то бумагами, связанными с институтом иммунологии, это... Сам понимаешь, что это может значить.

– Да. И это еще не все, Инга. Стоило Кольке скрыться в тот день в дверях своего барака, как из двери этой вышла... Кто бы ты думала? Женщина в черном!

– Как, та монашка, которая уже не раз встречалась нам?

– Она, Инга!

– Но это уж совсем...

– Да, я давно понял, что она имеет какое-то отношение ко всем загадкам, какие мы пытаемся решить, что неспроста она кружит возле вашей дачи. Что-то связывает ее если не с тобой и Львом Яковлевичем, то, по крайней мере, с вашим домом, который, конечно же, окружен какой-то тайной. А теперь вот еще и Колька с его загадочными бумагами. И тут тоже почему-то не обходится без этой женщины в черном.

– Ты прав, все это более чем странно. Но этот Коля... Он, значит, чуть ли не мой родственник?

– Да. И знаешь, вы поразительно похожи друг на друга.

– Я и этот босячок?

– Ты и этот славный мальчуган. Он в самом деле чем-то удивительно располагает к себе, несмотря на свой неприглядный вид.

Инга в задумчивости прошла по комнате и вдруг сказала:

– Я хочу видеть его, Никита. Как бы нам встретиться с ним?

– Нет ничего проще. Я теперь знаю, где он живет. Давай сходим проведем твоего родственника.

– Но сначала я хочу собрать для него кое-что из одежды. После меня ведь осталось столько поношенных, но вполне приличных вещей.

– Боюсь, что твои платица ему едва ли подойдут, – улыбнулся Никита.

– Не смейся, пожалуйста, я имею в виду разного рода курточки, сапожки, свитера. И, конечно, надо приготовить что-нибудь вкусненькое.

– Это я беру на себя. Когда же мы сможем пойти?

– Да хоть завтра утром. Или лучше к обеду?

– Нет, именно утром. Днем его едва ли застанешь дома.

– Хорошо, завтра зайдешь за мной, – Инга снова присела к нему на кушетку, зябко передернула плечами.

– Ты зябнешь?

– Немножко.

– Может, закрыть окно?

– А может, ты сам согреешь меня?..– Глаза Инги, огромные, полные любви и нежности, приблизились к самым его глазам, дыхание опалило его лицо, руки легли ему на плечи.

– Инга, любимая моя! – он обхватил ее за талию, прижал к своей груди, покрыл поцелуями ее лицо, шею, грудь. Мир перестал для них существовать...

26

Несмотря на ранний час, солнце успело подняться высоко над площадью, когда Никита и Инга с двумя тяжелыми сумками подошли к знакомому барaku и остановились перед ветхой дощатой дверью. Никакого звонка здесь не было, и Никита легонько стукнул в дверной косяк. Тотчас за дверью послышались быстрые шаги, и в проеме ее показалась растерянная мордашка Кольки.

– Ой, дяденька Никита, ты меня ищешь?

– Да, пришли с тетей Ингой к тебе в гости. А мама дома?

– Нет, мамка в больницу ушла. А вы уезжаете куда-нибудь? – покосился Колька на туго набитые сумки.

– Нет, принесли кое-что из одежды. Можно к тебе зайти?

– Отчего же нельзя! Вот тут, на лавку, и садитесь. А зачем принесли одежду-то?

– Тетя Инга хочет сделать тебе подарок.

– Так ты подарил мне уже штаны и рубашку.

– А теперь тетя Инга приготовила две курточки, осеннее и зимнее пальто, кое-что из обуви и книжки с картинками.

– Вот здорово! – не переставал восторгаться Колька, перебирая подобранные Ингой вещи.– Столько одежды у меня никогда не было. А книжки-то, книжки! Увидела бы их бабушка! Ведь мы с ней только старый букварь читали, да и тот запропастился куда-то. А откуда она, тетя Инга, узнала про меня?

– Вот, дядя Никита о тебе рассказал, – вступила в разговор Инга. – Хорошего, говорит, мальчика встретил.

– Нет, это он, дяденька Никита, хороший. А я так... обыкновенный Колька.

– Как же ты живешь, Коля? Что поделываешь?

– По-всякому живу. Мамке помогаю. Сейчас вот пол подмел, воды принес. Потом на улицу пойду, к ребятам. А еще хожу к одному дяденьке кроликов кормить. Страсть как люблю кроликов. И маленьких собачек тоже. Только мамка не дает никого завести. Самим, говорит, есть нечего. А много ли кроликам надо? Травы-то кругом вон сколько!

– А она, мама, все болеет, говоришь?

– Все болеет. Который раз уж в больницу пошла. Плохо все у нас...

Инга ласково погладила его по голове:

– Не расстраивайся, Коля. Будет и у вас еще все хорошо. А сегодня мы с дядей Никитой решили сделать для вас с мамой небольшой праздник. Давай-ка вскипятим чай, покажи, где у вас тарелки, вилки, стаканы, помоги мне убрать со стола. А я приготовлю кое-что покушать.

– Это я мигом. Это я могу, – сразу оживился Колька. Теперь он глаз не сводил с Инги. А у Никиты не шел из головы один вопрос:

– Коля, скажи мне, что за монашка вышла в прошлый раз из вашей двери?

– А-а, это мать Евдокия из монастыря. Она к мамке ходит. Они с мамкой родственники какие-то.

Колька вновь засновал по комнате, помогая Инге накрывать на стол. Никита же почувствовал, как у него окончательно все смешалось в голове. Женщина в черном – родственница Колькиной матери?! А следовательно, и Николая Ефимовича Гридина, да и самого Льва Яковлевича! Было от чего окончательно запутаться во всех этих хитросплетениях.

– Коля, – снова окликнул он мальчика, – что же они за родственники такие, мама твоя и эта монашка?

– Не знаю, так мамка сказывала.

– А о чем они говорят друг с другом?

– Про всякое говорят. А больше всего про какую-то девчонку.

– Девчонку?!

– Ну да. Пропала, что ли, та девчонка где-то. Или украл ее кто. Да я и не слушал больно-то. Девчонки, они, сам знаешь, задирали и плаксы, больше ничего. Тетя Инга, чайник кипит! Что дальше делать?

– Кипит, так выключи его и помоги мне с посудой, – откликнулась Инга.

– А о том свертке они не говорили, Коля? – еще раз попытался вызвать его на разговор Никита.

– Нет, о том свертке мамка никому не говорит. И мне не велит. Я только тебе открыл наш секрет. И ты тоже никому не говори. Вот тете Инге можно. Она тоже хорошая, как и ты.

– Почему ты решил, что я хорошая? – рассмеялась Инга, нарезаая колбасу.

– Сразу же видно. Вон сколько мне всего надарила!

– Только поэтому?

– Нет, не только поэтому. Еще потому, что у тебя глаза добрые и говоришь ты, как бабушка со мной говорила.

– Ах ты, плутишка! – пригладила Инга Колькин вихор. – Ну, ладно, мойте руки – и за стол! Колька не заставил себя долго ждать. А Никита все не мог решить, как же быть дальше? Дождаться Колькиной матери и расспросить обо всем ее? Это было бы, конечно, проще всего. Но, с другой стороны...

«Нет, – наконец сказал он себе, – этого делать нельзя. Бедная женщина подумает еще, что они пришли специально затем, чтобы копаться в ее семейных секретах».

Впрочем, оставался еще один источник информации – бывшая помощница академика Гридина Анастасия Ивановна Кедрова.

27

Узнать адрес пенсионерки Кедровой не составило большого труда, и уже на следующий день после полудня Никита поднялся на четвертый этаж старого, давно не бывшего в ремонте дома и позвонил в названную ему шестнадцатую квартиру. Дверь открыла маленькая сухонькая старушка в темном, сильно поношенном, но идеально отглаженном платье с абсолютно белыми, аккуратно уложенными волосами.

– Здравствуйте, Анастасия Ивановна, – сказал Никита, сразу проникаясь симпатией к бывшей помощнице Гридина с ее гордой, полной достоинства осанкой и удивительно умными, добрыми глазами на бледном в глубоких морщинах лице.

– Здравствуйте, молодой человек, милости прошу. С кем имею честь говорить?

– Я аспирант-геофизик. Зовут меня Никита.

– А по батюшке?

– Ну, что там по батюшке! Просто Никита. Никита Гамов.

– И чем я обязана вашему посещению, просто Никита? – мило улыбнулась старушка.

– Я слышал, Анастасия Ивановна, что вы хорошо знаете академика Льва Яковлевича Гридина.

– Да, это так.

– И я хотел бы просить вас немного рассказать о нем.

– А для чего вам это понадобилось, если не секрет? – в глазах Кедровой мелькнули искорки настороженности.

Никита понял, что надо что-то придумать.

– Я хочу написать о нем очерк, – выпалил он первое, что пришло в голову.

– Вот как! – воскликнула Анастасия Ивановна, не скрывая легкой усмешки. – И с каких же позиций вы собираетесь изобразить в нем Льва Яковлевича? Как вы к нему относитесь?

– Я отношусь к нему с величайшим уважением и хотел бы вызвать такое же уважение у своих будущих читателей, – отбарабанил Никита.

– Вы хорошо знаете Льва Яковлевича? – снова усмехнулась Кедрова.

– Нет. Но я очень хорошо знаком с Ингой Никитичной. Более того, мы с ней близкие друзья и надеюсь, в скором времени станем мужем и женой.

– Вы – друг Инги?! – всплеснула руками старушка. – И собираетесь стать ее мужем? Боже! Да что же вы стоите? Проходите, проходите, пожалуйста! – она провела его в небольшую уютную комнату, указала на один из простых венских стульев. – Садитесь и подождите меня с минуту, я приготовлю кофе. Или вы предпочитаете чай?

Она была явно взволнована, руки ее дрожали, щеки порозовели, в глазах блестели слезы. Чай был безусловно лишь предлогом, чтобы выйти и привести в порядок свои чувства.

– Чай лучше, Анастасия Ивановна, – ответил Никита, теряясь в догадках, чем вызван такой переполох.

– Чудесно, я сейчас. Господи, какая неожиданность! Я сейчас, сейчас!

Через несколько минут Кедрова внесла на подносе чашки с чаем, вазочку с конфетами и тарелку с недорогим печеньем:

– Простите, что так скромно, но, сами понимаете...

– Отлично понимаю, Анастасия Ивановна. Я сам живу только на аспирантскую стипендию, так что...

– Тогда мы найдем общий язык. Присаживайтесь к столу, пейте чай и слушайте. Итак, академик Гридин... – она с минуту помолчала, мечтательно улыбаясь, как улыбаются лишь очень пожилые люди, вспоминая лучшие годы юности, потом опустила подбородок на сцепленные пальцы рук и медленно заговорила, будто перебирая в памяти картины былого:

– Лев Яковлевич Гридин... Это великий человек. Великий ученый. Великий гуманист. Я знаю его со студенческой скамьи. Да, мне посчастливилось еще студенткой слушать лекции молодого доцента Гридина. И как он читал! Мы все, особенно девчонки нашего курса, были просто влюблены в Льва Яковлевича. И не было ни у кого из нас большей мечты, чем работать в будущем в лаборатории Гридина. Мне повезло больше других. Закончив с отличием университет, я была направлена в институт иммунологии, в отдел генной инженерии, который возглавлял Лев Яковлевич, и с тех пор в течение более сорока лет я работала помощницей этого изумительного человека. На моих глазах он стал доктором наук, профессором, потом – членкором и наконец – действительным членом Академии наук.

– А вы все это время так и оставались лаборантом?

– Нет, почему же? Я защитила и кандидатскую, и докторскую, получила звание старшего научного сотрудника. Но что все степени и звания по сравнению с возможностью работать бок о бок с таким выдающимся ученым! Лев Яковлевич мало публиковался, редко выступал с научными сообщениями. Поэтому мало кто, за исключением самых близких его помощников, знал, над чем конкретно работает Лев Яковлевич. В его институте, разумеется, решался очень обширный спектр проблем, связанных с

иммунологией и генной инженерией. Но сам Лев Яковлевич больше всего был увлечен идеей способности человека к регенерации утраченных частей тела.

– Как это регенерации утраченных частей тела? – не понял Никита.

– Ну вот, скажем, оторвали вы хвост у ящерицы, через некоторое время он отрастет снова. А ведь ящерица не какая-нибудь амеба. Это очень высокоорганизованное позвоночное животное. Почему же лишен такой возможности

113

человек? Значит, его генетический аппарат в ходе эволюционного развития утратил это ценное качество. А почему бы не вернуть его методом генной инженерии? Вот основная идея Гридина. Надо ли говорить, насколько гуманным было это направление в работе института? Конечно, на пути решения такой проблемы стояли колоссальные трудности. Но Лев Яковлевич, все мы его помощники шаг за шагом продвигались все дальше и дальше к намеченной цели. И я уверена, решили бы проблему регенерации, если бы нам не мешали бесчисленные завистники и недоброжелатели, и прежде всего нынешний директор института Строев. Я не знаю, чем

была вызвана его прямо-таки патологическая неприязнь к Льву Яковлевичу. Но он делал все возможное, чтобы дискредитировать идеи Гридина, не упуская ни одного случая, чтобы не навредить нашему делу. И такой случай представился. Примерно за год до снятия Льва Яковлевича с поста директора у одного нашего сотрудника случилось большое несчастье: попал в аварию шестилетний сын, и малышу пришлось ампутировать ножку. Убитый горем отец обратился к шефу за помощью. А мы к тому времени уже создали соответствующий препарат и провели весьма обнадеживающие опыты над обезьянами. Ясно, что этого было совершен-

, но недостаточно, чтобы начать эксперименты на живом человеке. И Гридин, конечно, не имел права передавать препарат в клинику. Но несчастный отец со слезами на глазах умолял академика пойти на этот шаг. И от природы добрый Лев Яковлевич сдался. Ребенок был помещен в подшефную клинику института, и Гридин вручил лечащему врачу необходимое количество препарата. И произошло чудо! Не прошло и трех месяцев, как у ребенка начала расти ножка. А еще через несколько месяцев процесс регенерации был завершен.

– Что вы говорите! У ребенка выросла новая нога?! – не мог поверить Никита.

– Да, представьте себе. Но работа над препаратом действительно была еще далека от завершения, методика же его применения абсолютно не разработана. И ножка выросла с существенными отклонениями от нормы. Вот этим и воспользовался Строев. По его инициативе была создана специальная экспертная комиссия, которая установила, что «в результате преступной, – как было сказано в заключении экспертов, – акции академика Гридина, выразившейся в применении подпольно изготовленного и не получившего соответствующего разрешения препарата имели место неблагоприятные результаты лечения больного ребенка». Акт комиссии не без участия Строева лег на стол прокурора, и тот возбудил против Льва Яковлевича и лечащего врача уголовное дело. Все это могло закончиться очень скверно. Лишь решительный протест родителей мальчика, заявивших, что они не только не имеют никаких претензий, но и наоборот преисполнены самой искренней благодарности к академику и лечащему врачу за помощь, оказанную их сыну, позволил накрыть дело. С Льва Яковлевича, тем не менее, была взята официальная подписка о том, что впредь он ни в коем случае не повторит подобного эксперимента на человеке со всеми вытекающими из уголовного кодекса последствиями. Вот ведь чего лишили человечество несколько мерзавцев от науки вкупе с не пожелавшими разобраться в сути дела чиновниками от юриспруденции.

– Но ведь состав препарата известен...

– Состав препарата известен только академику Гридину. И если, не дай Бог, с ним что-нибудь случится, человечество действительно понесет невосполнимую утрату.

– Но почему Лев Яковлевич не опубликовал данные о составе препарата?

– Он собирался это сделать, как только все испытания будут закончены и препарат доведен до полного совершенства. Но тут нас настиг новый удар. Я имею в виду обращение американских иммунологов – лауреатов Нобелевской премии прекратить все работы, связанные с изменением генотипа человека. Для Строева и его приспешников только этого и не хватало. Теперь они могли в открытую объявить все работы Гридина не только совершенно бесперспективными, но и попросту опасными. К сожалению, их поддержало партийное начальство. Как же! Чиновным невеждам всегда кажется, что заморские дяди умнее своих отечественных ученых. Под давлением партийных бонз президиум предложил Гридину прекратить все работы по генной инженерии человека. Никакие объяснения Льва Яковлевича не возымели ни малейшего действия. А так как, несмотря на все уговоры и угрозы, он продолжал стоять на своем, президиум снял его с поста директора, и Лев Яковлевич вынужден был уйти из института. Вместе с ним ушла и я, и еще несколько наиболее преданных ему помощников.

– Где же они теперь?

– Иные, как я, вышли на пенсию, иные разбрелись по другим институтам. А Лев Яковлевич работает дома. Я не знаю, продолжает ли он свои прежние исследования или разрабатывает какие-то новые идеи. Талант его неиссякаем. Но я уже несколько лет не виделась со своим учителем.

– Но почему, Анастасия Ивановна? Как вы можете даже не навестить своего прежнего шефа?

– Вы заставляете коснуться очень деликатной для меня темы. Но, как говорится, из песни слов не выкинешь. Все дело в той женщине, которая живет в доме Льва Яковлевича.

– Вы имеете в виду Анну Петровну? – догадался Никита.

– Да, ее, – вздохнула Кедрова.

– Но с какой стати дочь Гридина...

– Дочь?! Какая дочь?

– Инга Никитична сказала мне, что это ее родная тетя.

– Тетя! Знали бы вы, что это за тетя! – воскликнула Анастасия Ивановна.

– Кто же она?

– Анна Петровна – вторая жена Льва Яковлевича, что-то вроде бабушки Инги.

– Как?! – не мог прийти в себя от изумления Никита. – И Инга не знает об этом, считает ее сестрой своего отца?

– Вполне возможно. Даже наверное так. Эта женщина могла пойти и на такую ложь. Не в ее интересах афишировать свое истинное положение в доме академика. А Львом Яковлевичем она вертит как захочет.

– Но как все это понимать?

– Все очень просто. Первая жена Гридина умерла очень рано, когда ему не было еще и сорока лет. И тут на его несчастье подвернулась эта вертихвостка, секретарь-машинистка из институтской канцелярии. Чем она так прельстила Льва Яковлевича, ума не приложу! Но факт свершился. Бывшая секретарша стала женой академика, обвенчанной с ним по всем канонам православной веры.

Лев Яковлевич скоро понял свою ошибку. Но она вцепилась в него как кровожадная пиявка. За ней стояли и партком, и церковь, и «общественное мнение». Льва Яковлевича же не мог защитить даже закон. Единственное, что он мог себе позволить, это как можно меньше бывать дома, как можно больше загружать себя работой. Между тем его дражайшая половина распоясалась сверх всякой меры: начала пить, заводить сомнительные знакомства, превратила дом академика в проходной двор. А он, мягкий по натуре, связанный верой в Бога, мог лишь страдать и терпеть.

Но так не могло продолжаться долго. Я одна знала, чего стоило ему это терпение, со мной одной он делился своим горем, мне одной рассказывал о ее проделках. Впрочем, не мог не видеть всего этого и Боря, сын Льва Яковлевича от первой жены. И когда он достаточно

повзрослел, женился на Люсе, и появилась Инга...— Анастасия Ивановна вдруг порывисто вздохнула, на глаза ее набежали слезы.

Никита поспешно придвинул чашку с чаем и уткнулся в нее глазами, чтобы дать старой женщине возможность справиться с волнением, навеянным столь грустными воспоминаниями.

— Так вот, — продолжала Анастасия Ивановна, украдкой смахнув слезу, — когда в семье Гридиных появилась Инга, Боря решительно потребовал, чтобы эта женщина покинула их дом. На этот раз ей не помогли ни истерики, ни угрозы. Характер Бориса оказался подтверже характера отца. Его распутной мачехе пришлось расстаться с насиженным гнездом и уехать куда-то в другой город. Однако она так и не дала развод Льву Яковлевичу. Более того, добилаь от него обязательства выплачивать ей ежемесячно энную сумму денег. Да это бы полбеда. Как бы то ни было, Гридин избавился наконец от навязавшейся ему авантюристке, и она никогда не посмела б вернуться сюда, если бы не страшное несчастье, постигшее семью Гридиных.

Но эта кошмарная трагедия... Там, на похоронах Бори и Люси, я и виделась с Львом Яковлевичем в последний раз. Через два дня я пошла навестить своего учителя, выразить ему самое искреннее соболезнование, а навстречу мне вышла эта женщина. Как она так быстро узнала о случившемся несчастье и приехала сюда, одному Богу известно. А может быть, она никуда и не уезжала, пряталась в нашем городе. Словом, встретила меня эта женщина и оскорбила, как не оскорблял никто и никогда. Я повернулась и ушла. И с тех пор даже близко не подходила к даче Гридиных.

— Анастасия Ивановна, вы любили Льва Яковлевича? — невольно вырвалось у Никиты.

— Позвольте мне не отвечать на этот вопрос.

— Простите, пожалуйста, я не должен был спрашивать об этом. А вот что мне хотелось бы узнать у вас, так это то, как вы относитесь к слухам о последних работах Гридина, слухах, которые до сих пор ползут по городу?

— Как я отношусь к слухам о всякого рода монстрах и суперменах, якобы фабрикуемых в домашней лаборатории академика? Скажу прямо, Лев Яковлевич вплотную приблизился к возможности радикальным образом изменить природу человека, но сам, по своей воле никогда на это не пойдет.

— Как это понимать — по своей воле? Кто может повлиять на волю академика? Особенно сейчас, когда он живет жизнью затворника.

— Кто может повлиять? А вы думаете, я так просто заговорила об этой ужасной женщине? Вы полагаете, это был каприз Бори — выпроводить ее из родительского дома? Нет, Никита, к великому сожалению, она и сейчас имеет огромное влияние на Льва Яковлевича.

— Но почему? Как ей удастся это после всего, о чем вы рассказали, и откуда вам известно, что происходит сейчас в доме Гридина?

— Я знаю об этом от одного нашего общего знакомого, доктора медицины...

— Петра Эдуардовича Берга? — догадался Никита.

— Вы и с ним знакомы? — удивилась Анастасия Ивановна.

— Да, немного. Очень хороший человек...

— Более чем хороший! Это один из немногих моих друзей. И, пожалуй, единственный из оставшихся в живых друзей Льва Яковлевича. Так вот, он и рассказывает мне о том, как живет сейчас мой старый добрый учитель. Что же касается вашего второго вопроса, то вам следует знать, что Анна Петровна, несмотря на всю ограниченность и тупость, искусная интриганка, не брезгующая никакими средствами, а у Льва Яковлевича есть секреты, которыми она легко может шантажировать академика. Вот почему я полагаю, что, будучи довольно безвольным человеком, он может по ее прихоти пойти на что угодно. Я очень боюсь, что даже судьба бесценного препарата находится в руках этой женщины. Единственная надежда на ее полнейшую некомпетентность. Но где гарантия, что кто-то не воспользуется ее положением в доме академика и не завладеет всеми

открытиями Гридина? Кстати, недавно мне стало известно, что она всячески обхаживает отца излеченного Гридиным мальчика. Как вы думаете, для чего?

– Да, все, что вы рассказали, наводит на грустные размышления. А скажите, этот мальчик действительно был первым и последним человеком, на котором было испытано действие препарата Гридина?

Анастасия Ивановна почему-то вздрогнула, глаза ее опять наполнились слезами. Но она тут же взяла себя в руки.

– Нет, этот мальчик не был первым объектом испытания, – ответила она сквозь слезы. – За несколько лет до него Лев Яковлевич излечил от врожденного уродства еще одного человека. Но об этом, кроме него, меня и еще трех человек, не знает никто, и все мы дали клятву не посвящать в эту тайну никого другого. Поэтому о первом пациенте Льва Яковлевича я не скажу вам ни слова. И без того вы узнали слишком многое. Но надеюсь, не употребите это во зло.

– Я обещаю вам, Анастасия Ивановна!

– Я верю тебе, Никита. Не удивляйся, что так вот просто перехожу на дружеское «ты», потому и перехожу, что верю тебе. И прощаю тебе твою небольшую ложь: я сразу поняла, что никакого очерка ты писать не собираешься. Так ведь?

– Извините, Анастасия Ивановна, – покраснел Никита.

– Да, я сразу поняла, что врать ты не умеешь, но необходимость поговорить со мной у тебя есть. Будущему мужу Инги надо знать то, что я нашла нужным рассказать.

– Тогда позвольте задать вам еще один вопрос. Анастасия Ивановна, вы знаете двоюродного брата Льва Яковлевича?

– Николая Ефимовича Гридина? Еще бы не знать! Никто не сделал так много плохого для нашего дела и лично для Льва Яковлевича, как этот человек. Именно он в свое время, сидя в обкоме, диктовал президиуму филиала, как расправиться с непокорным директором института иммунологии. А чем тебя заинтересовал этот отставной партаппаратчик?

– Я вынужден был им заинтересоваться. С месяц назад Инга получила по почте анонимное письмо, в котором некий «доброжелатель», грозя страшными карами, «советовал» ей отречься от деда и покинуть дом Льва Яковлевича. А на днях я сам получил нечто подобное. Мне тоже под угрозой всяческих кар «советовалось» не жениться на внучке преступника Гридина. Нетрудно было установить, что автор обоих анонимок один и тот же человек. А вчера я узнал, что нашим общим «доброжелателем» является не кто иной, как Николай Ефимович Гридин.

Никита коротко рассказал о своем визите к брату академика и добавил:

– Меня не удивляет, что этот человек оказался способным на такой грязный шантаж. Но с какой целью? Чего он добивается своими анонимками?

– Да, этот человек способен на все, – согласилась Грекова. – Что же касается его целей, то я, кажется, начинаю догадываться... Да, именно теперь, после всего, что ты рассказал, мне становится понятным, зачем этот субъект вдруг позвонил и попросил о встрече.

– Встретиться с вами?!

– Да, он сказал, что ему очень нужно поговорить со мной, и я, кажется, знаю, о каком деле пойдет речь...

– Это касается нас с Ингой?

– В какой-то мере, да. Но скоро ты узнаешь и об этом. Если подтвердятся мои предположения. Или вот что... Ты не смог бы зайти ко мне в ближайшее воскресенье, около десяти часов утра?

– Смогу, конечно!

– Очень хорошо. Именно в воскресенье в десять он придет ко мне. Ты же приди пораньше. Я хочу, чтобы ты сам слышал наш разговор. А может быть, мне понадобится и твоя помощь. Ты понимаешь меня?

– Как не понять! От этого ископаемого можно ожидать чего угодно.

– Значит, договорились. А теперь иди. Я очень утомилась. Не столько от разговоров с тобой, сколько от собственных воспоминаний. До свидания, дружок.

– Всего вам доброго, Анастасия Ивановна. До воскресенья.

Выйдя от Кедровой, Никита долго не мог привести в порядок свои мысли. Снова и снова перебирая в голове все то, что узнал от бывшей помощницы Гридина, он начал понимать, что судьба все больше втягивает его в какую-то большую опасную игру, в которой, помимо своего желания, он должен будет перейти от роли пассивного любопытствующего свидетеля к роли активного участника-борца, в игру, где на •карту, возможно, поставлено если не будущее всего человечества, то, по крайней мере, будущее одного из важнейших разделов медицины. И в то же время он больше чем когда-либо начал понимать, что не знает ни главных участников этой игры, ни мотивов, руководящих их действиями. Ибо, хотя разговор с Кедровой многое прояснил в отношении личности академика Гридина и его ближайшего окружения, он, тем не менее, не дал ответа на важнейшие вопросы, с которыми столкнулся Никита.

Никита так и не узнал, какая связь все-таки существует между научными исследованиями Гридина и трагической гибелью родителей Инги. Он так и не понял, почему Гридин с такой настойчивостью скрывает от Инги результаты этих своих исследований. Он так и не разобрался, что явилось истинной причиной конфликта между Гридиным и Строевым и почему тот так настойчиво, не брезгуя никакими методами, стремится разузнать тематику последних работ академика. А главное, он так и не смог установить, есть ли серьезные основания для обвинения Гридина в каких-то проти-вогуманных экспериментах, есть ли хоть какое-то рациональное зерно в тех слухах, которые буквально заполонили город. В конце концов и Анастасия Ивановна не подтвердила, но и не рассеяла сомнений Никиты.

И уж совсем непонятным оставалось то, что мучило теперь Никиту больше всего: какое отношение к Инге, самому Гридину, сделанному им открытию, всем слухам вокруг него, наконец, трагедии, произошедшей двенадцать лет назад, имела женщина в черном. Она, эта загадочная монахиня, вообще воспринималась как явление совсем иного мира. И, тем не менее, чисто интуитивно, где-то на уровне подсознания, он чувствовал, был почти уверен, что все это, не исключая женщины в черном, как-то связано одно с другим, вращается вокруг какого-то одного факта или одного события, тайну которого предстояло еще раскрыть. И раскрыть ее нужно было во что бы то ни стало. Не только потому, что он обещал это Инге. Теперь он просто не мог остановиться на полпути.

28

– Слушай, Олег, ты не мог бы познакомить меня с кем-нибудь из молодых сотрудников института иммунологии? – обратился к своему приятелю Никита, как только встретил его на другой день в читальном зале.

– Нет, с этим заведением у меня нет никаких точек соприкосновения, – небрежно бросил тот, всем своим видом показывая, насколько мелко для него, физика-экспериментатора, все, что не связано с точными науками.

– Жаль.

– А что, ты снова столкнулся с какой-то загадкой из жизни академика Гридина?

– Загадка прежняя. Но разрешить ее я должен теперь во что бы то ни стало.

– Это почему же?

– Потому, прежде всего, что я дал слово своей невесте.

– Чего-чего? Невесте?! Инге, что ли?

– Да, ей.

– Вот так фокус! А кто два дня назад отнекивался у нас дома? Или ты и сейчас меня мистифицируешь?

– Нет, серьезно, Олег. Инга согласилась стать моей женой. Но прежде мы с ней должны разгадать все тайны, которые окружают и ее саму, и ее деда, да и погибших родителей

Инги. А это не так просто. Поэтому мне не раз еще придется обратиться к тебе за помощью.

– Ну что же... Жаль геофизику, конечно, хоть ты и не первый, кто предаёт науку ради красивых глаз. Но дружба прежде всего. Постараюсь помочь тебе и на этот раз. Правда, молодых ученых-иммунологов найти не обещаю. Но с одной аспиранткой-иммунологичкой познакомлю хоть сейчас. Если, конечно, не получу нахлобучку от твоей будущей жены.

– С какой стати?

– Что, ты не знаешь женщин? А впрочем, откуда тебе их знать! – усмехнулся Олег. – Я удивляюсь, как Инга смогла оторвать тебя от твоих нефтяных площадей. Но – ближе к делу. Светлана! Светлана Викторовна! – окликнул он сидящую неподалеку рослую толстушку.

– Чего тебе? – ответила та, не поворачивая головы.

– Подойди сюда, дело есть.

– Что за дело? – лениво протянула она, нехотя поднимаясь с места.

– Да вот один симпатичный геофизик страшно заинтересовался проблемами иммунологии. Познакомься, пожалуйста: Никита Гамов.

Никита протянул руку, но Светлана лишь небрежно повела плечами:

– Вы что, разыгрываете меня?

– Нет, Светлана, мне серьезно надо поговорить с вами, – возразил Никита. – Пойдемте выйдем ненадолго, если не возражаете.

Девушка не заставила себя упрашивать.

– Так что вам от меня нужно? – спросила она, когда они спустились в парк и сели на одну из скамей.

– Дело вот в чем, Света. Я хотел бы просить вас рассказать о директорах института иммунологии, нынешнем и прежнем.

– То есть?

– Ну вот ваш нынешний директор, профессор Строев... Что он представляет собой как ученый, как администратор, как человек? Как относятся к нему работники института? Почему именно он заменил на этом посту академика Гридина? То же о Гридине. Что говорят о нем ваши коллеги? Вспоминают ли прежнего директора? И если вспоминают, то ругают или хвалят? Я понимаю, многое вы можете не знать в силу того, что сами недавно появились в институте. Но кое о чем могли просто слышать, кое-что почерпнуть из воспоминаний старших товарищей, из так называемых «сплетен», бытующих в любом научном коллективе. Словом, рассказали бы вы мне обо всем, чем дышит институт.

– А зачем вам это? – стрельнула глазами Светлана. – Вы же не газетчик.

– Я спрашиваю об этом потому, что у нас на факультете очень много говорят и спорят о вашем институте. А потом... Случилось так, что я близко сошелся с внучкой Гридина...

– Ингой?

– Да. Вы знаете ее?

– Еще бы! Вместе на аэробику ходим. А вы... Тут, значит, замешаны сердечные делишки. Тогда слушайте. Гридина у нас жалеют. Говорят, он был добрый, душевный человек. За своих аспирантов стоял горой. Некоторым помогал даже материально. А Строева не любят. Не любят за его высокомерие, грубость, несправедливость, за то, что окружил себя подхалимами и наушниками. Но больше всего терпеть не могут за нечистоплотность в достижении любых целей. Материал для своей докторской, я слышала, он, мягко говоря, позаимствовал у молодого аспиранта, который доверился ему по простоте душевной, а сам тут же непонятным образом угодил за решетку. Лабораторию свою получил, говорят, по блату, через какого-то высокопоставленного обкомовца. А место директора досталось ему, как я поняла, вообще случайно. В то время развернулась кампания за прекращение работ по генной инженерии. Гридин-то в основном этим и занимался. А Строев ни черта в таких делах не смыслил. Вот он и начал подговаривать своих коллег наложить табу на

работы академика. Ну и, конечно, нашлись такие, кто на это клюнул: мало ли в институте «ученых», которые только штаны в лабораториях просиживают. Тем более что Строев недвусмысленно намекал, что в верхах этот вопрос давно решен, и горе тому, кто поддержит Гридина. Словом, образовалась целая оппозиция, и на одном из ученых советов Строев двинул эту оппозицию в бой против директора института. В ответ Гридин обвинил Строева в полном профессиональном несоответствии занимаемой должности и публично пообещал в самое ближайшее время представить убедительные доказательства его нечистоплотности в ходе работы над диссертацией. Для Строева это было как гром среди ясного неба. Говорят, он совсем сник. Но тут произошло это страшное несчастье с сыном Гридина. Старик был настолько потрясен, что не только забыл о своих обещаниях вывести Строева на чистую воду, но и вообще забросил все дела. Этим и воспользовался Строев.

С помощью все того же высокопоставленного обкомовца он добился-таки запрета на исследования, проводимые лабораторией Гридина, а затем и снятия его самого с поста директора. Ну а поскольку никто не сделал для этого так много, как уважаемый Григорий Маркович, то вроде само собой разумеется, что именно он и должен был занять освободившееся кресло директора института.

С тех пор здесь лишь гладь да божья благодать. Гридин вообще покинул институт, вместе с ним ушли и настоящие наиболее крупные ученые. Другие, рангом пониже, скрипя зубами, замкнулись в своих лабораториях. Третьи, в основном те, кто лишь просиживал штаны, совсем воспряли духом, стали, можно сказать, гвардией директора, с помощью которой он и проворачивает все свои делишки. Ясно, что никакой большой наукой, какая была при Гридине, в институте теперь и не пахнет. Вот так и живем – льем воду, то бишь реактивы, режем лягушек, пишем статейки, а толку...

– Подождите, Света,– перебил ее Никита.– Вы говорите, трагическая гибель сына академика произошла вскоре после совета, на котором тот обещал разоблачить Строева?

– Да, только это, говорят, и спасло бедного Григория Марковича, иначе бы...

– Понятно...

– Что понятно?

– Это я так, сам с собой. А что, Гридин действительно располагал достоверными документами, могущими скомпрометировать Строева?

– Куда уж достовернее! Незадолго до этого горемычный аспирант Строева вышел из тюрьмы и принес Гридину черновик диссертации с пометками самого шефа.

– Куда же подевался этот черновик?

– Хапнул его Строев и – концы в воду!

– Как хапнул? Как это могло случиться?

– Рукопись лежала, говорят, в служебном сейфе академика. И во время передачи директорских дел – можете представить, в каком состоянии был тогда Гридин? – Строев и прихватил диссертацию.

– Но если даже до вас дошли такие слухи, значит, кто-то знал об этом?

– Знали многие, да что толку? Рукопись исчезла: Строев, видимо, уничтожил ее, горе-аспирант ушел из института, а поднимать голос против директора, не имея никаких доказательств... К тому же Строев не просто директор. Он еще и народный депутат.

– Как, этот авантюрист, этот интриган и плагиатор – народный депутат?!

– Вас это удивляет? – усмехнулась Светлана.

– Нет, после того, как я посмотрелся на некоторых из них в телевизионных передачах, меня уже ничто не удивляет. Хотя то, что целый институт терпит над собой такого сатрапа, право же, не укладывается в сознании.

– А у вас в университете, на вашей кафедре нет ничего подобного?

Никита вспомнил Разина, Красильникова, вспомнил последнее заседание кафедры и только махнул рукой.

– Вот так, Никита. И если все, что вы у меня выпытывали, действительно связано только с вашими сердечными делами, то можете спать спокойно. Я знаю Ингу. Добрая, безответная девчонка. Но если вы замахнулись на что-то большее – берегитесь! Демократия демократией, а на местах по-прежнему сидят Строевы. Крепко сидят!

– Да еще Погодиными подпираются, – мрачно заметил Никита.

– Вы знаете и Погодина?

– Столкнулись раз на узкой дорожке. Светлана выразительно покачала головой:

– Ой, Никита, с огнем вы играете. Погодин – первый опричник Строева. Его глаза и уши, а при случае и ядовитое жало.

– Я так и думал. Кстати, вы часто с ним встречаетесь там, у себя в институте?

– С Погодиным? Чуть не каждый день.

– А не заметили в прошлую пятницу утром что-нибудь странного, необычного в его внешности?

– В пятницу? В пятницу...– с минуту подумала Светлана.– Так он как раз в пятницу заболел.

– Вот как? Что же с ним приключилось?

– Не знаю. Но слышала, что-то вроде рожистого воспаления.

– На лице?! – не удержался от восклицания Никита.

– На лице и на руках. Одна наша сотрудница навестила его по просьбе шефа. Так такого порассказала! Все лицо и руки, говорит, словно кармином покрашены.

– Гм...– невольно рассмеялся Никита.– Так, может, его действительно кто-то покрасил за какие-нибудь грехи.

– Вы скажете! – усмехнулась Светлана. – Но то, что сам Бог наказал негодника за все его пакости, я вот ни на столечко не сомневаюсь! – показала она на кончик мизинца. – И кроме шуток, Никита, еще раз повторяю, будьте осторожнее с этим типом. Он очень опасный человек.

– Это я давно понял. А сегодня благодаря вам понял и многое другое.

– Тогда поймите и последнее: мы с вами, кажется, единомышленники.

– Спасибо, Света.

– Единомышленники не благодарят друг друга, они помогают друг другу.

Он молча подал ей руку. Она крепко, по-мужски ответила на рукопожатие:

– До свидания, Никита. Надеюсь, в дальнейшем мы сможем встречаться без посредников!

– Да, конечно, – он проводил ее до входа в библиотеку, мельком взглянул на часы. Время подходило к четырем. Все последние дни это время он проводил в лаборатории, заканчивая последнюю серию анализов по выщелачиванию битуминозных пород. Вообще-то нужда в этих анализах была не столь велика. Результаты их можно было предвидеть заранее. Но не хотелось давать команде Разина лишний повод позлословить на защите диссертации. Впрочем, эксперименты эти были почти закончены. Еще два-три дня, и можно будет поставить точку.

Никита быстро пересек университетский сквер, но не успел подойти к лабораторному корпусу, как на пути его, словно из-под земли, вырос бомж Алекс.

– Здравствуйте, Алекс, счастлив вас видеть, – искренне обрадовался Никита. – В прошлый раз вы так неожиданно исчезли...

– Здравствуй, здравствуй, доцент, – коротко кивнул Алекс. – Только радости я тебе не доставлю. Слухай сюда, – он огляделся по сторонам, снизил голос до шепота. – Ты куда сейчас, в лабораторию?

– Да, надо закончить кое-какие исследования.

– Вот и закончишь в другой раз, а сейчас туда – ни шагу!

– Да с какой стати? Дальше у меня просто времени не будет. К тому же в лаборатории будет не протолкнуться: люди начнут возвращаться из отпусков, с практики. А сейчас там ни студентов, ни сотрудников.

– Значит, сейчас в лаборатории никого нет? Это точно?

– Да, все последние дни я один там работаю. Вот и ключ у меня.

– Ну, слава Богу! А сейчас и ты не ходи туда.

– Да почему, Алекс? Что там сегодня такое?

– А вот посиди на той скамеечке за кустами, и все сам увидишь.

– Да что увижу? Вечно у вас сплошные загадки.

– А в прошлый раз тоже были одни загадки?

– Ну, хорошо, – согласился Никита. – Пойдемте посидим вместе, потолкуем...

– Нет, сидеть с тобой я не буду. Толковать нам не о чем. А предупредить тебя надо было.

Прощай, доцент! – Алекс чуть приподнял над головой свою кепчонку и, не оборачиваясь, пошел к выходу из сквера.

Никита обошел куртинку отцветающего жасмина и опустился на садовую скамью, не спуская глаз со входа в лабораторию.

Что имел в виду этот странный человек? Кого Никита увидит сейчас из своего укрытия? Неужели опять Погодина? Видно, в самом деле скрестились их пути. Но что он может предпринять сейчас здесь? Что еще за задание дал ему Строев?

Мысли Никиты снова обратились к только что закончившемуся разговору со Светланой. Тревожно, просто страшно становилось от одного предположения, какое напрашивалось в результате этого разговора. Но чем больше он анализировал то, что услышал от аспирантки Строева, тем все яснее становилось, что жуткая трагедия, произошедшая двенадцать лет назад, была, по всей видимости, не просто несчастным случаем, но являла собой преднамеренное, тщательно спланированное и злодейски осуществленное преступление. И инициатором этого преступления был не кто иной, как сам профессор Строев. Поводов для этого у него было больше чем достаточно, а моральный портрет директора института, нарисованный Светланой, вполне допускал такой ход событий. И тем не менее все это оставалось не больше чем предположением, доказать которое будет чертовски нелегко. Вот если бы удалось встретиться и поговорить с тем водителем самосвала!..

Никита попытался уже сейчас обдумать, каким образом можно было бы разыскать и вызвать на откровенность этого человека, как вдруг глухой грохот донесся со стороны лабораторного корпуса. Слух пронзил звон бьющегося стекла. Густые клубы черного дыма вырвались из окон первого этажа, где располагалась лито логическая лаборатория.

Никита вскочил. Что это, авария, взрыв? Больше похоже на взрыв. Так вот что имел в виду Алекс! Значит, кто-то уже проник в помещение лаборатории и успел свершить это черное дело. А там, в лаборатории, и образцы пород, и журналы с результатами экспериментов, и тетради с расчетами.

Он не раздумывая бросился к корпусу. Но вход в лабораторию оказался закрытым. Кое-как справившись с замком, Никита рывком открыл дверь, но тут же попятился назад. Все помещение было заполнено едким дымом, в нос ударил запах жженой резины. Багровые космы пламени плясали по полу в том месте, где обычно стояла пластмассовая корзина с мусором. Видимо, в корзину и было заложено взрывное устройство. Но сейчас было не до выяснения таких деталей. Главное – убедиться, что в помещении нет людей. С трудом обойдя задымленную комнату и убедившись, что здесь никого нет, он снова выскочил наружу и, набрав в грудь побольше свежего воздуха, схватил висящий возле дверей огнетушитель и с ходу направил струю шипящей пены на горящий пол.

Через минуту огонь погас. Но дым по-прежнему не давал вздохнуть. Последним усилием воли Никита включил вентилятор вытяжного шкафа, распахнул уцелевшие окна и снова выскочил за дверь.

Наконец дым начал рассеиваться. Он снова вошел внутрь, обвел глазами все помещение лаборатории. К счастью, ущерб, нанесенный взрывом, оказался небольшим. Рабочий стол Никиты со стоявшими на нем приборами, образцами, лабораторными журналами и черновыми тетрадями, почти не пострадал. Все ограничилось двумя вылетевшими стеклами в окне и большим черным пятном на полу, если не считать разлетевшейся на мелкие кусочки мусорной корзины. Но эта корзина и наводила на самые грустные размышления. Ведь обычно во время работы он ставил ее у самых ног, и если бы не предупреждение Алекса... Да, недаром Светлана так настойчиво советовала ему не связываться с Погодиным. От этих типов можно ждать, оказывается, чего угодно...

И вдруг:

– Никита! Никита-а! Ты жив? – в раскрытой двери показалась встревоженная физиономия Олежки Шевцова.

– Жив, жив! – ответил Никита, стараясь откашляться от дыма. – Иди сюда. Только смотри не поскользнись, мне тут пришлось из огнетушителя побрызгать.

– Вижу. Да что ты натворил?

– Я – ничего. А кто-то действительно пытался натворить. Понимаешь, нашелся шутник, вздумавший подбросить бомбочку в корзину для мусора. А она возьми да и взорвись.

– Шутишь?

– Нет, к сожалению. И если бы не предупредили меня...

– Кто, о чем предупредил? О каком шутнике ты говоришь? Расскажи толком!

– Да, придется ввести тебя в курс дела. Не хотелось мне обо всем этом распространяться. Но коль ты стал невольным свидетелем...

– А я уж домой пошел. В читалке ни души не осталось. Вдруг слышу – бах! И дым валит из твоих окон. Ну я и рванул сюда. Так что ты хотел мне рассказать?

– Сейчас узнаешь все. Только пойду позвоню по телефону.

– Позвонишь куда?

– В хозчасть, коменданту.

– Зачем?

– Как зачем? Это все-таки ЧП.

– Допустим. Но чего ты добьешься своим звонком? Прибегут эти... из техники безопасности. Так тебя же и обвинят, скажут, проводил какие-то незаконные эксперименты. Чем ты докажешь, что тебе бомбу подбросили? А докажешь, так еще хуже. Наедет милиция, начнется разбирательство, допросы, экспертизы. И – прощай твоя защита.

– Но и не говорить нельзя.

– Почему нельзя? Уверяю тебя, кроме меня, никто ничего не видел и не слышал. Иначе давно бы тут торчали зеваки. Что же касается всего этого, – махнул он рукой на пятно на полу и обломки корзины, – так завтра же стекла вставим, пол подкрасим, и никому в голову не придет, что была какая-то диверсия.

– Гм... Может быть, ты и прав. Главное, чтобы Ингу не начали трясти.

– А при чем здесь Инга?

– Да все началось с той затеи Погодина установить у них подслушивающее устройство. А когда это сорвалось, он затеял новую каверзу... – И Никита подробно рассказал обо всем, что произошло в Старопрудном переулке.

– Но ты уверен, что это был Погодин? – спросил Олег, выслушав Никиту.

– До сегодняшнего дня не очень. А сегодня Светлана сказала, что как раз в пятницу, то есть на другой день после всего случившегося, он сказался больным, и навестившие его сотрудники института сами убедились, что все лицо его – сплошная красная маска. Тамошние кумушки решили даже, что у человека рожистое воспаление. Так что теперь отпали все сомнения. Ты же знаешь, что родамин Б не смывается никакими средствами. Помнишь, я однажды целую неделю ходил с красными пятнами на руках?

– Значит, там действительно был Погодин. Но ведь и он тебя, наверное, узнал?

- Конечно. И вот его ответный ход.
- Ты думаешь, все это, – обвел Олег руками лабораторию, – его рук дело?
- Абсолютно уверен. Не его, так его дружков. Больше некому.
- Но ты сказал, что кто-то предостерег тебя.
- Представь себе, тот же самый странный человек, который предупредил меня о готовящемся нападении на Ингу и потом помог мне справиться с Погодиным.
- И ты снова не узнал, кто он и что заставило его встать на твою сторону?
- Нет. Он опять исчез, не сказав ни слова.
- Ну и в историю ты влип со своей невестой! – покачал головой Олег.
- Но это еще не все, Олежка. Погодин что! Погодин – пешка, жалкая марионетка в руках Строева. А вот Строев... Послушай, что рассказала о нем сегодня Светлана.
- Что же, может быть, все это и правда, – сказал Олег, когда Никита закончил свой рассказ. – Я никогда не питал симпатии к этому чиновнику от науки. Но и только! Вы же со Светкой, как я понял, чуть ли не войну собираетесь ему объявить. Зачем это? Ну, все, что касается Инги, мне понятно. Она твоя невеста, тебе ее и защищать. Но в Строева-то зачем ты собираешься вцепиться? Пусть поцапались они с Гридиным, пусть даже чуть не уколошили друг друга. Но когда это было? И тебе-то что до этого? Тем более сейчас, накануне защиты. Да и чего добьешься ты своими разоблачениями? Отца и матери Инги не воскресишь, бывшего аспиранта Строева не реабилитируешь, Гридина в прежней должности не восстановишь. Не понимаю я тебя, Никита.
- А я не понимаю тебя. Совершенно преступление, попораны элементарные принципы справедливости, порядочности, общечеловеческой морали, и я должен закрыть на это глаза?
- Чего же ты хочешь добиться?
- По крайней мере докопаться до истины, разоблачить преступников.
- Но как ты это сделаешь?
- Не знаю еще. Но прежде всего неплохо бы разыскать шофера того злополучного самосвала.
- Едва ли ты его разыщешь. Да если и разыщешь, так он все тебе и выложит!
- Думаю, что и найти его, и поговорить с ним будет трудно. Очень трудно. Но я должен это сделать. Должен во что бы то ни стало!

29

Все, однако, получилось гораздо проще, чем он думал. В городском АТХ, куда обратился Никита, не только хорошо помнили о происшествии двенадцатилетней давности, но и сообщили ему домашний адрес бывшего водителя самосвала, который, отсидев положенный срок, коротал старость в собственном домишке неподалеку от рыночной площади, выращивая лук и разводя кроликов. Там, возле клеток с пушистыми зверьками, и застал Никита Ивана Петровича Селезнева, который, как было сказано в приговоре народного суда, «совершил непреднамеренный наезд на «Жигули» с двумя пассажирами, что повлекло за собой гибель последних».

Выслушав Никиту, Селезнев, седобородый кряжистый старик с желтыми от самокруток пальцами, долго молчал, глядя куда-то в сторону, потом медленно заговорил глухим, хриплым голосом:

– Не хотелось бы ворошить старое. Легче, кажется, головой в прорубь. А с другой стороны... Не дает покоя моя совесть. Ни забыться, ни уснуть не дает. Потому как хоть суд и определил мне за непреднамеренный наезд всего-навсего пять лет общего режима, по правде-то, по совести разве я это заслужил?

Не-ет, не случайно, совсем не случайно оказался тот «жигуль» под колесами моей машины. И не отмолить мне свой грех до конца дней моих. Целых двенадцать лет носил я на душе этот камень. И все двенадцать лет порывался открыться людям. Но страх был сильнее меня. А теперь выскажу тебе все. И не потому, что ты дал слово никому не

рассказывать, что узнаешь от меня. Просто пришел мой срок. Не могу больше молчать. Хотя, видит Бог, загнал меня в угол один подлый человек, опутал, как осьминог щупальцами, по рукам и по ногам.

А все началось лет сорок тому назад. И был я тогда веселый, беззаботный парень, и жизнь казалась сплошным праздником. В тот день мы сдали последний экзамен на курсах шоферов. Осталось получить права, машину и – на трассу!

Но Бог рассудил иначе. До сих пор не могу понять, что заставило меня одного поздним вечером выйти за ворота училища. Кажется, кончились сигареты. Так можно было стрелкнуть у приятелей. А я потащился в магазин. И сразу за воротами столкнулся с двумя незнакомыми парнями. Один из них подошел ко мне вплотную и тихо спросил:

– Шоферить можешь?

– Еще бы! – ответил я, надуваясь от гордости. – Только что сдал вождение на пятерку.

– А можешь, так отвези наш груз километров за пятьдесят.

– Рад бы, – отвечаю, – да только я еще ни машины, ни прав не получил.

– Не важно, – говорит, – машина ждет нас. А права тебе не понадобятся: в случае чего заплатим за тебя любой штраф. И вообще, хорошо заплатим.

– Да нет, ребята, – говорю, – я уж своей машины дождусь.

– Ты-то дождешься, а нам ждать некогда. И разговаривать с тобой некогда, – подскочил второй парень, и прямо к горлу – нож.

Понял я, что попал в капкан. Бежать – не убежишь, кричать не дадут, прирежут. Пришлось согласиться, куда денешься.

Привели они меня в какой-то двор. Там действительно стояла машина с крытым кузовом, а в нем два фанерных ящика и бочка. Подал мне один из парней ключ, затолкал в кабину, сам сел рядом. Второй забрался в кузов. И мы тронулись.

Машина шла легко, мотор работал как часы. И я было совсем уж успокоился, как вдруг обгоняет нас «Москвич» и встает поперек дороги. Я жму на тормоз – парень валится на лобовое стекло. А вслед за «Москвичом» подкатывает фургон и тоже становится поперек проезжей части.

Я еще пытаюсь сообразить, что все это значит, а пассажир мой вскочил, хотел выбраться из кабины, но не успел открыть дверцу, как из «Москвича» высыпали четверо с пистолетами – и к нам.

Ну и началось. Пассажира моего ухлопали первым, потом прикончили и того, кто был в кузове. После чего перетащили груз в фургон, и тот мигом скрылся с глаз. Тогда один из налетчиков, видно, главарь их, подошел ко мне и говорит:

– Ну а с тобой что делать? Убить тут, чтобы не вонял, или захватить с собой и выбросить по дороге?

Я, понятно, от страха слова не могу вымолвить. Тогда они затолкали меня в свою машину, отвезли километров за двадцать и действительно выбросили посреди чистого поля.

– Иди, – говорят, – теперь куда хочешь, да запомни, что ты никуда не ездил и ничего не видел, иначе отправишься вслед за своими попутчиками.

Вернулся я домой ни жив ни мертв, и первый год или два только и ждал, что за мной придут. Но все обошлось. Жизнь моя наладилась. Со временем перебрался сюда, в этот город, женился, построил вот эту халупу. И вдруг...

Иду однажды по улице, а навстречу – он, тот самый глава налетчиков. Да таким франтом: на шее галстук, на голове шляпа, в руках дипломат. Но я его сразу узнал по перебитой переносице и рту, полному золотых зубов. И, веришь, в глазах помутилось от страха. Мне бы бежать – так ноги будто к земле приросли. Стою и каменею, как кролик перед удавом.

А он подходит и тихим таким, елейным голосом говорит:

– Наконец-то мы с тобой встретились, пора и рассчитаться.

– О каком таком расчете речь?

– А как же, – говорит, – мы все эти годы выгораживали тебя, всю вину на себя взяли, хоть следователи, как один, решили, что убийцей тех двоих был водитель грузовика, он же хапнул и груз, который вез в машине.

– Какие следователи, какой убийца?! – закричал я что было мочи.

– Не ори, дурак, – зажал он мне рот ладонью. – Это ты следователю скажешь, когда тебя сцапают, а за этим дело не станет, если ты не поможешь нам в одном деле.

– Да что я должен сделать-то? – спрашиваю.

– Пустяк, – отвечает, – придется тебе легонько «жигуленка» ковырнуть своим самосвалом.

– Как это ковырнуть? – не понял я.

– А так, чтобы пассажиры почувствовали, что верх стал низом, а низ – верхом, – хохотнул он.

– Так за это же, – говорю, – тюрьма, а то и вышка!

– Что ты, какая тюрьма? – успокаивает он меня. – Ты же классный водитель, можешь так ковырнуть, что никакой инспектор не сочтет это за преднамеренный наезд. А мои люди засвидетельствуют, что все так и было. Если же дело нес-таки до суда дойдет, не беспокойся – выкупим тебя со всеми потрохами.

– Нет, – говорю, – я такой грех на себя не возьму. А властей мне бояться нечего, чист я перед ними.

Ты-то, – говорит, – чист, да мы замараны. А чтобы и нам очиститься, надо, чтобы тот «жигуленок» непременно перевернулся. Не сделаешь это ты, сделают другие. Но тебе ;>то так не пройдет. Придется нам позвонить куда следует и сообщить, где скрывается тот шофер-убийца, который расправился со своими пассажирами на шоссе.

Я так и сел. Заарканил он меня крепко. Сейчас-то я понимаю, что все эти угрозы были сплошной липой: не было и не могло быть против меня никаких улик. А тогда такой страх на меня напал, что согласился я сделать все, что он ни меганит. Словом, договорились мы, что на другой день приду я к восьми часам вечера в кафе «Кристалл» и получу от него нее инструкции: время, место, цвет и номер «Жигулей» и псе такое прочее.

К кафе я подошел чуть-чуть раньше восьми и через окно сразу увидел своего уркагана. Он сидел за отдельным столиком с каким-то пижоном, тоже в шляпе и при галстукe, а ми что-то рисовал ему на листке бумаги, без конца тыча пальцем в свой рисунок. Уркаган внимательно слушал его, время от времени кивал головой, не переставая озиаться по тропам. Наконец пижон встал и пошел к выходу. Тут, в дперях, мы с ним и встретились, можно сказать, столкнулись лицом к лицу. Пижон не обратил на меня никакого внимания, а я подумал: «Вот это главный заказчик и есть!»

В самом деле, только я подсел к урке за стол, как тот пододвинул мне их рисунок и начал по нему объяснять, где проедет «жигуленок», с какой стороны я должен выехать ему наперерез, чтобы ударить в правый борт, где будут сто-Н1 его «свидетели», откуда может показаться ГАИ, и все в том же роде.

Я не спорил, со всем соглашался, а про себя думал: «Шалишь, господин хороший, я на мокрое дело не пойду, царапну «жигуленка» для порядка, и делу конец, а вы, ироды, тогда от меня отцепитесь».

Но все получилось по-другому. Они, сволочи, нарочно загрузили самосвал сверх всякой меры, да еще и тормоза разрегулировали. А там при съезде с шоссе – уклон. Я и смял «жигуленка» в лепешку. Суд, правда, истолковал это – и лишний груз, и неисправные тормоза – в мою пользу. Да разве дело в суде! Тех-то двоих, молодого мужчину и его жену, разве судом воскресишь? Вот что я наделал со страху и сдуру. И не может мне быть никакого прощения. Ни тюрьма, ни потеря семьи, ни чахотка, какую я подцепил на старости лет, не искупят моей вины. Но что больнее всего, так это видеть, как тот упырь, та гадина до сих пор как ни в чем не бывало по городу расхаживает, а заказчик его, тот и вовсе в большие начальники вышел, целым институтом, говорят, командует, народным депутатом заделался. Э-эх, нет правды на земле! Как можно такого – и в Совет.

– Вы имеете в виду профессора Строева? – догадался Никита.

– Его, проклятого! Он сгубил мою душу.
– А вы не путаете, не ошибаетесь, случайно?
– Какая может быть ошибка! Я говорю, в тот вечер мы с ним лицом к лицу столкнулись. А шоферский глаз острый. И потом, уже после отсидки, перед выборами я его дважды на трибуне видел. Такое с нее пел, что подумаешь – ангел небесный! А как было открыть глаза людям? В своем бюллетене я, правда, написал: «Бандит и убийца!» Да что стоит голос какого-то бывшего зека? Вот и остался я один на один со своей совестью. И гложет она меня денно и нощно. А что делать? Я ведь, веришь, сколько раз порывался пойти в милицию и рассказать все как было. Да кому будет больше веры – мне или этому прохвосту? Так что мне все-таки делать? Если б ты хоть чем помог! – схватился он за руку Никиты, как хватается, наверное, утопающий за последнее ускользающее бревно или доску. – Да где там... Никто уж мне не поможет!

Руки несчастного упали как плети, и столько отчаяния, столько нечеловеческой боли отразилось в его залитых слезами глазах, что сердце захолонуло от жалости и сострадания.

Но чем, в самом деле, мог помочь ему Никита? И что такое все-таки совесть, которая так мучает старика и начинает мучить уже и его, Никиту, только потому, что он ничего не может сделать для этого человека. Да какого человека – преступника и убийцы! Но совесть больше не принимала этого во внимание. Она, совесть Никиты, требовала сейчас одного: пожалеть несчастного, помочь ему хоть как-нибудь избавиться от душевной боли. «Нет, что ни говори, а более загадочной субстанции, чем совесть человека, трудно и вообразить», – говорил себе Никита. И все-таки даже сейчас, когда он только что столкнулся с самым, казалось бы, парадоксальным проявлением этого чувства, где-то в глубине души его все больше крепло сознание, что именно она, эта сущность, делает человека человеком, именно ей он обязан всем хорошим, что отличает его от животного.

– Не убивайтесь, Иван Петрович, – искренне обратился он к старику. – Страшное испытание подбросила вам судьба. У кого хватит духу судить вас? Идеальных людей не бывает. Но только настоящий человек может быть так беспощаден к своим проступкам. А те двое... Я уверен, что не сносить им головы. Не может быть, чтобы все это сошло им с рук.

Никита протянул Селезневу руку.

– Спасибо за твою доброту. Не оттолкнул старика, выслушал до конца. А я вот высказался перед тобой, и вроде полегчало...

Они спустились во двор, уставленный кроличьими клетками, и Никита невольно замедлил шаг, заметив у одной из них низко склонившуюся детскую фигурку. Что-то в ней показалось ему удивительно знакомым.

– А это кто у вас?

– Мальчонка-сирота. Повадился вот кроликов кормить. Часами иной раз от клеток не отходит. А мне тоже в радость с ним побыть, в моем-то одиночестве. Славный малец!

– Так это же... Это же Колька Гридин! – узнал Никита своего маленького друга.

– Да, Колька... А ты тоже его знаешь?

– Еще бы не знать! Коля! Коля, здравствуй!

– Ой, дяденька Никита! – подбежал к ним мальчуган, не выпуская из рук сетки с травой. – А я у дяденьки Ивана кроликов кормлю. Смотри, какие славные! И все знают меня. Стоит мне подойти с травой, сразу мордочками в сетку тычутся. Я каждый день к ним хожу.

– А где траву рвешь?

– В овраге за рынком, прямо у нашего барака. Я даже знаю, какую траву они больше любят. Видишь, молочай – это для них как пряник. Раньше я на рынке капустные листочки для них собирал. Теперь не хожу туда. Помнишь, как эти тетki...

– Да, лучше не ходи туда, Коля. Ну, ступай к своим питомцам, мне пора. До свидания, Иван Петрович.

– До свидания, добрый человек. Коля, пойдем картошку есть, пока не остыла. – Селезнев взял мальчика за руку и повел в дом. А Никита вышел из ворот и медленно направился в сторону университета. Мысли его все так же вращались вокруг превратной судьбы бывшего шофера. Но теперь, после того как он увидел их вместе с Колькой, в мыслях этих появился легонький просвет.

30

– Вот что я узнал, Анастасия Ивановна! – заключил Никита, коротко пересказав Кедровой свой разговор с бывшим водителем самосвала. – Что вы на это скажете?

– Я была почти уверена, что все обстояло именно так.

– Что же. теперь делать?

– Пока ничего.

– Как ничего?! Простить этому мерзавцу Строеву такое кошмарное преступление?!

– Простить нельзя. Такое не прощается. Но и сделать что-то конкретное сейчас, в ближайшее время, боюсь, не представится возможным. Не тащить же снова в суд этого несчастного Селезнева! Но если бы тот и согласился на это, он ничего не сможет доказать. Суду нужно не раскаяние, суду нужны факты, улики, документы. А где у него все это? Поэтому будем ждать удобного случая, когда можно будет поддеть Строева.

– Что же это за случай, который дал бы и документы, и улики?

– Видишь ли, дружок, есть обстоятельства, когда более эффективными оказываются не сами действия, а возможность этих действий. В данном случае дело обстоит именно так. Строеву будет страшно не столько само разоблачение, с ним он справится, сколько неотвратимая возможность такого разоблачения. А этот козырь можно будет выбросить только в определенном случае, скажем, на предстоящих перевыборах директора института.

– Понятно...

– Или еще... Однако, слышишь, звонят? Это мой гость. Ты вот что... Сядь вон туда, за ширмочку, и слушай, о чем мы будем говорить. Только слушай, и больше ничего! Впрочем, если я скажу: «Позвольте мне закурить», тебе придется выйти и, может быть, даже... применить силу.

– Я понял, Анастасия Ивановна, – Никита схоронился за ширмой, а через минуту в прихожей раздался знакомый дребезжащий голос:

– Здравствуйте, голубушка Анастасия Ивановна. Очень рад снова вас видеть. Мы ведь, если помните, встречались лет десять-пятнадцать назад.

– Да, если можно назвать встречей то, что однажды меня чуть не под конвоем доставили в ваш кабинет для идеологической экзекуции, – спокойно ответила Анастасия Ивановна.

– Ну, зачем так мрачно вспоминать в общем-то неплохие годы? – продолжал Гридин, входя в комнату и снимая шляпу. – Все мы дети своего времени. Но были тогда моложе, здоровее, могли радоваться жизни.

– Кое-кому не запрещалось и печалиться в те «неплохие годы».

– Опять вы за свое! Неужели наша нынешняя старость лучше тех ушедших дней всем обеспеченной зрелости. Чем уж была так печальна ваша жизнь, пока вы не ушли из института? А что печалило моего брата-академика? Власть, огромная зарплата, масса всевозможных привилегий! Чего не хватало человеку? Так нет, надо было перечить партийному руководству, плевать на линию партии. Вот и доплевался! Сидит теперь, как филин в своем дупле. А скоро, я слышал, вообще отойдет в мир иной.

– Да нет, дела Льва Яковлевича не так уж плохи.

– Плохи, плохи! Я точно знаю. Потому и пришел к вам сегодня. Я, как вы знаете, практически единственный наследник академика.

– Как это единственный наследник? – возразила Кедрова. – У него есть жена, внучка, а скоро появится и зять...

– Относительно внучки и ее будущего мужа можете не беспокоиться. Я уже сделал что нужно, чтобы вывести их из игры. А если этого будет мало, то, открою вам секрет, в городе функционирует некая организация крепких парней, поставившая своей целью борьбу с академиком. На днях их представитель был у меня. Мы достигли полного взаимопонимания. Так что можете не сомневаться...

– В ваших способностях к делам такого рода я и не сомневаюсь. Но дело не только в Инге. А жена академика?

– Хе, жена! Знали бы вы, что это за жена! Вам известно, по-видимому, только то, что в свое время мой братец по наущению сына выгнал ее из дому, обязавшись выплачивать ежемесячно некую кругленькую сумму?

– Да, это мне известно, как и то, что Анна Петровна, будучи дамой чрезвычайно практичной, чтобы не потерять этого надежного пансиона, не дала академику развода.

– Вот именно, – осклабился Гридин, – не дала развода, но и не собиралась оставаться соломенной вдовой! Путем несложной процедуры, выразившейся в фиктивной утере старого и получении нового паспорта, она мгновенно превратилась в незамужнюю особу и выгодно сочеталась браком с одним директором ресторана, неким Ваном Георгадзе. А так как ее новый муженек не страдал излишней честностью и вскоре вылетел с работы, а сын академика примерно в то же время приказал долго жить, то уважаемая Анна Петровна извлекла из одной ей известного места старый паспорт и вернулась в родные пенаты. Ей казалось, что ни одна живая душа здесь не знает о ее проделках. А мои люди не дремали и обеспечили меня копиями всех загсовских документов. Вот они здесь, у меня в кармане. Так как, по-вашему, сможет она теперь претендовать на наследство академика?

– Да, тут вы превзошли самого себя. Только о каком наследстве вы ведете речь? «Ваши люди» не могли не информировать вас, что академик практически гол как сокол. Вам что, не терпится завладеть его поломанной мебелью да стоптанными башмаками?

– Э-э, не лукавьте, Анастасия Ивановна! Вы прекрасно понимаете, о каком наследстве идет речь. Я имею в виду научное наследство академика, а это, согласитесь, подороже его стоптанных башмаков. И если прибрать его к рукам и выгодно продать, то, сами понимаете...

– Отлично понимаю. Только что вам от меня-то нужно?

– А то вам невдомек? Ведь научное наследство действительно не стоптанные башмаки. Чтобы правильно им распорядиться, нужен специалист. Такой, скажем, как вы. Вот я и предлагаю составить мне компанию из расчета, ну... положим, тридцать процентов. Полагаю, этого вам будет достаточно?

– Значит, надеетесь, что научное наследство академика вам удастся продать?

– Безусловно. Он же теперь работает как частное лицо.

– Может быть, вы и правы. Только... Позвольте задать вам один вопрос. Вы, очевидно, знаете, что одной из составных частей научного наследия Льва Яковлевича является открытие ближайшего помощника его Михаила Семеновича Глебова, открытие, все данные о котором были в свое время занесены в небольшую синюю тетрадь. С этой тетрадью Глебов не расставался никогда. А вот после кончины его тетрадь, как я слышала, оказалась у вас. Так это или не так?

– Нет, Анастасия Ивановна, ни о какой синей тетради я ровным счетом ничего не слышал, – энергично тряхнул головой Гридин.

– Ну, слышать-то вы, положим, слышали, – усмехнулась Кедрова. – Сам Лев Яковлевич просил вас вернуть ему рукопись Глебова. Но дело не в том, слышали вы или не слышали. Я хочу знать, где сейчас бесценная тетрадь?

– Говорю вам, я ничего об этом не знаю! – упрямо повторил Гридин.

– В таком случае нам не о чем больше говорить, – решительно заявила Кедрова.

– Но послушайте, Анастасия Ивановна...

– Нечего мне дальше и слушать. Если вы пришли действительно как деловой человек с деловым предложением, то будьте добры выложить, как говорится, все карты на стол. Если же хотите темнить и водить меня за нос, то ищите себе других партнеров.

Гридин с минуту помолчал, нервно похрустывая пальцами и покусывая кривящиеся губы, потом нехотя признался:

– Ну, хорошо. Скажу все как есть. Да, мне удалось приобрести бумаги Глебова. Я знал ценность заключенных в них сведений. Но теперь этих материалов у меня нет. Их похитила моя бывшая жена при нашем разводе. Скажу больше: несколько дней назад верные мне люди произвели обыск в квартире этой женщины, вернее, ее дочери, так как сама она скончалась год назад.

– В квартире вашей дочери, хотите вы сказать?

– Ну... Моей дочери. Какое это имеет значение? – досадливо поморщился Гридин.

– Для меня имело бы значение.

– А-а, все вы, женщины, с этим вечным бзиком! Ну, да не буду сейчас с вами спорить. Так вот, повторяю, мои люди сделали все, чтобы найти похищенную тетрадь, но... увы! Покойница, видимо, выбросила или уничтожила ценные бумаги.

– Вот как! – саркастически улыбнулась Анастасия Ивановна.

– Да, так. И не думайте, что я снова хочу что-то скрыть. Да имей я эту тетрадь, я наверняка смог бы договориться с вами на гораздо более выгодных условиях. Но факт остается фактом. Бумаги Глебова утеряны. Изрядный куш, конечно, сорвался из-за одной злой бабы. Но ведь и то, что осталось у брата, потянет, наверное, не на одну сотню тысяч зелененьких. Вот я и предлагаю вам...

– Войти в компанию по продаже научного наследия Льва Яковлевича?

– Да, помочь мне квалифицированно оформить это наследство, придав ему, так сказать, товарный вид. А покупатели, я думаю, найдутся.

– Еще бы не нашлись! Особенно если в роли продавца выступает человек с таким громким именем и таким известным прошлым.

– А что вы думаете, не каждый может похвалиться такими связями, какие сохранились у меня. Да и товарец-то – кто еще сможет предложить такое?

– Да, не каждому придет в голову продавать то, что составляет гордость русской науки. Только вот друзья и сподвижники Льва Яковлевича не продаются.

– Как это понимать? Вы отказываетесь от такого выгодного предложения?

– Разумеется. И убирайтесь-ка отсюда подобра-поздорову! Неужели вы настолько неумны, что в самом деле рассчитывали на мое согласие?

– Но и не настолько глуп, чтобы не предусмотреть запасного варианта. Поэтому подпишите-ка вот эту бумагу.

– Что еще за бумагу?

– А это расписочка, которую вы даете уважаемому академику Гридину в том, что действительно получили от него за некие услуги двести тысяч рублей и обязуетесь эту сумму возвратить, если не ему, то его наследнику.

– Что за чушь?! Какие двести тысяч? Вы в своем уме?

– Более чем когда-либо. Ибо, подписав этот документик, вы не будете разыгрывать идиотское благородство, а станете делать все, что я от вас потребую.

– А почему вы думаете, что я подпишу эту филькину грамоту?

– По праву сильного. По праву сильного, уважаемая Анастасия Ивановна! Потому что стоит мне сейчас набросить на вашу лилейную шейку вот этот поясок, и вам вообще ничего больше не придется ни писать, ни говорить. Тихо-тихо! – вскочил он с места. – Не вздумайте закричать или выкинуть какую-нибудь иную глупость. Я шутить не умею, вы знаете.

– Знаю очень хорошо. Позвольте, я закурю!

Но Никита и без этого условного знака понял, что пора ему выйти и прекратить затянувшийся «обмен любезностями».

– А ну-ка дайте мне этот поясок! – крикнул он в самое ухо Гридина.

– А что, собственно... – начал было тот, но, обернувшись и увидев Никиту, мгновенно смолк и будто застыл с открытым ртом и выкатившимися из орбит глазами.

– Что, не ожидали, что мы так быстро снова встретимся? – продолжил Никита.

– Так вы же... Так ведь мы с вами... – невнятно забормотал старик вдруг охрипшим голосом. – Не понимаю...

– Зато я все понял. И мой вам совет: когда снова будете рассылать свои грязные анонимки, печатайте их на исправной машинке, а когда еще раз вздумаете грозить незащищенной женщине смертью, не забывайте, что есть соответствующая статья уголовного кодекса. И убирайтесь, как вам было сказано, отсюда, пока я не спустил вас с лестницы. Уверяю, катиться по ней будет куда чувствительней, чем по широким пролетам вашего «дворянского гнезда»!

– Будьте вы прокляты! – прошипел бывший партбосс, хватая шляпу и поспешно отступая к двери. – Вырвались на свободу! Повыползали из своих вонючих нор! Забыли, как дрожали в них от страха? Поговорили бы вы со мной эдак лет пять назад! В пыль бы всех стер, сгноил на нарах!

– Топай, топай, «честь и совесть эпохи»! Да имей в виду, если снова попробуешь пакостить Инге, Анастасии Ивановне или академику Гридину, то в городе действительно есть некая организация крепких парней, от которых тебе не поздоровится.

Старик снова разразился какими-то невнятными проклятиями и хлопнул дверью.

– Спасибо, дружок, – тихо сказала Анастасия Ивановна, когда смолкли шаги на лестнице.

– Будь добр, подай, пожалуйста, таблетку нитроглицерина, вон там, в вазочке, на серванте.

Она взяла таблетку в рот и прикрыла глаза.

– Вот ты и познакомился еще с одним участником нашей драмы. А сколько их стояло у нас на пути!

– Ну, теперь их песенка спета!

– Дай Бог, чтобы было так. Но боюсь, мы еще натерпимся от них. Этот-то сбросил маску. А сколько таких же, только перекусавшихся, приспособившихся к новой обстановке. Что стоит один Строев! Поэтому будь осторожен, Никита. А главное – береги Ингу. Ты единственный, кто сможет защитить ее.

– За Ингу можете не беспокоиться, Анастасия Ивановна. Пока я жив, никому не дам пальцем тронуть мою невесту. А что это за синяя тетрадь? О каком открытии некоего Глебова говорили вы с этим мерзавцем?

– Речь шла об очень большом открытии, Никита. И если записки Глебова действительно утрачены, а это, кажется, так, то наша наука понесла громадную потерю. А Миша Глебов... – Кедрова тяжело вздохнула. – Помнишь, я рассказывала тебе о том, как мне посчастливилось сразу по окончании университета поступить в институт иммунологии. Так вот, нас было двое, таких счастливчиков. Вместе со мной в лабораторию Льва Яковлевича был распределен мой однокурсник Миша Глебов, добрый, отзывчивый, душевный человек. А какой талантище! Если бы ты знал, каким талантом обладал этот внешне неказистый, не в меру скромный паренек. В будущем ему определенно было суждено стать мировым светилом в биологии, но... Он умер, не дожив и до двадцати восьми лет. Умер нелепо, трагически, заразившись дифтерией.

– Дифтерией в двадцать восемь лет?! – удивился Никита.

– А ты полагал, дифтерией болеют только дети? Нет, ею болеют и взрослые, и у них эта болезнь протекает в особо тяжелой форме. Так было и у Миши Глебова. Врачи не смогли спасти его. Ушел из жизни перспективный специалист, а вместе с ним был утрачен и... Но об этом после! – Кедрова провела ладонью по лицу, словно смахивая боль воспоминаний, и снова вздохнула. – Словом, все мы понесли громадную утрату, а для меня она была особенно тяжела. Ведь нас связывали не только научные интересы. Миша еще в университете явно выделял меня среди других девчат, он даже ухаживал за мной, а я...

Нет, сейчас я могу определенно сказать, что он был мне далеко не безразличен. И трудно сказать, как сложились бы наши отношения. Но тогда, в те годы бездумной молодости, у меня был один идеал, один-единственный кумир – Лев Яковлевич. Да разве только в молодости! Я готова была преклоняться перед ним, готова была молиться на него все сорок с лишним лет, что проработала помощницей этого удивительного человека.

Анастасия Ивановна уронила голову на сцепленные кисти рук и надолго замолчала, видимо, снова перебирая в памяти события тех далеких лет.

– Ну а Миша... – снова заговорила она, глотая слезы. – Миша целиком ушел в работу и примерно за год до смерти, будучи уже ближайшим помощником Льва Яковлевича, создал свой собственный препарат, который явился своего рода катализатором к препарату Гридина, то есть он многократно усиливал действие гридинского препарата, а главное, обеспечивал почти стопроцентную результативность его применения. Состав и технологию изготовления своего препарата Миша держал в секрете, не доверяя его никому из нас, включая и Льва Яковлевича. Все данные о препарате были заключены в небольшой синей тетрадке, с которой Миша не расставался ни на минуту. Тебе может показаться это не совсем этичным. Но я понимаю Мишу. Молодой, только что вступающий в науку ученый не хотел сразу растворяться в лучах славы академика. Лев Яковлевич также с пониманием относился к секретам своего ученика. У них с Мишей была, видимо, договоренность выступить после завершения всех испытаний с единой публикацией об обоих препаратах и методике их применения под общим авторством. Тогда этот комплекс получил бы в научном мире название препарата Гридина – Глебова. Но судьба распорядилась по-своему. Миша был одиноким и очень замкнутым человеком. Здесь, в городе, у него не было ни родных, ни близких. Поэтому умер он в больнице, на руках у дежурной медсестры. И вот эта сестра дня через два после похорон заявила, что последними словами Миши были: «Передайте Льву Яковлевичу, что известная ему синяя тетрадь находится у его двоюродного брата Николая Ефимовича Гридина». Как могло случиться такое? Почему, при каких обстоятельствах Мишина тетрадь оказалась в руках мало ему известного человека? Этого не мог объяснить никто из нас. А когда на следующий день Лев Яковлевич обратился к брату с просьбой передать ему тетрадь Миши, тот заявил, что ни о какой синей тетради знать ничего не знает, а слова Миши не что иное, как предсмертный бред агонизирующего человека.

Я сразу не поверила этому. С какой стати, даже в бреду, Миша ни с того ни с сего назвал бы имя Николая Гридина? К тому же, занимая в то время пост очень крупного партийного работника, обладая громадной властью, тот, конечно, мог либо путем шантажа, либо путем прямого давления и угроз склонить надломленного болезнью Мишу к передаче ему синей тетради. Но тогда я полагала, что все это было сделано лишь с целью поставить в затруднительное положение Льва Яковлевича. Я не знаю, с чего это началось, но к тому времени они были непримиримыми врагами. Во всяком случае, именно Николай Гридин был главным вдохновителем всех гонений на академика Гридина. Мне точно известно, что это с его подачи обком потребовал от президиума филиала академии прекращения всех работ по генной инженерии в лаборатории Гридина. Словом, уже тогда мне было ясно, что у Николая Гридина было немало оснований лишить Льва Яковлевича возможности использовать в его работе препарат Глебова. Кстати, серьезная неудача в эксперименте над мальчиком с ампутированной ногой – помнишь, я рассказывала тебе о том, как Лев Яковлевич вырастил у него новую ножку, но та оказалась с заметными отклонениями от нормы? – явилась следствием отсутствия препарата Глебова.

Но могла ли я уже тогда подумать, что единственным побудительным мотивом всех действий Николая Гридина была алчность. И вот эта алчность партocrата лишила нас выдающегося открытия, если, конечно, он снова не солгал...

– Нет, Анастасия Ивановна, – возразил Никита, – на этот раз он, похоже, сказал правду: рукопись Глебова в самом деле выкрала его выброшенная на улицу жена, и обыск в квартире ее дочери он действительно учинил. Только вот ни та, ни другая и не думали

выбрасывать или уничтожать драгоценную тетрадь, напротив, делали все возможное, чтобы сохранить рукопись Глебова.

– Что ты говоришь?! Синяя тетрадь может быть цела?! Как ты узнал все это? Где она теперь?

– Я не знаю точно, где она находится сию минуту. Но до недавнего времени все материалы Глебова преспокойненько лежали в самоварной трубе того дома, где за ней охотились ищейки Николая Гридина.

– Что, что?! Как, в самоварной трубе? Уж не хочешь ли ты обратить все в шутку?

– Никоим образом. Хотя то, что я расскажу вам сейчас, действительно похоже на святочный рассказ.

– Ну, я слушаю. Или постой! Давай-ка приготовим прежде чай. А то, честно говоря, у меня с утра во рту ни маковой росинки. Да и ты, наверное, успел проголодаться.

– Так вот, слушайте, – начал Никита, как только Анастасия Ивановна вернулась с чашками чая и наскоро приготовленными бутербродами. – Случай свел меня с маленьким оборвышем-сиротой, который, как я лишь теперь окончательно понял, является внуком вашего сегодняшнего гостя.

– Внуком Николая Ефимовича Гридина?

– Да, внуком Гридина и той несчастной женщины, которая была изгнана из его дома с крохотной дочкой на руках. Позже я расскажу вам все подробно. Сейчас же скажу только, что в одном из разговоров с мальчиком выяснилось, что сначала эта женщина, то есть бабушка паренька, а потом ее дочь, то есть мать мальчика, всячески старались сохранить какие-то бумаги, унесенные из дома деда. Что это за бумаги, мальчонка, естественно, не знал. Но вот с неделю назад он сказал, что в их доме побывали воры и что мать его убеждена: воры эти были подсланы ее отцом, пытались похитить не что иное, как эти самые бумаги. Более того, мальчику удалось наконец заглянуть в бумаги и прочесть в них два слова, написанные «по-печатному». Этими словами были: «Институт иммунологии». Понимаете, «Институт иммунологии»! Воры перерыли в квартире мальчугана все вещи, но нужных им бумаг так и не нашли, потому что мать его догадалась спрятать сверток...

– В самоварную трубу?

– Точно!

– И ты уверен, что речь идет именно о синей тетради Глебова?

– Абсолютно! Я сразу заподозрил, что бумаги эти как-то связаны с работами Льва Яковлевича, а после того как услышал, о чем вы говорили с вашим гостем, уже не сомневаюсь, что мать Коли хранит то, что вы называете «синей тетрадью».

– Дай-то Бог! Как бы заглянуть в нее хоть одним глазком?

– Я думаю, придет время и это можно будет сделать. Но пока не стоит беспокоить больную женщину. Судя по всему, это единственная ценная вещь, которая у нее осталась, и всякая просьба с нашей стороны может быть воспринята как попытка лишить ее этой вещи.

– Да, пожалуй. Тем более что она только что пережила такую попытку со стороны отца.

– Отца... Дочери... Странно даже слышать такие слова в приложении к этим двум людям. Жуть какая-то! Можно понять неприязнь, даже ненависть бывших супругов, бывших друзей, бывших компаньонов. Но подослать каких-то подонков, чтобы произвести обыск у родной дочери... И ради чего! Скажите, Анастасия Ивановна, как вы думаете, что движет Николаем Гридиным? То есть я понимаю – деньги. Он сам сказал об этом. Но зачем ему, дряхлому старику, лишившему себя и детей, и близких, имеющему как будто все необходимое, большие деньги?

– Ты задал очень серьезный вопрос, Никита. Чрезвычайно серьезный! Все дело в сущности человеческого естества. Что, по-твоему, отличает человека от любого животного?

– Ну, разум, способность мыслить...

– Да, разум, способность мыслить присущи, конечно, только человеку. Но значительно важнее то, что человек не может жить, не видя смысла своего существования, не стремясь достичь какой-то очень важной, с его точки зрения, цели в своей жизни. Иначе он может сойти с ума, покончить с собой, наконец просто деградировать как личность.

– Но до сих пор мне казалось, что есть люди, которые даже не задумываются над смыслом жизни.

– Да, не задумываются многие. Очень многие! Но дело в том, что эта удивительнейшая особенность человеческой сущности выше его осознанных умозаключений, порой она лежит даже на уровне подсознания. И тем сильнее действует на человеческую психику. Во всяком случае, у подавляющего большинства людей доводы рассудка не могут победить эту самодовлеющую, несомненно заложенную в генах линию поведения.

– Так в чем же заключается этот смысл жизни?

– На твой вопрос не ответишь одним словом, ибо существуют по крайней мере три стороны этого понятия. Первая сторона – сторона научно-философская. И, как и подобает философскому подходу, он очень широк. В нем речь идет о смысле жизни всего живого на Земле, жизни как особой формы существования материи. В самом деле, ты не задумывался над тем, почему жизнь, возникшая в виде простейших организмов, не только не угасла, не прервалась ни на одно мгновение, но, несмотря на массу самых неблагоприятных для нее обстоятельств, постоянно совершенствовалась, увеличивалась в общей массе, завоевывала все новые и новые ареалы обитания? Так что же за сила была заложена в эту удивительнейшую, уникальнейшую форму материи, в чем заключался смысл ее существования, позволивший противостоять любым превратностям среды, заставивший вырабатывать миллионы самых изощренных приспособлений в борьбе с враждебными силами природы?

Мы, биологи, отвечаем на этот вопрос просто. Смысл жизни любого существа, в том числе и человека, заключается в том, чтобы дать и оставить после себя существа, себе подобные.

- И все?

– Да, с точки зрения биологов – все. Все данные анатомии и физиологии как будто подтверждают это. Но философы на этом не остановились. «А какой смысл в этом стремлении оставить после себя устойчивое потомство?» – говорят они. И отвечают так: характернейшей особенностью любого живого существа является то, что оно располагает информацией об окружающей среде, информацией бесценной не только потому, что именно она, эта информация, позволяет организму выжить, но еще и потому, что получена она ценой жизни миллионов и миллионов поколений любого биологического вида. А раз так, значит эту информацию нужно сохранить. Сохранить во что бы то ни стало! В течение жизни она сохраняется в самом организме. А после смерти его? После смерти она может быть сохранена лишь в том случае, если будет передана потомству. Вот он – научно-философский смысл жизни! Впрочем, о таком смысле жизни можно услышать лишь от самих философов. У каждого конкретного индивида, в том числе и у каждого конкретного человека, он выражается исключительно в виде специфических инстинктов.

– И все-таки недаром говорят: возраст человека определяется не числом прожитых лет, а количеством полученной информации.

– Я с этим вполне согласна. Но это утверждение тоже можно услышать лишь от человека с философским складом мышления. А вот второе понятие смысла жизни более общедоступно. Я назвала бы его бытовым понятием. Оно присуще только людям. Причем именно тем людям, которые, как ты верно заметил, даже не задаются вопросом о смысле жизни, а лишь подсознательно следуют какой-то своей, раз навсегда избранной цели. Цели эти могут быть самыми различными. У одни – это стремление во что бы то ни стало сделать какую-нибудь карьеру, добиться большей власти; у других, чаще всего у женщин, – быть всех красивее, всех моднее, всех обворожительнее; у третьих – собрать

наиболее полную коллекцию картин, марок, этикеток; у четвертых -- добиться успехов в музыке, литературе, живописи, разрешить какую-нибудь научную проблему; у пятых и, к сожалению, самых многочисленных представителей рода человеческого – это стремление накопить как можно больше денег. Причем этот бытовой смысл жизни не имеет никаких границ, никаких пределов, не определяется чаще всего никакой целесообразностью, не требует никаких логических обоснований. Так что человек, к примеру, абсолютно не знает и никогда не сможет объяснить, для чего ему нужно непременно продвинуться по служебной лестнице, создать какую-нибудь коллекцию и, тем более, накопить как можно больше денег. Это его смысл жизни. И этим сказано все. Отними у них эту цель, и жизнь станет для них бессмысленной. Так вот и Николай Гридин...

– Понятно... Но вы сказали, что есть еще какая-то третья сторона понятия смысл жизни.

– Да, есть. Хотя, к сожалению, пока ему следуют лишь очень немногие люди. Но я уверена, что только он, этот смысл жизни, и может быть залогом дальнейшего прогресса человеческого общества. Так вот, я убеждена, что смысл жизни каждого человека должен заключаться в том, чтобы доставлять радость окружающим людям. Доставлять Радость! Всем, что в твоих силах. Своей внешностью, своим поведением, своим трудолюбием, своим творчеством – всем, всем! Ты не согласен со мной?

– С этим трудно не согласиться, Анастасия Ивановна. Но боюсь, что это будет очень-очень не скоро. А пока мне больше всего импонирует то, что вы назвали научно-философским смыслом жизни. И я думаю, что его разделяют не одни философы. Знать как можно больше, проникнуть как можно глубже в самые сокровенные тайны мироздания – что может быть значительнее и прекраснее в жизни человека. Впрочем, это, конечно, не для Николая Гридина...

31

На следующий день утром Никита прежде всего отправился к Инге. Она сама попросила зайти пораньше, чтобы он поделился результатами встреч с Кедровой перед тем как пойти с ней в читальный зал. Поэтому на этот раз он уже без прежней робости переступил порог гридинской дачи и прошел прямо в комнату Инги. У него еще по дороге сложился план, как рассказать ей о том, что он узнал от Селезнева, Светланы и Анастасии Ивановны так, чтобы не очень взволновать впечатлительную девушку, но, войдя к ней в комнату и встретив ее нежный, доверчивый взгляд, понял, что не сможет даже начать рассказ о столь страшных для нее вещах. Только некоторое время спустя, когда Инга сама упомянула имя Анны Петровны, он как бы между прочим заметил:

– А знаешь, Инга, она тебе вовсе не тетка, а... как бы это сказать...

– Что-то вроде моей бабушки? – договорила за него Инга.

– Да, что-то вроде этого. Она жена Льва Яковлевича.

– Я догадывалась об этом. Давно догадывалась. И ни к чему было деду устраивать такой маскарад. Волчьи уши не спрячешь ни под каким чепцом. А в ней действительно есть что-то от волчицы. Ну, да Бог с ней! Это ты от Кедровой узнал?

– Да, от нее.

– А что еще рассказала тебе бывшая помощница деда?

– Она много о чем порассказала. К тому же я успел поговорить с одной аспиранткой Строева и бывшим водителем самосвала, который...

– Который убил папу и маму?!

– Да, я разыскал его...

– Что же он? Что он говорит?!

– Он рассказал мне все как было. Но я не знаю даже, как сказать... Помнишь, ты говорила, что не исключает возможности покушения на твоих родителей?

– Точнее на дедушку, поскольку он обычно ехал в такое время с папой на машине.

– Да, так ты и говорила... Так вот, я точно установил, что водитель самосвала намеренно врезался в вашу машину.

- О Боже! – только и смогла вымолвить Инга.
- Но самое главное, что сделано это было по прямому приказу профессора Строева, – закончил Никита.
- Что-о?! Профессора Строева? – вскричала Инга.
- Да, это он, Строев, нанял какого-то рецидивиста, а тот, шантажируя случайно оказавшегося у него в зависимости шофера, принудил его совершить это злодейское убийство.
- Профессор Строев... И здесь профессор Строев... – проговорила Инга словно в забытьи. – Я знала, что это скверный человек, знала, что он делал все возможное и невозможное, чтобы выжить дедушку из института и занять его место. Но чтобы пойти ради этого на такое преступление... Можно ли поверить в такое?
- Дело было не только в желании Строева занять место директора института. Главное заключалось в том, что Лев Яковлевич, как я узнал, располагал компрометирующим материалом на Строева, материалом огромной взрывной силы, одно опубликование которого лишило бы его всех степеней и званий. И дед твой прямо заявил об этом на одном из ученых советов. В ответ Строев пошел на невиданный, но вполне обычный для такого негодяя шаг: решил расправиться с Львом Яковлевичем руками наемного убийцы.
- Но это точно? Тут нет никакой ошибки? – сделала последнюю попытку усомниться в чудовищном преступлении Инга.
- Суди сама, – и Никита подробно передал ей свой разговор со Светланой и Селезневым.
- Какой кошмар! Какой кошмар!!! – не переставала повторять Инга. – Но я этого так не оставлю! Я ему отомщу! Он дорого заплатит за смерть папы и мамы. Я сегодня же пойду и...
- Постой, Инга! Успокойся, родная! Я понимаю тебя. Это нельзя оставить безнаказанным. Но, пожалуйста, прошу тебя, не предпринимай ничего сама, не посоветовавшись со мной. Поверь, это страшный человек. Страшнее, чем ты думаешь. Он погубит тебя. И тогда я... Я не переживу этого. Но я, так же, как и ты, не мыслю оставить его в покое. Мы отомстим ему вместе. Только надо все обдумать, все взвесить, чтобы действовать наверняка. И я сделаю это. Клянусь тебе!
- Хорошо, Никита, пусть все будет так, как ты решишь. Я даже дедушке не скажу пока ни слова.
- Но Лев Яковлевич, по-видимому, давно знает об этом.
- Ты так думаешь?
- Ты сама сказала, что они с Анной Петровной знают о вашем несчастье что-то такое, чего не знает никто, только скрывают от тебя.
- Нет, я имела в виду совсем другое. Из некоторых отрывков их разговоров я поняла, что речь идет не о том, как произошло несчастье, а о том, с чем они столкнулись в результате него, после него. А то, что в смерти папы и мамы повинен Строев, – это такая новость, такой кошмар, что дедушка не вынесет, я знаю его, и может произойти что угодно. Нет, ему говорить нельзя. Мы все должны делать вдвоем, только вдвоем! И знаешь что... Давай сходим со мной на могилу папы и мамы, поклянемся и им отомстить убийце. Я ведь, знаешь... Я часто бываю на кладбище у папы с мамой и говорю с ними, как с живыми, делюсь с ними всеми радостями и горестями,веряю им все свои тайны. Я давно уже сказала им о тебе, давно сказала, что люблю тебя, задолго до того, как мы объяснились. И теперь хочу, чтобы они сами... Нет, не увидели, а как бы это сказать... ну, почувствовали, что ли, что мы пришли к ним вместе.
- Пойдем, Инга. Пойдем сегодня, прямо сейчас. Я давно хотел побывать на могиле твоих родителей.

шиповника и диких роз. Время перевалило за полдень. Жара спала. И длинные черные тени протянулись от высоких старых лип, выстроившихся вдоль всей дороги, ведущей к погосту. Липам этим было, должно быть, за сотню лет. Многие из них стояли без верхушек. Другие щетинились сухими полуобломанными сучьями. Но жизнь еще теплилась в их замшелых стволах, упрямо вырываясь из них в виде отдельных тугих веток, густо покрытых яркой листвой.

Пройдя через ворота, Никита с Ингой вышли на центральную аллею и остановились перед небольшой кладбищенской церковью, уныло сереющей на фоне живой зелени леса. Церковь была деревянной, очень старой, с покоробившейся кровлей и покосившимися стенами. Но Никита знал, что храм действует, и дверь в него была открыта.

– Войдем сначала сюда, – шепнула Инга.

– Давай войдем, – согласился Никита.

В церкви было пустынно и тихо. Лишь у самого иконостаса молча стояли, время от времени осеняя себя крестом, несколько пожилых женщин и совсем дряхлый старик с деревянной ногой. Свет снаружи еле проникал сквозь небольшие в частом переплете окна, и оттого все здесь тонуло в густом вязком полумраке. Перед самыми образами святых горело с десятков свечей. Но мерцающие огоньки их только усиливали общий сумрак, и потому лики святых выглядели особенно строгими и неприступными.

Инга подошла к столику, где продавались свечи и, возвращаясь к Никите, подала одну свечу ему:

– Пойдем поставим перед иконой Божьей Матери и помолимся за упокой папы с мамой.

Никита взял свечу, зажег ее, следуя примеру Инги, от горящей перед образами лампы и поставил вслед за ней перед большой в серебряном окладе иконой. Пламя свечи заколебалось, лик Божьей Матери просветлел, и глаза Богородицы, показалось Никите, блеснули доброй ласковой улыбкой.

Инга чуть отступила от иконы, трижды перекрестилась и застыла в молчании, видимо, творя про себя молитву. Никита не знал ни одной молитвы и не умел креститься, но, подчиняясь непонятному, вдруг нахлынувшему на него порыву к умиротворенности и самопожертвованию, погрузился в странное полузабытье, где постепенно гасли все чувства, оставляя место лишь чувству жалости и сострадания: жалости к Инге и ее родителям, жалости ко всем стоявшим рядом с ним перед образами, жалости к Гридину и Анастасии Ивановне, жалости к Селезневу, Красильникову, Разину, Анне Петровне, Строеву...

Строеву?! И вмиг наступило отрезвление. Разве можно жалеть всех без разбора, всех подряд? Да, Бог, говорят, призывает любить и жалеть всех, даже врагов своих. Но как можно в одно и то же время любить Ингу и любить Строева? И как Бог, всемогущий и все милостивейший, мог допустить, чтобы ни в чем не повинные родители Инги подверглись мученической смерти, а их палач Строев получил все блага, каких добивался самыми изуверскими методами? Но он допустил это. И не только допустил, но и призывает ее сейчас, здесь, перед ликами своих угодников, возлюбить убийцу, молиться за его спасение. И он, Никита, должен поддержать ее в этом? Должен отказаться от клятвы, которую дал ей и своей совести? Так что же выше, Бог или собственная совесть? Да и что он такое, Бог? Можно ли считать божеством то, что глядит на них сейчас с иконостаса, все эти потускневшие лики, погруженные в таинственный полумрак и подсвеченные бликами свечей? Слов нет, это действует на психику, создает определенное настроение. Он, Никита, сам только что испытал такое воздействие. Но ведь все это создано людьми, такими же людьми, как и он, Никита, и так же, как он, едва ли постигшими истину, что же он такое – Бог.

Он снова поднял глаза к слабо проступающему в полумраке образу Богородицы и не увидел уже ничего, кроме довольно примитивно стилизованного рисунка женской головы и потрескавшейся краски на потемневшей от времени доске.

Он обернулся к Инге. Лицо ее выражало сложную борьбу чувств. Видимо, в душе девушки происходило что-то подобное тому, что переживал Никита.

– Пойдем, Инга, – шепнул он, легонько касаясь ее плеча.

Она лишь молча кивнула и направилась к выходу. Через минуту они шли мимо бесчисленных крестов, памятников, надгробий и не проронили ни слова, пока Инга не свернула на короткую боковую аллею, в конце которой белела большая мраморная стела с золотой пальмовой ветвью в левом верхнем углу.

– Вот здесь и лежат мои папа и мама, – сказала Инга вполголоса, указывая на белый памятник.

– Вижу. Но там...

– Боже, что это?! – Инга больно сжала ему руку и в страхе прижалась к его плечу.

Там, под мраморной стелой, низко склоняясь над могильным холмиком, застыла, подобно каменному изваянию... женщина в черном.

Это было настолько неожиданно, непонятно и страшно, что они не смогли сделать больше ни шага. И только после того, как странная монахиня поднялась от земли и медленно, не оглядываясь, направилась к выходу с кладбища, Инга сдвинулась с места и, не отпуская руку Никиты, снова повела его по обезлюдевшей аллее:

– Что это значит, Никита? Зачем она приходила сюда?

– Не знаю. Может быть, так принято у монахов – приходить помолиться на кладбище?

– Но почему она пришла именно сюда, на могилу моих родителей?

– Я сам теряюсь в догадках. До сих пор мне казалось, что она специально следит за мной или за нами обоими, хотя это тоже не имело никакого объяснения. Но понятно было хотя бы то, что она всегда появлялась возле твоего дома, то есть там, где всего вероятнее было встретить нас. Однако сегодня она никак не могла знать, что мы придем на кладбище, тем более сюда, на эту аллею. Или ты уже встречалась с ней здесь?

– Нет, здесь, на кладбище, я не видела ее ни разу. Но несколько раз замечала, что кто-то приходил на могилку в мое отсутствие: то земля у надгробья была подметена не так, как это делаю я, то цветы оказывались политы в сухую погоду, то дверка заперта не так, как запираем ее мы с дедом. Я думала, что все это делали какие-то бывшие знакомые папы с мамой, но теперь...

– А может быть, эта женщина и была их хорошей знакомой?

– Ну что ты! Я бы знала ее. Но вот мы и пришли. – Инга опустилась на скамеечку перед могилой, Никита склонился над небольшой табличкой, вставленной в мрамор. На ней было выгравировано всего несколько слов:

*Дорогим Борису и Людмиле Тридиным
от любящих отца и дочери.*

И три цифры: две даты рождения, одна дата смерти. Просто и ясно. И все-таки чего-то здесь не хватало. Но чего? И вдруг его осенило:

– Инга, а где похоронен твой родившийся мертвым братец?

– Здесь же, наверное, где бы еще...

– Но почему на табличку нанесены только имена твоих родителей?

-- Так у него не было еще и имени.

– Да, конечно, – согласился Никита, не желая расстраивать Ингу дальнейшими расспросами. Но объяснение ее показалось по меньшей мере наивным. Имя умершему мальчику, разумеется, дать не могли. Но как-то упомянуть его на надгробном памятнике было бы, наверное, не трудно. А что, если...

Никита еще раз взглянул на блестящую никелированную табличку в белом мраморе, вспомнил все, что говорилось о трагической гибели родителей Инги в городе, вспомнил о некоей тайне, окружающей эту гибель и почему-то упорно скрываемой от Инги Львом Яковлевичем и Анной Петровной, и не мог уже отделаться от вопроса: а так ли достоверна смерть ее брата?

Ей, Инге, видимо, с самого начала внушили, что дело обстояло именно так. Точно так же, судя по всему, была проинформирована и «широкая общественность» города. Но это еще ни о чем не говорит. Истинную судьбу мальчика могли просто скрыть от всех непосвященных. Не ясно было, правда, что могло послужить причиной такой дезинформации. Но разве мало неясного окружало вообще все, что было связано с семейством Гридиных. Что стоило одно появление здесь, на могиле сына и невестки академика, женщины в черном!

И все же оставалась вполне реальная возможность проникнуть в тайну внука Гридина: достаточно было заглянуть в архив родильного дома, где умерла мать Инги. Уж там-то наверняка точно зафиксировано все, что произошло двенадцать лет назад. Трудно, конечно, рассчитывать, что работникам роддома захочется копаться в бумагах такого срока давности. Но почему не попробовать попросить их об этом?..

33

Однако в роддоме, куда Никита обратился за справкой, с ним не стали даже разговаривать, решительно заявив, что никаких сведений о новорожденных, а тем более умерших детях больница не дает, и пришлось бы ему уйти ни с чем, если б не встретившаяся во дворе старушка санитарка, выносившая ведро с мусором.

– Ты чего, сынок, такой смурной? – остановила она его, поправляя на голове платок. – Али случилось чего?

– Ничего не случилось. Только начальство у вас больно злое.

– Так начальство оно везде злое, – наставительно заметила санитарка. – А у нас тут и подавно нельзя без этого: уж больно вы, молодые папаши, нетерпеливые, и в дверь и в окна лезете, чтобы взглянуть на своих наследников. Ну, так и быть, – лукаво усмехнулась она, – тебе я помогу. В какой палате лежит твоя-то?

– Да никто у меня здесь не лежит, и никакой я не папаша, а хотел узнать об одном деле.

– Так, может, я и раскумекаю твое дело?

– Ну, где там! А впрочем... Скажите, мамаша, если случится новорожденному умереть при родах или вскоре после этого, что с ним делают?

– Как что делают? Отдают отцу с матерью, чтобы похоронили.

– Но если и отец, и мать умрут?

– Как это, чтобы и отец, и мать, и младенец – все сразу?

– А помните, как лет двенадцать назад разбилась машина Гридиных?

– Так это другое дело. Тут, само собой, всем может быть смерть уготована. Только ведь мальчонка-то у Гридиных живым на свет явился.

– Как живым?! Вы не путаете?

– Разве тот случай можно спутать. Ведь он, мальчонка-то гридинский, уродом родился, таким уродом, каких я отродясь не видывала: ни ручек, ни ножек у него не было.

– Как?! – не поверил своим ушам Никита. – Что вы говорите?!

– То и говорю, что сама видела.

– Так что же с ним дальше было?

– Дальше, как положено, подержали его здесь с неделю али чуть побольше и отправили в дом ребенка.

– Такого маленького и беззащитного?

– Что же поделаешь, если родителей не оказалось. А ты кто им будешь, Гридиным-то, сродственник, что ли?

– Да, родственник, – коротко ответил Никита, торопясь уйти из этого мрачного двора и от этой словоохотливой женщины, которая так спокойно, как о само собой разумеющемся, говорила о маленьком живом человечке, вся жизнь которого была обречена на страшные муки.

Но, может быть, она все-таки что-то путает? Может быть, говорит о совсем другом ребенке? Как бы это проверить? Кто еще может знать об истинной судьбе внука Гридина? Только кто-то из очень близких ему людей, ну, скажем, Петр Эдуардович Берг. Помнится, Инга сказала, что это единственный человек, с которым академик до сих пор поддерживает дружеские отношения. Уж он-то должен знать, что произошло в тот страшный день и как сложилась судьба внука Льва Яковлевича, если тот действительно остался жив. Только удобно ли будет обратиться к нему с таким вопросом?

А почему бы нет? В конце концов, речь идет о будущем близком родственнике Никиты. И Берг должен понять его.

Однако все сомнения Никиты оказались напрасными. Берг встретил его как хорошего давнего знакомого, усадил в кресло, попросил жену приготовить кофе.

– Ну-с, молодой человек, чем могу служить? – проговорил он, поблескивая стеклами пенсне.

– Я пришел к вам, Петр Эдуардович, как к большому другу семьи Гридиных, – начал Никита.

Берг молча кивнул.

– Я тоже не посторонний для них человек, – продолжал Никита. – Мы с Ингой Никитичной решили пожениться.

– Я рад и за вас, и за Ингу, – тепло улыбнулся старый профессор.

– И я хотел бы просить вас помочь мне прояснить один вопрос, – закончил Никита, все еще не решаясь перейти к сути дела.

– Если это в моих силах, – осторожно ответил Берг. Никита в смущении помолчал:

– Я понимаю, что не на всякий вопрос можно ответить, тем более что речь идет о...

– Да вы говорите, говорите! – подбодрил его Берг.

– Мне давно не дает покоя... – снова запнулся Никита. – Словом, мне хотелось бы знать о судьбе брата Инги, родившемся двенадцать лет назад...

Берг пристально посмотрел ему в глаза.

– Инга сказала, что он умер еще в роддоме, – поспешил уточнить Никита, – а сейчас я услышал от одной санитарки, что он остался жив, но...

– Но родился с большими отклонениями от нормы? Так вам сказали?

– Да, в общем, так. И что его отправили в дом ребенка.

– Что же, вам сказали правду, – коротко ответил Берг.

– Но почему, Петр Эдуардович?! Почему его не отдали в родную семью? Почему это скрыли от Инги?

– Инге об этом не сказали потому, что в ее возрасте это могло нанести девочке большую душевную травму. Скоро она узнает все. Что же касается того, почему внука Льва Яковлевича отправили в дом ребенка, то таков у нас закон: в случае отсутствия родителей роддом по истечении семи дней отправляет новорожденного в дом ребенка.

– Но ведь остались его дед, его сестра. Они могли усыновить мальчика.

– Сестра ребенка была еще слишком мала, а дед слишком стар, что по существующему закону не давало ни тому, ни другому права на усыновление.

– Но как мог смириться с этим Лев Яковлевич? Как мог бросить на произвол судьбы родного внука, да еще мальчика-калеку? Он же, я знаю, избавил от уродства совсем постороннего человека, сына своего коллеги. Он мог помочь и брату Инги. А вместо этого...

– Если вы знаете, что он сделал для своего коллеги, то должны знать и о том, что с него была взята официальная подписка, запрещающая повторять нечто подобное.

– Официальная подписка! О чем вы говорите, Петр Эдуардович! Да разве можно считаться с какой-то бумажкой, когда речь идет о праве человека на нормальную жизнь, и не просто человека, а родного внука?

– С бумажкой, молодой человек, в нашем бюрократическом государстве, к сожалению, приходится считаться. Что же касается того, бросил ли Лев Яковлевич своего внука на произвол судьбы, то должен вам сказать, что он сделал для него все возможное и даже больше возможного. И вы, став мужем Инги, тоже узнаете обо всем. Но не от меня, а от самого Льва Яковлевича. Сейчас же я могу сказать лишь одно: внук Льва Яковлевича жив, и вы можете не беспокоиться за судьбу своего будущего родственника.

– Спасибо, Петр Эдуардович. Кажется, я начинаю кое-что понимать.

– Вот и отлично! А теперь выпьем по чашечке кофе. Спасибо, Зиночка, – обратился он к жене, внесшей в кабинет поднос с кофейным сервизом. – Может, и ты с нами посидишь?

– Нет, сейчас не могу: дела на кухне. Но, надеюсь, твой гость отобедает с нами?

– Пусть он попробует отказать крестному отцу Инги! – весело подмигнул Берг Никите.

– Вы – крестный отец Инги? – воскликнул тот, поперхнувшись горячим кофе. – Значит, вы...

– Значит, мы с вами тоже почти будущие родственники – закончил Берг со смехом, – если, конечно, моя крестница не передумает вручить свою судьбу такому донкихоту, как вы.

– Почему же донкихоту? – недоуменно пожал плечами Никита.

– Да потому хотя бы, что кто же в наше время станет, подобно вам, лезть в драку с профессорами, членами ученого, совета накануне защиты диссертации...

– И вы полагаете, что Инга...

– Я полагаю, что моя крестница сделала хороший выбор и не изменит своего решения.

– Спасибо, Петр Эдуардович, и... Позвольте задать вам еще один вопрос. Только не подумайте, что это простое любопытство или какой-либо скрытый подвох. Поверьте, я никогда бы не решился... Но для меня это очень важно. Чрезвычайно важно!

– Что же, попробую ответить и на этот вопрос, – улыбнулся Берг, – если это не будет в ущерб нашим с вами друзьям.

– Нет-нет, это совсем другое! Это касается только вас, вас одного! Но... Право, не знаю даже, как начать... – Никита даже вспотел от волнения. – Скажите, Петр Эдуардович, правда, что вы верите в Бога? – наконец выпалил он.

– Да, я верю в Бога, – просто ответил Берг.

– Но как же вы, с вашими знаниями, вашей эрудицией, вашим умением логически мыслить смогли обосновать эту веру, как смогли объяснить существование Бога, убедить себя! этим? Ведь я вот тоже хотел бы поверить. Но далее мои, далеко не такие, как у вас, знания, они... как бы это сказать...

– Вы хотите сказать, ваши знания и мешают вам стать верующим?

– Да, именно так. Не знаю я так много об окружающем мире, о дальнем космосе, об атоме и атомном ядре, я, может быть...

– Может быть, и поверили бы в Бога?

– Да. А то что же получается? Среди всех этих квазаров, пульсаров, черных дыр, потоков нейтрино, космических лучей или тех же протонов, нейтронов, мезонных полей, где тут место Богу?

– А если б это место отыскалось?

– Тогда – другое дело. -- Тогда бы вы поверили?

– Конечно, с радостью!

– Но это была бы уже не вера. Тогда вы восприняли бы Бога как... Ну, скажем, как объяснение причины лунного или солнечного затмения или раскрытия механизма смены времен года, то есть как нечто абсолютно ясное, закономерное, элементарно простое. А вера, это – вера! То есть нечто такое, что не требует никаких объяснений, никаких обоснований, никаких умозаключений. Верить – значит не задумываться ни над какими

кажущимися противоречиями, не давать место никаким сомнениям, не пытаться искать никаких причинно-следственных связей.

– Но это же слепая вера!

– А в Бога только так и можно верить. Именно слепо верить. Ибо существование его нельзя ни доказать, ни опровергнуть, какие бы научные данные для этого ни привлекались. Бог – это нечто такое, что просто не может быть познано никакими имеющимися у человека орудиями познания, включая всю мощь его мозга. Что же касается того, почему моей вере не мешают мои знания, то я ответил бы вопросом на вопрос: а вы убеждены, что эти знания, вообще все знания, добытые наукой, абсолютно достоверны, являют собой истину в последней инстанции?

– Как вам сказать... – замялся Никита.

– А я так совершенно не убежден. Более того, скорее убежден в противном. Не говоря уже о том, что в самих этих научных знаниях почти всегда присутствует элемент слепой веры.

– Как это, в научных знаниях – элемент слепой веры?

– Очень просто. Ну вот, скажем, нам с детства твердят, что пространство и время бесконечны. Но разве кто-нибудь когда-нибудь как-нибудь доказал это? Нет, мы просто привыкли верить этому. Да и знаем ли мы, что такое пространство? Я не поставил бы такого вопроса, если бы физики-теоретики не утверждали, что пространство может быть и более чем трех измерений, что оно может обладать кривизной, что его вообще могло не быть до так называемого большого взрыва. И когда мне предлагают во все это так же слепо поверить, ибо никаких доступных моему разуму доказательств не существует, я вынужден признать, что просто не знаю, что такое пространство. Да и сам этот большой взрыв. Был он или не был? Вы могли бы доказать или опровергнуть эту гипотезу? Или смогли бы убедить, что явление гравитации всего лишь результат искривления физическими телами все того же пространства? Или взялись бы объяснить доступным моему разумению языком, как это понимать, что электрон одновременно и частица, и волна, а каждая элементарная частица состоит из частиц еще большей массы? Нам говорят, что законы микромира не укладываются в привычные представления человеческого разума. Но в таком случае можно ли, основываясь на тех же привычных представлениях человеческого разума, решать другую идею, идею существования Бога? Нет, молодой человек, знания и вера могут существовать независимо одно от другого.

– И все-таки так вот просто взять и поверить... – вконец растерялся Никита, сраженный кажущейся безукоризненной логикой профессора.

– Тут есть, конечно, еще один аспект, – согласно кивнул Берг. – Я сказал, что в Бога можно лишь просто верить. Но можно и просто не верить. Точнее просто верить, что Бога не существует. И эту веру тоже нельзя ни доказать, ни опровергнуть. Никакими научными положениями, никакими доводами рассудка. Так почему же я все-таки верю, что Бог существует? – Берг надолго замолчал, словно подбирая необходимые аргументы.

– Видимо, ваше воспитание... – несмело предположил Никита.

– Нет, воспитание здесь ни при чем. Мои родители были людьми неверующими. В детстве и отрочестве, да и позже, будучи студентом университета и молодым научным работником, я и мысли не допускал о существовании чего-то божественного. Сомнения пришли уже в зрелом возрасте. И первое время я, так же, как, похоже, и вы, долго и мучительно решал для себя этот вопрос. Решал, подобно вам, путем логических умозаключений, решал безуспешно до тех пор, пока...

Берг снова замолчал, видимо, не решаясь высказать что-то слишком сокровенное. Потом решительно тряхнул головой и вновь заговорил каким-то просветленным голосом:

– Словом, столкнулся я однажды с такой ситуацией, когда на меня должно было обрушиться страшное несчастье. Я не буду посвящать вас во все детали произошедшего, скажу лишь, что это было связано с сыном и что все знания, какими я обладал в то время, все доводы моего рассудка говорили о том, что избежать этой беды нет абсолютно никакой возможности. И тогда я, убежденный атеист, верящий только в безграничное

могущество разума, но сломленный уже закрадывающимися в душу сомнениями и страхом перед неизбежным несчастьем, мысленно прошептал: «Боже, не допусти, чтобы это свершилось!» Прошептал ни на что не надеясь, прошептал просто потому, что был на грани полного отчаяния. И беды не произошло. Не произошло вопреки всякой логике, всякому здравому смыслу, всем законам научного предвидения. Я был поражен. И конечно же, постарался убедить себя, что все дело в каких-то невероятных стечениях случайных обстоятельств. Но когда нечто подобное произошло еще раз, я понял, что незачем без конца насиловать свой мозг и искать всякого рода хитросплетения слепых случайностей. Понял, что все в тысячу раз проще и в тысячу раз сложнее любых логических умозаключений, что есть что-то более могущественное и более совершенное, чем все накопленные мною знания и все возможности моего ума. Так пришла вера в Бога. Я по-прежнему не знаю, что это такое – Бог. Я никогда даже не ставлю такого вопроса. Я не хожу в церковь, не читаю священных писаний, не выполняю никаких религиозных обрядов. Я не оспариваю, хотя и не соглашаюсь с воззрениями бесчисленных богословов. Я просто верю, что существует некая необъяснимая, но всемогущая сила, которой подчинено все сущее, в том числе и моя жизнь. И сила эта, безусловно, добрая. И потому я готов безоговорочно подчиняться этой силе и, будучи уверенным, что она и от меня ждет только добрых поступков, именно так и стараюсь строить свою жизнь. Берг помолчал:

– Должен сказать, что вы первый, кому я так вот доверительно раскрываю самые сокровенные тайники своей души. Видимо, так угодно Богу. Но не считите это за желание приобщить вас к своей вере. Напротив, я хотел бы дать вам убедительный совет: не торопитесь с решением этого наиважнейшего вопроса вашего миропонимания. И не ищите никаких аргументов «за» и «против», все придет само собой. Как пришло в свое время ко мне.

– Спасибо вам, Петр Эдуардович, за откровенный разговор. Со мной никто еще не говорил так. И я действительно только и делал, что собирал аргументы «за» и «против».

– Но что заставляло вас это делать?

– Не знаю. Может быть, все началось с того, что мне чуть не с детства не давала покоя одна идея. Я никак не мог определить для себя, что такое совесть? Мне всегда казалось странным, удивительным и непонятным это качество человека. Ведь его совершенно нельзя вывести из общепринятых представлений о происхождении человека из звероподобных предков. Никакая борьба за существование, никакой естественный отбор не могли привести к возникновению совести. Вот это, видимо, и было первым толчком к мысли о существовании Бога. Но, с другой стороны, я все больше убеждался, что совесть зачастую восстает и против так называемых божьих заповедей. Значит, Бог тут ни при чем? А если Бог, как вы считаете, все-таки существует, то что выше – Бог или совесть?

– Гм... Бог или совесть? Вопрос поставлен не совсем корректно. Хотя, помнится, в вашем возрасте я тоже задавал себе подобные вопросы и, естественно, не находил на них ответа. Теперь я смогу, пожалуй, ответить вам. Совесть человека – это голос Бога. Ибо только так Бог и может подсказывать человеку, как поступать ему в той или иной ситуации.

– Значит, Бог и совесть – одно и то же?

– Нет, это было бы слишком большим упрощением. Точнее будет сказать, что совесть – это язык, на котором Бог разговаривает с человеком или, выражаясь техническими терминами, это инструмент, с помощью которого Бог общается с человеком.

– А если голос совести входит в противоречие с божьими заповедями?

– Божьи заповеди не догма. Все зависит от конкретной обстановки. И вот как скорректировать их в каждом конкретном случае, Бог и подсказывает человеку через его совесть.

– Значит, поступая по совести, человек никогда не погрешит против Бога?

– Да, если он действительно поступает по совести, а не старается лишь убедить себя в этом.

– Спасибо, Петр Эдуардович. Теперь я знаю, что мне делать, – решительно заявил Никита.

- Только не забывайте, что Бог наградил человека не только совестью, но и разумом, – улыбнулся Берг.
- Чему же следует отдать предпочтение?
- Ни тому, ни другому. Бог дал человеку право выбора, и надо уметь этим правом воспользоваться. Помните, в прошлый раз у Шевцовых возник спор об интеллигенции? Я не счет тогда нужным навязывать свою точку зрения. А сейчас скажу вам: именно умение находить линию равновесия между голосом совести и голосом разума и составляет главную сущность интеллигентности.
- Понятно...
- Вот и чудненько, – снова улыбнулся Берг. – А теперь обедать!

34

На этот раз он увидел Алекса рано утром, на пути в столовую. Тот явно поджидал его у перекрестка, и Никита заранее приготовился к очередной неприятности.

Бомж был, как всегда, немногословен:

- Слухай сюда, доцент. Ты на рынке бываешь?
- Очень редко, – признался Никита.
- А сегодня придется туда сходить. Зеленый киоск «Пиво – воды» знаешь?
- Тот, что возле ларька с комиссионными товарами?
- Вот-вот! К нему и подскочишь часам к одиннадцати. Там в это время встретятся два известных тебе человека, и тебе надо обязательно узнать, о чем они будут говорить.
- Кто же будут эти двое? – не удержался от вопроса Никита.
- Там увидишь, – коротко бросил бомж. – А разговор у них должен быть важнецким. И, сдается мне, что знать о нем вам с Ингой Никитичной надо обязательно. Все понял?
- Послушайте, Алекс, – возразил Никита, – мы с вами знакомы уже порядочное время, я очень признателен вам за все ваши предостережения и вообще отношусь к вам с искренним уважением, но почему вы постоянно говорите со мной какими-то полунамеками. Кто все-таки будут эти двое, о чем они будут говорить, почему этот разговор так важен для нас с Ингой?
- Я сказал все, что мог, больше добавить нечего, – упрямо тряхнул головой бомж. – А на рынок сходи и разговор тех двух подслушай, сам увидишь, не зря я тебя туда послал. Будь здоров, доцент! – он по обыкновению чуть приподнял над головой свою кепчонку и медленно пошел вдоль по улице.

Никита не стал его удерживать, знал, что больше из него не выудишь ни слова, как и то, что слов на ветер он не бросает. Пришлось оставить все намеченные на этот день дела и в одиннадцатом часу отправиться на рынок.

К сожалению, киоск «Пиво–воды» стоял особняком. Возле него не было никакого надежного укрытия. Можно было спрятаться лишь за углом комиссионного ларька. Но удастся ли оттуда что-нибудь услышать?

Как бы то ни было, ничего другого было просто не придумать. Приходилось рассчитывать на случай. Тем более что обстановка у киоска постоянно менялась: то к нему выстраивалась длинная очередь, то не оставалось почти ни одного человека. Все будет зависеть от того, как велика будет здесь толпа, где останутся те двое. Много будет значить также то, что это будут за люди. Впрочем...

Вот это было уже сверх всякого ожидания! Без пяти минут одиннадцать к киоску подошла... Анна Петровна, жена Гридина. Неужели ее имел в виду Алекс? А почему бы и нет. Кому же назначила свидание эта экстравагантная особа?

Подойдя к киоску, Анна Петровна остановилась, посмотрела по сторонам, потом отошла чуть в сторону и стала терпеливо ждать. Но кого же? Кого?! Наверное, все-таки мужчину. А вот, кажется, и он. Да, несомненно он! С противоположной стороны рынка торопливо шагал, направляясь прямо к Анне Петровне, высокий молодой человек в шляпе. Ба, да это же... Это же Погодин! Вот так сюрприз! Анна Петровна и Погодин! Что может быть

между ними общего? Уж, наверное, не любовная связь! Дорого бы заплатил сейчас Никита, чтобы услышать, о чем будут говорить эти два человека. Ну, увы, с такого расстояния нечего было и думать услышать хоть одно слово. А выйти из-за укрытия нельзя. Оставалось гадать по выражению их лиц. А разговор шел, по-видимому, действительно о чем-то важном. Похоже было, что Погодин в чем-то убеждал Анну Петровну, а та все время покачивала головой, видимо, не соглашаясь с его доводами.

Наконец договоренность была как будто достигнута: Анна Петровна согласно кивнула Погодину, а тот вынул из портфеля большую пачку денег и вручил их жене академика. На этом «официальная часть переговоров» была закончена. Погодин фамильярно похлопал свою собеседницу по плечу и, стрельнув глазами по сторонам, пошел к выходу с рынка, явно довольный состоявшейся сделкой, а Анна Петровна долго еще оставалась на месте, и по лицу ее было видно, что полученные деньги если и не жгли ей руки, то, во всяком случае, заставляли идти на сделку со своей совестью.

Все это не могло не насторожить Никиту. Ясно, что деньги были переданы Анне Петровне за какую-то услугу. Но что за услуга понадобилась от нее Погодину, а следовательно, Строеву? Не надо было быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, что услуга эта имела прямую связь с работами Гридина. Но какую именно? Что теперь затеяли директор института иммунологии со своим опричником? Как выяснить это? Как помешать их новому замыслу? Разве со Светланой потолковать...

Он выждал, пока Анна Петровна скроется из глаз и не мешкая отправился в библиотеку. К счастью, Светлана была там.

– А-а, Никита! – встала она ему навстречу. – Где ты запропастился? Думала, уж и сегодня не заглянешь сюда. А тут такое дело... Пойдем посекретничаем.

Они спустились по лестнице в вестибюль, остановились у раскрытого окна.

– В парк не пойдем, дождь собирается, а меня что-то знобит, – зябко поежилась Светлана. – Здесь поговорим.

– Да, поговорить есть о чем.

– Ты тоже что-нибудь узнал?

– Есть кое-что. Но сначала скажи, что за новость у тебя?

– Новость убойная. Помнишь, я говорила, что дела с наукой у нас – швах?

– Помню, конечно.

– Так вот, дошло до того, что Строеву на президиуме закатили строгий выговор.

– Я слышал об этом.

– Еще бы не слышать! Сейчас все только об этом и говорят. А через месяц у нас пере выборы директора. Понимаешь, чем это пахнет для Строева? Да разве для одного Строева! И вот, чтобы поправить дело, Строев с Погодиным замыслили выкрасть у Гридина результаты его последних исследований...

– Что значит выкрасть результаты научных исследований? Это же не часы с бриллиантами!

– Я уж не знаю, что значит, но слышала сама, как Строев с Погодиным договаривались пробраться в дом академика и вынести какую-то научную документацию.

– Слышала сама?! Как это?

– Я в тот вечер принесла Строеву главы диссертации для проверки. Смотрю, секретаря нет, а дверь в кабинет приоткрыта. Я было к двери, да слышу, там голос Погодина. Ну, думаю, пусть сначала этот хмырь выйдет, потом я зайду. А они как раз это дело обговаривают. Строев-то, как я поняла, хотел какого-то уркагана нанять. А Погодин говорит: зачем лишнего человека посвящать, да и что он смыслит в научной документации? Он, Погодин, дескать, сам проберется в дом академика и вынесет все что надо. Больше я ничего не слышала, кто-то из них прихлопнул дверь. Но вот эти слова: «научная документация» и «вынесу все что надо», так и звучат у меня в ушах. Не веришь?

– Нет, почему же, это на них похоже. Строев и не на такое способен. Но разве это так просто – забраться в дом академика? А впрочем... Так вот о чем договаривались Погодин и Анна Петровна, – догадался Никита.

– Какая Анна Петровна? – не поняла Светлана.

– Анна Петровна – жена академика Гридина, и я только что видел, как Погодин всучил ей пачку денег. Теперь мне понятно, чего он от нее хочет.

– Помочь забраться в дом академика?

– Конечно! Или вынести ему все что надо.

– Но как можно, чтобы жена...

– Жены разные бывают.

– Что же делать, Никита? Ведь если им удастся выкрасть какие-то ценные материалы Гридина и выступить с ними, выдав за свои, на ближайшей конференции, то институту еще пять лет терпеть на шее этого прохвоста.

– Сделать что-то надо, хоть это будет и нелегко. Есть, правда, у меня одна зацепка, – вспомнил Никита «козырь», о котором говорила Анастасия Ивановна.

– Да? В самом деле, ты что-то хотел сказать мне.

– Это длинная история, а сейчас... Как я сразу не сообразил! Мы еще потолкуем с тобой, Света. А сейчас мне надо посоветоваться с одним хорошим, умным человеком.

– Подождет твой хороший человек! Скажи сначала, о какой зацепке ты упомянул?

– После, Света, после! Время не терпит. Они могут уже завтра нагрянуть к академику, и тогда... Словом, надо сегодня же что-то придумать, иначе будет поздно. А одним нам ничего не сделать. Надо поднять на ноги всех друзей Гридина, я знаю кое-кого из них. Ты же последи за Погодиным и если заметишь что-нибудь стоящее, сразу звони мне через вахтера общежития, он вызовет меня. До завтра, Света! – он стиснул руку девушки и выскочил под накрапывающий дождь.

Что можно было сделать, чтобы не дать Погодину выкрасть бумаги Гридина, он не мог пока и представить. Честно говоря, мало было надежд и на Анастасию Ивановну. Что она сможет подсказать в столь необычном для нее деле? Уж если с кем и следовало бы поговорить, так это с самим академиком. Но как подойти, как обратиться к нему? Вот об этом неплохо посоветоваться и с Кедровой.

35

И уже через полчаса Никита сидел в уютной комнате Анастасии Ивановны и рассказывал все, что узнал от Светланы и что сам увидел сегодня утром на рынке.

– Да, дело серьезное, – сказала Кедрова, выслушав Никиту. – Речь, однако, идет не о каких-то результатах последних исследований Льва Яковлевича. Это камуфляж. Никакими материалами Гридина Строев не сможет воспользоваться в своих научных выступлениях. Это не так просто. Речь идет о другом. Речь может идти только о препарате Льва Яковлевича. Именно за ним охотится Строев. И не для того, чтобы поддержать свое научное реноме. В этом ему не помогут ни раскрытие состава препарата, ни какие бы то ни было научные идеи, украденные у Гридина. Строев как ученый – труп. И лучше всего это понимает он сам. Все его карты биты. К руководству академии пришли но-иные люди, настоящие ученые. Прежние связи Строева с высокопоставленными партийными функционерами лопнули. Л научный потенциал его равен нулю. В такой ситуации от него отвернутся даже самые ретивые из его приспешников. Это и заставляет Строева спешить и идти на самые крайние меры. За препаратом же он охотится, как и Николай Гридин, только потому, что его можно продать за рубеж и получить горы валюты. Это последнее, что еще может сделать Строев. После этого, я не сомневаюсь, он и сам сбежит за границу. Скатертью, я сказала бы, дорога! Но ты представляешь, какая это будет потеря для России? Я имею в виду, разумеется, препарат, а не Строева.

– Еще бы! – рассмеялся Никита.

– Значит, надо помешать этому, дружок.

- Понятно, что надо. Но как? Что тут можно сделать?
- Давай подумаем вместе.
- Может быть, рассказать обо всем Льву Яковлевичу?
- Пустое! Ты не знаешь академика Гридина. Он только рассмеется в ответ и пальцем о палец не ударит, чтобы обезопасить себя от преступников.
- Тогда что же?
- Давай думать дальше. События, как мне представляется, будут развиваться по следующему сценарию. Единственным человеком, который может помочь Погодину пробраться в дом Льва Яковлевича и быстро сориентироваться, где искать препарат и относящуюся к нему документацию, является так называемая «жена» академика. Уговорить ее легко, так как ей тоже нужны деньги. Много денег! Поскольку она привыкла жить на широкую ногу, а время, отпущенное судьбой Льву Яковлевичу, увы, не безгранично, и никакого наследства он ей не оставит, по той простой причине, что никаких накоплений у этого альтруиста нет. Превратить в деньги научное наследие академика она также не сможет: для этого нужно хоть мало-мальски разбираться в тех проблемах, над которыми он работал. А вот Строев может ей эти деньги дать или, по крайней мере, пообещать дать. И Анна Петровна, похоже, на такую приманку клюнула. То, что ты видел на рынке, был, безусловно, только аванс, и поскольку она приняла его, можно сказать, что первая часть плана Строева успешно осуществилась.
- Что будет дальше? Естественно, самым удобным для Строева вариантом было бы согласие Анны Петровны самой выкрасть и передать ему все данные о препарате. Но она при все желании не сможет этого сделать, потому что абсолютно ничего не смыслит в наших делах. Вот почему ему понадобился Погодин. Погодину он действительно мог сказать, что все это нужно для восстановления их научного престижа. Но скорее всего и Погодину были обещаны деньги. Так вот, с помощью Анны Петровны Погодин должен будет проникнуть в кабинет Льва Яковлевича и, пользуясь ее указаниями, забрать все, что касается препарата Гридина, причем сделать это почти без всякого риска: ведь если даже Лев Яковлевич и застанет его на месте преступления, то что он, старый больной человек, сделает с молодым здоровым парнем, а позднее милиция, опять-таки не без помощи Анны Петровны, квалифицирует все это как элементарную квартирную кражу, процент раскрытия которых, увы, приближается к нулю.
- Но ведь Лев Яковлевич может узнать Погодина, может поднять крик, позвать на помощь.
- Погодина Лев Яковлевич скорее всего не знает, да и не такой тот дурак, чтобы пойти на дело без маски. А что касается крика о помощи... Да, об этом они должны будут подумать. И на этом можно здорово сыграть.
- Кому сыграть?
- Нам сыграть, дорогой Никита. Но об этом чуть позже. А теперь продолжим наш сценарий. Итак, Погодин забирает все материалы по препарату, благополучно выносит их из дома Гридина, и только тогда любимая жена академика входит к нему в кабинет, помогает Льву Яковлевичу успокоиться, снимает с него путы, если Погодину пришлось связывать его, или приводит в чувство, если преступник как-либо лишил его сознания, и попутно ликвидирует все следы, ненароком оставленные Погодиным, а главное – уговаривает не поднимать шум и не звонить в милицию. Думаю, что у дражайшей половины Льва Яковлевича найдутся для этого убедительные доводы.
- Ну а дальше совсем просто. Пока будет идти следствие, если оно вообще будет, пока станут разыскивать воров, если их вообще станут разыскивать, Строев и Погодин расшифруют все записи и формулы Льва Яковлевича – на это у них ума хватит, – и бесценное открытие уплывет за океан.
- Так что же делать, Анастасия Ивановна, может, заранее сообщить обо всем в милицию?

- Нет, это не выход. В милиции потребуют доказательств. А что мы сможем им представить? Да и кто дал нам право просить милицию о защите академика без его ведома?
- Так что или кто может остановить этих негодяев, не дать им совершить это черное дело?
- Только ты, Никита, сможешь предотвратить преступление и спасти честь, а может быть, и жизнь Льва Яковлевича, а главное – сохранить для России его бесценное открытие.
- Я?! Каким образом?
- Самым простым, хотя и достаточно рискованным. Скажи, у тебя есть друг, на которого ты мог бы положиться как на самого себя?
- Да, есть.
- Так вот, единственная возможность предотвратить несчастье – это накрыть вам с другом Погодина на месте преступления и задать ему хорошую трепку. Тогда и академик поймет, что не следует быть таким беспечным. Или ты не решишься на это?
- Я не решусь?! Как вы могли так подумать, Анастасия Ивановна? Ведь речь идет не только о Льве Яковлевиче и его открытии, но и о благополучии Инги. А ради Инги...
- Спасибо, дружок. Ведь Инга для меня...
- Вы тоже любите Ингу?
- Как можно не любить такую славную девушку?! Да к тому же... Но это после, после! А сейчас продолжим о деле. Так вот, если бы ты точно знал, когда Погодин проникнет в дом академика, то, я уверена, вам с другом не составило бы большого труда справиться с ним.
- Но как узнать, когда он пойдет на это?
- Вот! Вот об этом давай и порассуждаем. Время, когда лучше всего можно забраться в дом академика, должна будет сообщить Погодину Анна Петровна. Больше никому.
- Да, пожалуй.
- Значит, у нее и надо выведать этот срок.
- Так разве она скажет?
- Сама, добровольно, конечно, не скажет. Придется заставить ее это сделать. А еще лучше – самим навязать ей нужный день и час.
- Как это?
- А вот как. Что больше всего способствовало бы успеху Погодина? Очевидно, больше всего его устроило бы полное безлюдье в доме Гридина, то есть чтобы не было там в это время ни Инги, ни Глафиры Сергеевны, ни Семена Макаровича, ни тебя... Да-да, теперь он должен будет предвидеть возможность и твоего присутствия. Почему так? Да потому что, ты сам сказал, Лев Яковлевич может поднять крик, позвать на помощь. Разве можно будет им не предвидеть это? А если в доме никого из вас не будет? Тогда кричи не кричи... Отправьтесь все четверо... ну, скажем, в цирк. Да сделайте так, чтобы об этом заранее узнала Анна Петровна. Но сделайте осторожно, ненавязчиво, не просто объявите ей об этом, а пусть Инга, предположим, попросит у нее разрешения взять с собой Глафиру Сергеевну и Семена Макаровича, ну и, естественно, посмотрите на реакцию Анны Петровны. Если та воспримет это с радостью или хотя бы с чувством удовлетворения, то считайте, что срок установлен. Причем не только день, но и час появления незваного гостя, поскольку в цирке вы должны будете пробыть с восьми до одиннадцати часов вечера.
- Словом, точь-в-точь как это сделала Вера, назначив свидание Печорину, – невольно рассмеялся Никита.
- Да, примерно так.
- Но если все мы будем в цирке, то что толку... Значит, я должен буду вернуться в дом Гридиных?
- И ты, и Инга. В цирке останутся только Семен Макарович и Глафира Сергеевна. Вы же с Ингой и твоим другом незаметно вернетесь в дом и спрячетесь где-нибудь в укромном месте так, чтобы, услышав шум, крики или что-нибудь в этом роде, быстро ворваться в кабинет Льва Яковлевича и захватить Погодина на месте преступления.

- Ну что же... Так и сделаем,— согласился Никита.— Кажется, вы все предусмотрели.
- Да. Только вот твой друг...— закусил губу Анастасия Ивановна. — Ты абсолютно в нем уверен? Ведь стоит ему подвести тебя, не прийти в условленное место или опоздать к назначенному часу, как не только сорвется весь наш замысел, но все станет небезопасным и для вас с Ингой.
- Олечка-то подведет! — хмыкнул Никита. — Нет, я за него головой ручаюсь!

36

Однако Олег, к удивлению Никиты, более чем прохладно отнесся к идее подстеречь Погодина и не дать ему выкрасть ценные документы Гридина.

– Не может быть, чтобы Славка пошел на такую авантюру,— убежденно заявил он, выслушав Никиту.— Слушай ты больше эту Светку. Она и не такого наплетет.

– Но, говорю тебе, я сам видел, как Погодин всучил жене академика кучу денег.

– Видел, но не слышал, о чем они говорили. Может, и у нее он хотел лишь выведать, над чем работает сейчас академик. Ты же знаешь, что у него бзик какой-то. Он словно помешался на идее спасти человечество от искусственных суперменов.

– А откуда у Погодина столько денег?

– Ну, мало ли...

– Ничего не мало ли! Только Строев мог подослать Погодина к жене академика.

– Пусть Строев. Но почему ты веришь какой-то древней старухе, что они с Погодиным решили похитить у Гридина его препарат и какие-то там его открытия? Почему не допустить, что и Строеву хочется всего лишь выведать, что маркует академик сейчас там, у себя на даче? Ведь весь юрод судачит о каких-то монстрах Гридина. А кому, как не директору института иммунологии, внести ясность в это дело. Вот он и старается.

– Ты просто не хочешь взглянуть правде в глаза, Олег.

– А у тебя такой же бзик, как у Славки Погодина. И вообще, Никита, черт знает, чем ты занялся! Ну, Инга и всякие там амуры — это я еще понимаю. Но твой частный сыск или что-то в этом роде — он зачем тебе понадобился? И главное сейчас, когда до конца аспирантуры остались считанные недели. Ты, я смотрю, уж и не заглядываешь в диссертацию, а ведь одно техническое оформление ее займет не меньше месяца.

– Ты же знаешь, я не могу продолжать работу над диссертацией, пока не придут результаты экспериментального бурения из экспедиции Георгия Александровича.

– А если результаты окажутся все-таки отрицательными?

– Тогда кому она будет вообще нужна, моя диссертация?

– Тебе! Тебе, дураку, нужна! — с жаром воскликнул Олег.— Ты останешься без кандидатской степени, если будешь сидеть и ждать, как у моря погоды, этих результатов производственного эксперимента, вместо того чтобы поскорее оформить все, что уже есть, и защититься, пока никто тебя не обскакал.

– Нет, Олег, я поступил в аспирантуру не ради степени.

– Так ради чего же?! — искренне удивился Олег.

– А для того, чтобы доказать свою идею. И если она не подтвердится, то нечего мне в науке и делать.

– Ну, знаешь...

– Да, это так. А сейчас для меня важнее всего — спасти для России открытие Гридина. Я уверен, что Строев решил выкрасть его и продать за границу. И не только потому, что так думает Кедрова. Об этом говорит вся обстановка в институте иммунологии. Помнишь, что говорил об этом твой отец?

– Может быть, ты и прав, — сбавил тон Олег. — Но где тебе одному осилить таких акул?

– Почему одному? Я рассчитываю и на твою помощь. Или ты отказываешься пойти со мной на дачу Гридина?

– На дачу я пойду, только не верится все-таки, что Славка способен на такое дело. И потом... не представляю я себя в роли детектива.

– Никакой роли детектива тебе играть и не придется. В крайнем случае придется помахать кулаками.

– Схватиться на кулаках со Славкой? Вот уж не гадал, не думал!

– А что, боишься не справишься?

– Со Славкой-то? Да он лишь языком молоть мастер. Вот только...

– Что только?

– Нафискалить может своему шефу. А ты знаешь этих профессоров... Помнишь, как пригрозил тебе Красильников с подачи того же Строева?

– Так неужели тебя это испугает?

– Нет, это я так, к слову. А вот если ты окажешься все-таки не прав, то представляю, как потряхнет нас из своего дома Гридин!

– Если я окажусь не прав, то Гридин нас и не увидит. Зато если все будет так, как я предполагаю, то не нам с тобой, а Погодину придется сгореть со стыда.

– Ладно, когда мы должны заступить в засаду? Или с неделю придется посидеть где-то под гридинским крыльцом?

– Нет, сейчас вот, – Никита взглянул на часы, – минут через десять-пятнадцать я встречусь с Ингой, и все, наверное, решится: мы придумали, как точно вывести у них срок проникновения Погодина на дачу.

– Даже?!

– Да. Так что я отниму у тебя всего один вечер. А сейчас бывай! Завтра утром увидимся здесь же, в библиотеке, и решим все окончательно.

Инга ждала его на условленном месте, в дальнем конце парка, и Никита еще издали увидел, как она волнуется и нервничает, прохаживаясь по безлюдным дорожкам и без конца поглядывая на часы. Он поспешил ей навстречу:

– Ну что, Инга, говорила ты с Анной Петровной?

– Я сделала все, как ты сказал.

– А она?

– Все получилось, как мы думали: когда я сказала, что в субботу мы возьмем с собой в цирк дядю Семена и тетю Глашу, она так обрадовалась, будто получила подарок. И потом бел конца лебезила передо мной. А после обеда куда-то ушла и пропадала до самого вечера.

– Ну, ясно, ходила предупредить Погодина. Им было о чем поговорить. Но ты сказала, в субботу? Значит, послезавтра?

– Да, послезавтра. Боишься, Никитушка?

– Волнуюсь, конечно.

– А я боюсь. За тебя и за дедушку боюсь.

– Кстати, как он чувствует себя?

– Пока ничего. Но, сам понимаешь...

– Да, для него это будет особенно тяжело.

– Может быть, все-таки предупредить его?

– Нет-нет, он может спугнуть Погодина, и они начнут нее снова. Надо покончить с этим раз и навсегда.

– А как Олег? Ты говорил с ним?

– В принципе мы с ним договорились обо всем. Завтра уточним последние детали.

– Только бы не подвел он тебя!

– Не должен бы...

– Ой, страшно, Никитушка, так страшно...

– Ну что ты, глупышка! Нас же будет трое против одного.

– Да, и все-таки... Помоги тебе Бог, Никитушка! Значит, если мы завтра не увидимся, ты придешь ко мне послезавтра, часов в семь вечера. До свидания, милый! – она поцеловала его в щеку и побежала к выходу из парка.

На другой день утром, едва перекусив в буфете, Никита поспешил в библиотеку, чтобы окончательно обсудить с Олегом, как лучше провести задуманную операцию. Вчерашний разговор с ним расстроил Никиту. Он ожидал от приятеля большего участия и потому шел к нему сегодня с тяжелым сердцем. Занятый своими мыслями, он не заметил даже Светланы, спускавшейся ему навстречу. Однако она окликнула его:

– Ой, Никита! Ты куда так мчишься? Чуть с ног меня не сбил!

– Прости, Света, тороплюсь увидеть О лежку, боюсь, как бы он с утра в лабораторию не утек.

– Там наверху твой Олежка, над книгами сидит. Успеешь с ним наговориться. Расскажи лучше, что твои хорошие, умные знакомые присоветовали?

– Вот об этом я и хочу поговорить с Олегом. Придется нам с ним подстеречь Погодина и проучить его как следует.

– Фью! – присвистнула Светлана. – Подстеречь Погодина! Это и я могла бы тебе посоветовать. Да так он вам и дался! Это же помесь лисы с шакалом! Что вы, день и ночь будете караулить его у дачи Гридина?

– А вот в этом мне помогли «хорошие умные знакомые». Они так все рассчитали и взвесили, что караулить Погодина придется всего лишь несколько часов.

– И назвали тебе эти часы?

– Да, все свершится завтра с восьми до одиннадцати часов вечера. Именно в это время Погодин должен забраться в дом академика и...

– И никуда он в это время не заберется! – подхватила со смехом Светлана. – Не знаю, на какой гуще гадали твои умные знакомые, а я точно скажу тебе, что завтра Погодина вообще не будет в нашем городе. Потому что уже сегодня вечером он уедет на целую неделю в командировку.

– Как уедет? Откуда ты знаешь?

– Сама видела приказ директора на доске объявлений. Да и слышала, как он в аспирантской хвалился, что выбил такую выгодную поездочку – в Москву, на всероссийский симпозиум. Даже билет всем показывал. Мне и то показал!

– Всем показывал железнодорожный билет? Зачем это?

– Не знаю...

– А я знаю! Все это ложь, камуфляж! Все это нужно ему, чтобы предъявить потом как алиби. Вот негодяй! Светочка, дорогая, попробуй узнать, на каком поезде он якобы собрался ехать.

– А я и так знаю. На шестьдесят шестом, сегодня в десять вечера, вагон двенадцатый, не помню только, какое место. Хочешь удостовериться, что это именно так?

– Хочу удостовериться, что это как раз не так.

– Как раз не так? А ведь это в самом деле легко проверить. Стоит только пойти на вокзал, к двенадцатому вагону... Ну, Никита, ты, оказывается, тоже непрост! Как же вы со своими знакомыми узнали, что именно завтра Погодин заберется в дом академика?

– Долго объяснять, Света. А мне надо скорей с Олежкой поговорить. Времени осталось – в обрез. А в таком деле, сама понимаешь...

– Ну, топай. Счастливо вам обоим.

– Не беспокойся, прижмем хвост вашему Погодину, – Никита вбежал по лестнице в читальный зал, подсел к Олегу:

– Так вот, Олежка, все свершится завтра вечером, после восьми. И если ты не раздумал помочь мне, то договоримся так: приходи завтра к восьми вечера к даче Гридина. Ты знаешь ее?

– Кто здесь не знает дачу Гридина?

– Так вот, подойди незаметно к даче. Но не с той стороны, где калитка, а с противоположной, со стороны просеки. Там я тебя встречу.

- Да не придется тебе меня встречать, – усмехнулся Олег. – И самому нечего будет делать на даче. Славка уезжает сегодня на всю неделю.
- Это он вчера на секции сказал?
- Ну да.
- А билет тебе, случайно, не показывал?
- Мне – нет. А тренеру своему показывал, потому как тот не хотел его отпускать: соревнования могут сорваться. Так что успокойся, Никита. И успокой свою ненаглядную невесту. Никто вас завтра не потревожит.
- Спасибо тебе на добром слове, только знаешь что, хочешь пари?
- Какое еще пари?
- А вот какое. Погодин как уезжает, на шестьдесят шестом?
- Вроде так он говорил.
- В двенадцатом вагоне?
- А ты откуда все это знаешь?
- Неважно откуда. А только бьюсь об заклад, что никуда сегодня Погодин не поедет. Не веришь?
- Нет, конечно. С какой стати...
- А не веришь, так давай пойдем сегодня на вокзал к отходу шестьдесят шестого. И если Погодин действительно уедет, можешь потребовать у меня что угодно.
- А если не уедет?
- То я потребую у тебя что захочу.
- Идет! – загорелся Олег. – Пари так пари! Встретимся полдесятого на вокзале. Да... вот еще что. Светка сказала, что ты ее на днях с каким-то аспирантом с кафедры минералогии познакомил...
- А-а, это Валерка Шляхтин. Увидел нас как-то вместе и пристал как репей, познакомь да познакомь его с этой «шикарной биологичкой».
- Так и сказал: с шикарной биологичкой?
- Что-то в этом роде.
- Ему что, тоже дела в институте иммунологии покоя не дают?
- Нет, он, похоже, больше самой иммунологиней заинтересовался.
- Гм... Самой иммунологиней... Что ему там, у вас, на геофаке пары не нашлось?
- Да у нас, сам знаешь, с дамским персоналом – дефицит. А ты чего вдруг всполошился? Или сам в Светке какую-то изюминку рассмотрел? В ней, в самом деле, есть что-то такое...
- Очень нужно что-то в ней рассматривать! – вспыхнул Олег. – Просто так спросил.
- Ну-ну, – внутренне усмехнулся Никита. – А девушка она стоящая. Недаром Валерка принялся ее обхаживать.
- Ладно. Мне все это – до лампочки! Значит, в полдесятого на вокзале.
- Да, у переходного моста.

38

На этот раз дверь Никите открыла сама Анна Петровна, и он не мог не подивиться завидному самообладанию и иезуитскому коварству этой женщины. Глаза ее сияли прямо-таки ангельской добротой.

174

- Проходите, проходите, Никита Владимирович, – проворковала она бархатистым голосом. – Инга сейчас выйдет, только переоденется. А вы сегодня просто комильфо! Честное слово! Этот костюм вам так к лицу! А вот и Инга с Глафирой. Инга, голубушка, может, чайку попьете на дорожку?
- Нет, тетя, спасибо. Время идти. Лучше мы не торопясь прогуляемся на воздухе. Погода чудная. А дядя Семен... он не собрался еще?

– Семен! Семе-ен! – крикнула Анна Петровна в полуоткрытую дверь. – Где ты запропастился? Все давно ждут тебя.

– Сейчас иду, только сапоги почищу, – ответил тот невозмутимым голосом.

– Нашел время чистить! Не мог пораньше. Вечно тебя ждать приходится. Да что вы стоите, Никита Владимирович? Садитесь вот хоть сюда, на пуфик. Инга, поухаживай за своим кавалером. Какая вы чудесная пара! Ну, наконец-то!

обратилась она к появившемуся в дверях Семену Макаровичу, крупному сухощавому старику с пышными усами, но почти голым черепом. – Господи, да чем ты сапоги начистил?

– Сапожным кремом, чем же еще, – буркнул Семен, не поднимая головы.

– Так от них несет как от дегтярной бочки! Ты ж не на рынок собрался.

– Что ж теперь, без сапог идти? – мрачно пробубнил старик.

– Ладно уж, – махнула рукой Анна Петровна. – Ну, с Богом, с Богом! Прощайте, Никита Владимирович. Заходите к мам почаще. Здесь вам всегда рады.

Спасибо, Анна Петровна, зайду еще не раз, – ответил Никита, еле скрывая раздражение.

– А ты, Семен, сразу после цирка домой?

– Куда же еще, к волкам в лес, что ли?

– Знаю я твой лес, пивная-то на углу до полуночи открыта. – Глафира, ты уж пригляди за ним, не отпускай одного.

Не беспокойтесь, Анна Петровна, доставим Семена Макаровича прямо к вам в дом, живого и невредимого. Спокойной вам ночи, – поспешил вмешаться Никита, пропуская вперед себя обеих женщин и Семена.

Старик был явно польщен оказанной ему честью сопровождать на цирковое представление Ингу с ее женихом, всю дорогу увлеченно рассказывал Никите о своих секретах садового искусства и даже расстроился немного, когда у входа в здание цирка Инга остановила его и сказала:

Нот ваши с Глафирой Сергеевной билеты, дядя Семен, идите занимайте места. А нам с Никитой надо еще зайти кое-куда. Идите, идите! Все равно наши места в другом секторе. Четырех подряд не оказалось в кассе.

Старик хотел что-то возразить. Но надвинувшаяся толпа уже подхватила их с Глафирой Сергеевной и повлекла к ярко освещенному входу, где два дюжих молодца в униформе тщательно проверяли билеты у жаждущих поглазеть на заграничных клоунов и эквилибристов.

Теперь нужно было незаметно вернуться к даче, а так как сумерки еще не успели сгуститься, было достаточно светло, и до восьми оставалось совсем немного времени, то лучше всего было воспользоваться такси. К счастью, Никита скоро разыскал свободную машину, и уже через несколько минут они высадились в самом конце академгородка, откуда можно было быстро и никем не замеченными выйти к просеке напротив дачи Гридиных. Осталось дожидаться Олега и скрытно, через сад, по знакомой Никите дорожке пробраться к задней стене дома, где была дверь, ведущая прямо в библиотеку академика.

Время приближалось к восьми. Никита пересек просеку и встал за одну из пышных елей у кромки леса, не спуская глаз с гридинского забора. Олега там не было. Не видно было его и дальше на просеке, хотя вся она просматривалась еще довольно хорошо. Инга стояла у Никиты за спиной, не произнося ни слова, ни малейшим движением не выдавая своего присутствия. Но он чувствовал, как все в ней напряглось от волнения.

Так прошло минут десять. Потом – пятнадцать. Двадцать! Сумерки начали сгущаться все больше. Дальний конец просеки совсем утонул в густом мраке. Олег по-прежнему не появлялся.

Что же могло случиться? Вчера на вокзале он сам убедился, что Погодин никуда не уехал, и, следовательно, предположения Никиты более чем основательны. Там же, на вокзале, они еще раз уточнили место и время встречи. И тем не менее Олег так и не пришел.

Никита снова взглянул на часы. Время приближалось к половине девятого. Стало совсем темно. Больше медлить было нельзя. Погодин мог нагрянуть с минуты на минуту.

– Пойдем, Инга, – шепнул он, взяв ее за руку. – Иначе можем опоздать.

– Но как же ты без Олега?

– Ничего. Там видно будет...

– Ой, страшно, Никита!

– Пойдем, пойдем! Чего страшно? Погодин один, а нас с Львом Яковлевичем будет все-таки двое. К тому же у преступника всегда больше оснований бояться.

– Ну, пойдем...

Они бесшумно проскользнули сквозь лаз в заборе, осторожно поднялись по еле заметной в темноте тропинке к дому, благополучно прокрались в библиотеку.

В доме было тихо.

– Теперь слушай, Никита, – зашептала Инга. – Отсюда, из библиотеки, есть выход прямо в коридор. Там, слева, почти в конце его – обитая войлоком дверь. Она ведет в комнату, из которой можно подняться по лестнице на второй этаж. Дверь эта всегда заперта. Мне, как я уже говорила, было строго-настрого запрещено входить в нее. Но Анна Петровна могла подниматься наверх в любое время. У нее есть собственный ключ.

– А другого пути наверх нет? – поинтересовался Никита.

– Нет, туда идет одна-единственная лестница. Только по пей можно подняться в лабораторию деда.

– Значит, Погодину не миновать этой двери?

– Ни этой двери, ни этого коридора.

– А отсюда, из библиотеки, можно видеть дверь?

– Нет, коридор делает изгиб. Но в конце его есть небольшой чуланчик. Дверь в него не запирается. Там дядя Семен хранит свой садовый инвентарь. В этом чулане мы и спрячемся.

– Тогда пошли.

Инга приоткрыла дверь и прислушалась. Из коридора, слабо освещенного одной матовой лампочкой, не доносилось ни звука. Она тронула Никиту за плечо:

– Пошли.

Они тихонько, на цыпочках, прокрались в чулан, закрыли за собой дверь. В чулане было темно и душно. Пахло пылью и сухой травой.

– Давай приоткроем немного дверь, – шепнула Инга. – снаружи это будет незаметно, зато нам будет легче дышать. Кто знает, сколько придется тут просидеть.

– Да, пожалуй, – Никита встал так, чтобы сквозь образовавшуюся щель можно было хорошо видеть вход на лестницу. Инга примостилась у него за спиной. Теперь оставалось только ждать.

Впрочем, ждать пришлось недолго. Уже через четверть часа к дальнему концу коридора, за входом в библиотеку, послышались шаги, а еще через мгновение из-за поворота вывернули две человеческие фигуры. В передней из них Никита узнал Анну Петровну. А за ней... За ней вышагивало нечто совершенно невообразимое. Только присмотревшись внимательнее, Никита понял, что это был мужчина с натянутым на голову капроновым чулком. Анна Петровна шла уверенно, как и подобает хозяйке дома. Погодин же – теперь, когда они подошли ближе, Никита все-таки узнал его, – явно нервничал, вертел во все стороны головой и даже, как показалось Никите, на миг уставился безглазой головой на приоткрытую дверь чулана. Никита похолодел от волнения. Но Анна Петровна уже подошла к двери, легко, привычным движением отомкнула ее и, толкнув в нее Погодина, быстро пошла прочь. Дверь осталась открытой.

– Ну, что? Что там? – прошептала Инга, сжимая руку Никиты.

– Погодин пошел наверх. Анна Петровна вернулась обратно.

– Теперь ты пойдешь за ним?

– Подожду немного. Надо дать ему возможность показать свои намерения.

Однако ждать долго не пришлось. Уже в следующую минуту там, наверху, что-то грохнуло, послышался звон разбитого стекла, раздался негромкий старческий возглас и сразу – приглушенный вопль, перешедший в хрип.

– Ой, это дедушка! – в ужасе закричала Инга.

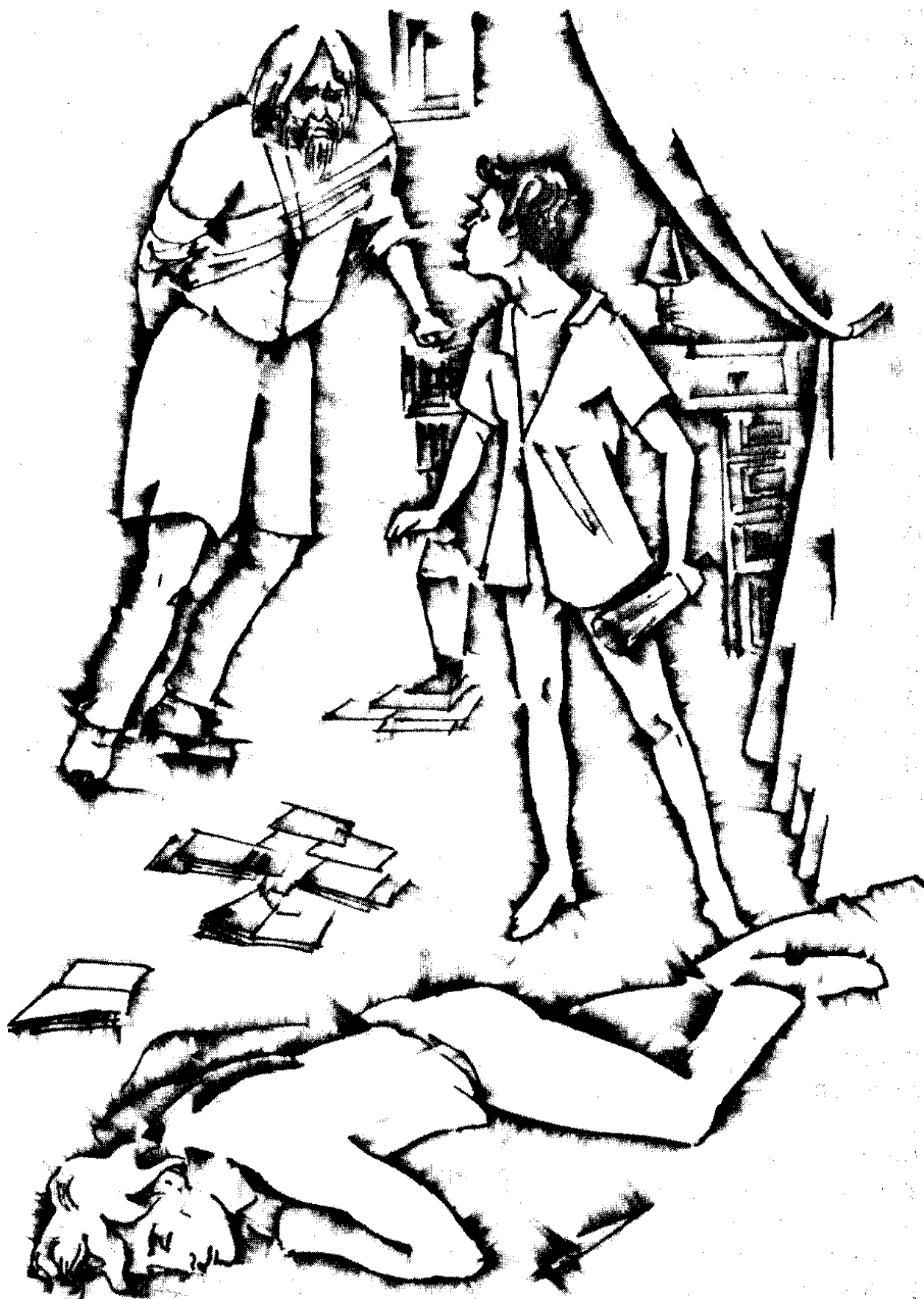
– Бегу, Инга! А ты останься внизу. Или на лестнице. Только ни в коем случае не поднимайся наверх.

Никита бегом, в несколько прыжков, поднялся по лестнице, пересек небольшую темную комнату и вбежал в обширный зал, заставленный столами с многочисленными штативами, колбами, ретортами и тому подобными вещами, составляющими неременную принадлежность любой исследовательской лаборатории. Лаборатория была ярко освещена, и он сразу увидел, что в дальнем углу ее, у вытяжного шкафа, склонилась над распростертым на полу стариком в темном лабораторном халате долговязая фигура Погодина. Голова его была все так же затянута чулком, на руках белели тонкие хирургические перчатки. Старик лежал неподвижно, но глаза его были раскрыты, во рту темнел свернутый из тряпья кляп, а руки были уже стянуты прочным капроновым жгутом. Заслышав шаги, Погодин вскочил как подброшенный пружиной и отступил к вытяжному шкафу.

– Снимай чулок, Погодин, я тебя сразу узнал, – проговорил Никита, направляясь к нему и не зная еще, что дальше делать.

Прежде всего надо было, конечно, помочь академику. Но Погодин уже оправился от первого испуга и, увидев, что никого, кроме Никиты, в лаборатории нет, быстро пошел ему навстречу:

– А-а, это ты, Гамов! Решил, что перехитрил меня? А это видел?

В руке Погодина сверкнул нож. Никита непроизвольно отступил к двери. Но противник его ловко, как кошка, обежал разделяющие их столы и, подскочив к двери, запер ее на задвижку. Никита поспешно обвел взглядом все помещение лаборатории. В дальнем углу ее была еще дверь. Можно было бежать через нее. Но оставить в беде старого человека,

бросить на произвол судьбы оказавшуюся на лестнице Ингу... Нет, только не это! Оставалось одно.

– Слушай, Погодин, давай договоримся по-хорошему. Все равно ты раскрыт. Теперь в любом случае тебе не удастся воспользоваться бумагами Гридина. Брось свою затею и уходи отсюда подобру-поздорову. Уйдешь – все останется между нами. Не уйдешь – пеняй на себя!

– Мать честная, он еще грозит! Да что ты сможешь сделать мне, проклятый правдолюбец? Выйти тебе отсюда некуда. Девка твоя, что верещит за дверью, ничем не поможет. С дачи ей не выйти: Анна не выпустит. Телефонный провод я оборвал. А ты – грозить! Да я всех вас сейчас перережу к чертовой матери, а своего добьюсь! – он сбросил с головы чулок и с отвратительной гримасой садиста начал медленно, как хищный зверь, наступать на Никиту, выставив вперед нож и не спуская глаз со второй закрытой двери.

«Нет, так легко я тебе не дам!» – Никита схватил первый попавшийся штатив и, не думая больше ни о чем, видя перед собой только эту искаженную нечеловеческой злобой физиономию, ринулся на приближающегося врага. Но тот сделал резкий выпад, выбил у Никиты штатив, и в то же мгновение острая боль ожгла руку и правый бок. Пол, столы, стены вдруг покачнулись, поплыли перед глазами, Никита почувствовал, что валится с ног. А нож в руке Погодина вновь поднялся вверх, описал широкую дугу, еще минута и...

Но в это время за спиной врага мелькнула какая-то тень, сверху нависло что-то блестящее, похожее на бутылку из-под шампанского. И это что-то с силой обрушилось на голову Погодина. Он ойкнул, обмяк и начал медленно оседать на пол. А из-за спины его показался мальчик, худенький, тонконогий подросток лет десяти-двенадцати, с бледным испуганным лицом. В одной руке он действительно держал бутылку, другой старался придержать распахивающиеся полы расстегнутой, видимо, наспех наброшенной рубашки. Увидев кровь, струящуюся из рукава Никиты, и распростертого на полу академика, мальчик страшно вскрикнул и бросился к старику с перекошенным от ужаса лицом.

– Дедушка, дедушка, что он с тобой сделал?! – закричал он тонким рыдающим голосом.

А Никита нашел в себе силы подняться, выхватить из рук Погодина нож, кое-как добраться до Гридина. Руки его дрожали от слабости. Голова кружилась. Но он смог еще разрезать путы на руках академика и вытащить у него изо рта кляп:

– Вам плохо, Лев Яковлевич?

– Не хуже, чем вам... Никита, если не ошибаюсь. Андрюшенька, помоги мне встать, – обратился он к мальчику. – Вот так... А теперь беги открой дверь на лестницу. Я слышу там голос твоей сестрички.

– Сестрички?!

– Да, я же говорил тебе о ней. Беги,пусти ее скорее. А вы, Никита, сядьте и постарайтесь покрепче зажать рану. Сейчас Инга остановит кровь и перевяжет вас.

– Дедушка, я не могу открыть дверь, – раздался голос мальчика.

Никита попытался подняться.

– Нет-нет, сидите! Я сам, – остановил его академик.

– А как быть с этим? – кивнул Никита на неподвижно лежащего Погодина.

– Дойдет очередь и до него. Сейчас, Инга! – он подошел к двери, откинул задвижку.

– Дедушка! Ты жив?! – вскричала Инга, вбегая в раскрывшуюся дверь.

– Да, как будто.

– Но почему вы заперлись?

– Мы не заперлись. Нас запер один не очень вежливый молодой человек.

– А Никита... Где он? Что с ним?

– Никите придется немного помочь, – осторожно ответил Гридин.

– Как помочь?! Его избили? Он ранен?

– Да, немного. Пройди вон туда, видишь, написано: «Аптечка», возьми жгут, бинты и все, что надо...

Но она уже бросилась к Никите, прижала его голову к груди, покрыла поцелуями, дала волю слезам.

– Инга, возьми себя в руки! – строго прикрикнул академик. – Человека надо перевязать, и немедленно!

– Сейчас, сейчас! Что с тобой, Никитушка?

– Пустяки, – постарался улыбнуться Никита. – Рука вот и правый бок немного задело.

– Так я сейчас, сейчас! – она быстро принесла все, что требовалось для перевязки, сняла с него пиджак, рубашку и принялась бережно, но умело, как заправская медсестра, обрабатывать раны и накладывать бинты.

– Вот и отлично! – удовлетворенно кивнул академик. – Терпите, молодой человек, и больше ни о чем не беспокойтесь. Инга дело знает, сам ее учил. А я займусь теперь этим проходимцем, – он пощупал у Погодина пульс, приоткрыл веки глаз. – Жив! И нас всех еще переживет. Но приводить его в чувство пока не будем. И махать руками больше не дадим. Андрейчик, принеси-ка вон из того шкафа мягкий провод.

– Андрейчик?! – Инга повернула к нему удивленное лицо. – Кто это? Дедушка, откуда этот мальчик?

– Не отвлекайся, Инга, делай свое дело. Чуть позже я все объясню. – Он крепко стянул руки Погодина, еще раз прощупал его пульс, положил под голову стопку журналов, затем придирчиво осмотрел повязки, наложенные на раны Никиты. – Все хорошо, кровотечение остановилось. Теперь сходи, Инга, вниз, пригласи сюда тетю Аню, дядю Семена и Глафиру Сергеевну.

– Не надо, дедушка.

– Что не надо?

– Никого не нужно звать. Дядя Семен и Глафира Сергеевна в цирке, придут не раньше одиннадцати, а тетя... Это она открыла дверь этому типу и привела его сюда.

– Что?! Ничего не понимаю. При чем тут цирк и... все, что ты сказала?

– Сейчас я все объясню, – пришел на помощь Инге Никита. – Этот налетчик не просто грабитель, решивший поживиться вашим добром. Это аспирант профессора Строева, некто Вячеслав Погодин. Шеф дал ему задание выкрасть материалы ваших научных открытий. Для этого они подкупили вашу жену... Простите, Лев Яковлевич, но Инга все знает, – поспешил пояснить Никита, перехватив растерянно-тревожный взгляд, брошенный академиком на Ингу. – Так вот, Анна Петровна согласилась помочь им в этом черном деле, провела Погодина в дом и открыла дверь в вашу лабораторию. Ну, а мы с Ингой... Мы разгадали этот отвратительный заговор, инсценировали сегодня вечером коллективный поход в цирк – вот почему Семена Макаровича и Глафиры Сергеевны нет дома, а сами вернулись потихоньку сюда, спрятались в чулане, что под лестницей, и когда увидели, как Анна Петровна открыла дверь ипустила Погодина к вам наверх, то постарались, насколько это было в наших силах, сорвать замысел Строева.

– Так-так-так... Насколько это было в ваших силах... Ну, знаете, молодой человек!..

– А это тот самый Никита, дедушка, – поспешила пояснить Инга, – о котором я говорила...

– Да понял я, стрекоза. Понял сразу, как только увидел его. Только не мог сообразить, как он оказался здесь. А теперь... Так вот ты каков, Никита Гамов, мятежный аспирант, бросивший вызов самому Разину, а теперь еще и Строеву. Прав был Берг, достойный выбор сделала наша Инга. А теперь так. Ты, Инга, спустись вниз, позвони из автомата Петру Эдуардовичу: наш телефон выведен из строя. Или дойди до них сама, это же совсем рядом. Пусть он сейчас же придет к нам. Лучше с сыном.

– С Павлом Петровичем?

– Да, хирург нам не помешает. А ты, Андрейчик, иди спать, время позднее. Вел ты себя сегодня молодцом. Обещанный конструктор будет завтра у тебя на столе.

– Ну, дедуля, я же не из-за конструктора. Я как увидел этого, с ножом, а ты связанный на полу... Как услышал, что он всех нас хочет зарезать... А тут, смотрю, эта бутылка... Ну и...

– Верно, верно, мой мальчик. Ты всех нас спас. Ты настоящий герой. А сейчас иди спать. Иди, иди, мой хороший! Ну, а мы с дядей Никитой посидим здесь, покараулим ночного гостя. Да и... Нам есть о чем поговорить. Только ты приляг, Никита, вот сюда, на тахту.

39

– ...Мне, конечно, нелегко было вызволить мальчика из дома ребенка, – продолжал Гридин свой рассказ, прихлебывая из стакана крепкий чай с ромом, который успел приготовить, чтобы подкрепить Никиту. – Пришлось использовать все связи, подключить всех друзей и знакомых. Но это еще не все. Сразу пришлось столкнуться с массой чисто бытовых проблем. Надо было переоборудовать верхний этаж дома так, чтобы ни один человек, включая Ингу, не мог догадаться, что там живет еще один маленький член нашего семейства. Нужно было найти какого-то подходящего человека, какую-то добрую, порядочную женщину, которая смогла бы стать и нянькой, и медсестрой, и воспитательницей беспомощного ребенка. К тому же такую, которая сохранила бы в тайне все, что касалось Андрюши. Мне удалось с помощью Семена Макаровича сделать и это. Глафира Сергеевна оказалась именно таким преданным нам человеком. Хотя досталось нам обоим... Но я дал слово Боре с Люсей на их могиле сделать их сына нормальным человеком. И, как видишь, выполнил свою обещание.

Правда, для этого понадобилось свыше десяти лет напряженнейшего труда. Ведь то, чего я достиг в последние годы работы в институте, было всего лишь «пробой пера». Понадобились еще сотни операций на животных, тысячи всевозможных экспериментов в лаборатории. И все это, прямо скажем, не в идеальных условиях. Что стоила стена отчуждения моих коллег, бесчисленные угрозы властей, нелепые слухи, ползущие по городу.

Зато теперь я смогу подарить людям действительно многообещающее открытие. Но какой ценой! Я имею в виду Андрюшу. Нет, не то, что ему пришлось быть в какой-то мере подопытным кроликом. Это было необходимо и для него. И я не сделал ничего, что могло бы хоть немного сказаться на его здоровье. Я говорю о неизбежных психических последствиях, какие могут иметь место в развитии ребенка. Ведь все двенадцать лет он вел, по сути дела, жизнь отшельника.

– Как, все двенадцать лет не выходил из стен этого дома?!

– Нет, что ты! Летом мы частенько вывозили его в деревню, к родителям Глафиры Сергеевны: там никто не знал ни меня, ни истории Андрюши. Для всех мы были лишь дедом с внуком, снявшими у них комнату под дачу. А в последнее время, когда Андрюша смог уверенно держаться на ногах и владеть обеими руками, мы выходили по ночам погулять в наш сад.

– Только по ночам?

– Как же иначе? Я уже сказал, что мальчик был взят из дома ребенка, мягко говоря, не совсем законным образом. Но главное – в свое время с меня взяли официальную подписку, что я под страхом уголовной ответственности ни в коем случае не повторю медикаментозного воздействия на генотип человека. Это было более чем опасно. Меня страшило не возможное наказание, а то, что, раскрыв мое «преступление», власти отберут Андрюшу, и он останется калекой на всю жизнь.

– Да, это было реальнее, чем вы думаете. Мне точно известно, что за вами следили не только эмиссары Строева, но даже соседи по даче. И все-таки почему вы скрыли все это от Инги?

– Тут я, может быть, немного и перестарался. Но пойми, она была тогда совсем маленькой девочкой. Какое впечатление произвел бы на нее один вид крохотного уродца! И потом, разве можно было быть уверенным, что она не проболтается кому-нибудь из своих сверстников. Да и позже, когда она стала взрослой... Скажи, только откровенно, вот тебе, ставшему близким ей человеку, разве тебе не рассказала бы она всю правду?

– Да, пожалуй, – не мог не согласиться Никита.

– А ведь на твоём месте мог бы оказаться и наш гость, – кивнул Гридин на лежащего на полу Погодина, – или кто-нибудь из ему подобных. Разве не так?

– Согласен с вами, Лев Яковлевич.

– Вот видишь. Я вынужден был сделать Андрюшу затворником, лишить его общества других детей, возможности играть на улице, посещать школу. И хотя уровень знаний у него ничуть не ниже, чем у других детей его возраста, – я позаботился об этом, ему предстоит очень непростой процесс адаптации. А поскольку сам я уже в таких годах...

– Я понял вас, Лев Яковлевич. Мы с Ингой сделаем все возможное, чтобы облегчить этот процесс. И вообще постараемся заменить ему отца и мать. Мы усыновим его. Тем более, – улыбнулся Никита, – по отчеству он уже мой сын.

– Вот это я и надеялся от тебя услышать. Не скрою, когда Инга рассказала мне о твоём предложении, я навел кое-какие справки. А теперь и сам вижу, что могу быть спокоен и за Ингу, и за её брата. А теперь... – он прислушался. – Кажется, наши идут.

Действительно внизу, на лестнице послышались шаги, и через минуту в комнату вошла Инга, за ней Берг и незнакомый Никите мужчина с курчавой, аккуратно подстриженной бородой.

– Здравствуйте, друзья, – сказал Берг, снимая шляпу и плащ. – Знакомьтесь: Никита Гамов – мой сын Павел. Не утруждай себя объяснениями, Лев: Инга нам все рассказала. Никиту мы, конечно, осмотрим, но чуть позже, бинты, я вижу, наложены как надо. А вот вашим гостем придется заняться немедленно.

Он склонился над Погодиным, послушал сердце, заглянул в глаза:

– Он, безусловно, жив, но привести его в чувство надо как можно скорее. У тебя есть нашатырный спирт?

– Есть, конечно. Вон там, в аптечке. Инга, принеси, пожалуйста.

Берг освободил руки Погодина, поднес ему под нос склянку со спиртом. Тот громко чихнул, покрутил головой и открыл глаза.

– Добрый вечер, молодой человек, – обратился к нему Берг. – Простите, что пришлось подвергнуть вас не совсем приятной процедуре. Но оставлять вас в таком состоянии было бы небезопасно.

– Пить!.. – прохрипел Погодин, озираясь как загнанный зверь.

– Пить? Пожалуйста, Лев, дай ему стакан чая. Паша, помоги посадить человека. Вот так... Ну-с, что мы будем с ним делать?

– Что делать... – задумался Гридин. – Я думаю, отпустим на все четыре стороны, если он честно и искренне расскажет, кто и зачем его сюда послал.

– Вы слышали, молодой человек? – снова обратился к нему Берг. – Придется поведать, что заставило вас навестить Льва Яковлевича в столь поздний час.

Погодин лишь смерил его ненавидящим взглядом.

– А если будет молчать, – продолжал Гридин, – то вызовем милицию, пусть они сами решают, как поступить с ним.

Погодин обвел мутными, как с похмелья, глазами обступивших его мужчин, чуть дольше задержался на атлетической фигуре Павла.

– Строев меня послал, мой шеф, разве я сам пошел бы, – мрачно пробубнил он.

– И что он приказал вам сделать? – поинтересовался Гридин.

– Выкрасть ваш препарат и всю относящуюся к нему документацию, чего же еще.

– Но для чего ему понадобился препарат? Он что, собрался детей-инвалидов лечить?

– Нужны ему дети-инвалиды! Препарат больших денег стоит.

– Вот как! Значит, вы со Строевым решили его продать?

– Само собой.

– Но кто купил бы никому не известный препарат?

– Нашлись бы покупатели. Не здесь, так за бугром. У Строева везде связи.

– И доллары ему, конечно, были бы предпочтительнее?

– Да уж не то что наши деревянные!

- Так-так... Значит, открытие мое продать за рубеж, а меня и моих близких прикончить?
- Никого я не хотел приканчивать. Вы сами знаете! Иначе зачем мне было вас связывать. Мог бы и сразу...
- Сразу! А кто бы вам показал, где что лежит?
- Сам бы все разыскал, Строев мне все объяснил.
- Ну да. И ножичек у вас оказался чисто случайно.
- Нож взял на всякий случай. Мало ли...
- Мало ли что пришлось бы еще выпытывать у дряхлого старика.
- Ну, пригрозил бы, может быть. Только и всего. А потом вообще хотел уйти тихо-мирно. И ушел бы, если бы не этот вот! – метнул он злобный взгляд в сторону Никиты.
- Да, он-то вам основательно помешал, и уж его-то вы не оставили бы в живых.
- Что мне оставалось делать... Он первым на меня напал.

186

- Ну, это, положим... Я все видел и слышал.
- Лев Яковлевич, простите меня! – вдруг взвыл Погодин, пытаясь схватить Гридина за руку. – Честное слово, если бы не Строев... Ну, разве я сам пошел бы на такое?! А он... Сами знаете, что он за человек! Я, может быть, больше всех ненавижу его. И если вы сейчас попросите что-нибудь сделать... Ну, какую-нибудь пакость ему устроить... Я с радостью...
- Замолчите! И без того мерзко смотреть на вас. Последний вопрос: как вам удалось проникнуть сюда?
- Так жена ваша все устроила. И дверь открыла и ключ от сейфа дала. Вон он, я не успел даже подойти к вашему несгораемому шкафу. Она же сказала, что в доме абсолютно никого не будет, кроме вас. Мы ей такую уйму денег отвалили, а она, курва...
- Ну, хватит! Все ясно. Теперь слушайте, что я скажу. Мы действительно выпустим вас отсюда. Но при условии, что, во-первых, вы завтра же уедете из этого города и никогда, ни под каким предлогом не появитесь больше здесь. И во-вторых, вы расскажете обо всем, что здесь произошло, Строеву, не забыв упомянуть, что весь наш разговор записан на магнитофонную ленту. Видите, вон он стоит, – указал Гридин на стоящий неподалеку работающий магнитофон. – И предупредите его, что если он попытается повторить нечто подобное или решит отомстить Гамову или кому-нибудь из нас, то пленка будет тотчас лее передана в соответствующие органы. Все это, естественно, касается и лично вас. Вы все поняли? Вам все ясно?
- Понял. Куда уж яснее.
- А теперь идите. Да, кстати, если встретите свою сообщницу, прихватите ее с собой. Может, она и деньги вам вернет.
- Поздно, дедушка, – вмешалась Инга. – Когда мы подходили к дому, видели, как она с двумя чемоданами садилась в такси. Так что мы ее больше, наверное, не увидим.
- Слава Богу! – перекрестился академик.

40

Ранение Никиты оказалось значительно серьезней, чем он думал. После тщательного осмотра Павел Петрович Берг прямо из лаборатории Гридина отвез его к себе в клинику, и только сегодня, на третий день пребывания в больнице, он почувствовал себя более или менее сносно.

Инга приходила к нему каждый день по утрам, поэтому, когда незадолго до ужина медсестра сказала, что к нему снова пришел посетитель, Никита не сразу сообразил, кто еще решил навестить его в столь поздний час. Впрочем, долго раздумывать не пришлось. Не успел он поудобнее устроиться в кровати, как дверь в палату раскрылась, и в ней показалась знакомая вихрастая фигура, на которой, подобно детской распашонке, смешно топорщился короткий больничный халат.

– Здравствуй, Никита, – заговорил Олег чуть не от порога с явно деланной улыбкой. – Как же ты так сплеховал? Л я, брат, немного приболел в тот вечер, горло заложило, ну и подумал, какой я тебе помощник с больным-то горлом. В голову не могло прийти, что ты один решишься отправиться выяснять отношения с Погодиным.

– Разве у меня был выбор? – возразил Никита. – И разве речь шла о каком-то выяснении отношений?

– Ну, может, я не совсем удачно выразился. И все-таки... Зачем было так рисковать?

– Зачем было рисковать? – Никита приподнялся на кровати, облизал пересохшие губы. – А помнишь, как с месяц назад мы толковали с тобой о Боге и совести? Ты, кажется, сказал еще тогда, что веришь в Бога.

– Да. Но в какого Бога! – оживился Олег, усаживаясь на стул и обретая привычную беспечность. – Я сказал, что верю в Бога как в некую всемогущую силу, некий вселенский разум, который управляет всем окружающим нас миром.

– В том числе и человеком?

– Ну да.

– А как им управлять? Как воздействовать на такое эгоистическое, своеправное, самоуверенное, да еще наделенное разумом существо?

– Ну, этого я тебе не скажу. Как управлять?... Просто внушать, видимо...

– И ты чувствуешь это внушение?

– Не знаю... Разве на уровне подсознания.

– Вот-вот! А тебе не кажется, что одним из проявлений такого «внушения» твоему подсознанию является совесть?

– Совесть? Почему обязательно совесть? – заерзал на стуле Олег, снова пряча глаза от Никиты.

– Да потому, что то, что ты называешь подсознанием – всего лишь абстрактное понятие, которым все охотно пользуются, но почти никто не может объяснить, что это значит. А совесть... Совесть ощущают все, и один умный человек недавно сказал мне: совесть – это голос Бога. Не буду утверждать, что так оно и есть. Я еще далек от того, чтобы поверить в Бога. Но что-то в этих словах есть такое, над чем стоит подумать, и если допустить все-таки существование той «всемогущей силы», того «вселенского разума», о которых ты без конца твердишь, то совесть и есть та мера ответственности, та мера долга человека перед всеми людьми, всей природой, которую заложил в человека... ну, создатель всего сущего, что ли, или твой вселенский разум. Страшно представить, во что превратилось бы человечество, если бы этот создатель всех тех мировых констант, о которых мы говори-ли, всех сверхсовершенных органических структур типа рибосом не наделил бы людей еще и такой сущностью, как совесть. В Бога можно верить и не верить, вселенский разум можно признавать и не признавать – мир от этого не перевернется. Без совести жизнь человеческого общества была бы невозможна. Она, как неподкупный судья, оценивает любой поступок человека и выносит свой приговор, независимо от его воли и сознания. И если уж действительно что-то может заставить современного достаточно образованного человека поверить в существование Всевышнего, то не мировые константы физиков, не какие-то там рибосомы биологов, а именно совесть, не имеющая никакого объяснения, никакой материалистической основы, больше похожая на чудо, чем на естественное природное явление, но столь же реальная, как и сам человек.

– Да-а, видимо, ты тут, в больнице, зря время не терял. Только почему ты говоришь мне все это сейчас? Не веришь, что я в тот вечер действительно болел?

– У меня нет никаких оснований не верить тебе. А о совести я заговорил лишь в ответ на твой вопрос, что заставило меня рисковать.

– Ну да, и в ответ на свой вопрос, почему не стал рисковать я?

– А на этот вопрос сможет ответить только твоя собственная совесть.

– Да что ты все заладил: совесть, совесть! – взорвался Олег. – Что я, уж если на то пошло, обязан был вступать в эту историю с Погодиным? Инга – твоя невеста, Гридин – твой будущий родственник. А мне они кто?

– Для тебя они равным счетом никто. И никакой Бог, никакая всемогущая сила, никакой вселенский разум не попрекнут тебя, если только...

– Ну, продолжай! Что только?

– Если только им не известны все сокровеннейшие помыслы, все потаеннейшие уголки человеческой души.

Олег снова вспыхнул. Но постарался сдержаться:

– Ладно, ты, я вижу, еще в таком состоянии, что нам не следует продолжать этот разговор. Поправишься, тогда... А сейчас я пойду. Там, внизу, мать ждет. Она тоже хочет повидать тебя, а вдвоем нас не пустили: дежурных халатов больше нет.

Олег поспешно ретировался. А несколько минут спустя в палату вошла, распространяя тонкий аромат духов, Ирина Павловна. Она была, как всегда, безукоризненно одета и причесана. Однако лицо ее выражало крайнюю степень озабоченности и смущения.

– Здравствуй, Никитушка, – сказала она, ставя на тумбочку увесистую сумку. – Как ты тут? А я тебе домашних пирожков принесла, даже укутала, чтобы не остыли. Возьми поешь, а я посижу возле тебя. Я немного знаю, что произошло. Петр Эдуардович рассказывал. Скажи только, верно, что наш оболтус обещал пойти вместе с тобой?

– Да. Но у меня нет никаких претензий к Олегу. Всякий может заболеть...

– Так он и мне сказал. Но, боюсь, гораздо сильнее был его страх перед Строевым. Всем известна так называемая профессорская солидарность. А ведь скоро защита.

– И в этом можно понять Олега. Я сам, на своей шкуре испытал такую «солидарность».

– Все это так. Понять можно. Но я всегда мечтала и надеялась, что мой сын будет... настоящим интеллигентом. Не получилось...

– Ну, что вы, Ирина Павловна! Разве можно по одному этому случаю судить о человеке?

– Дело не в одном этом случае. Помнишь, я как-то сказала: «Яблоко от яблони далеко не падает»... – Она вдруг отвернулась, приложила платочек к глазам.

– Не надо... Зачем вы так? – растерянно заморгал глазами Никита.

– Да-да, хватит об этом, – постаралась улыбнуться Ирина Павловна. – Я же тебе приятную весть принесла. Вчера пришло письмо от Георгия Александровича. Он, оказывается, потерял твой адрес, поэтому написал нам. Так вот, в письме он просит передать тебе, что из шести заложенных по твоим данным скважин пять дали нефть, шестая – газ. Поздравляю тебя, Никита. Поздравляю от всей души!

– Спасибо вам, Ирина Павловна. Такое большое спасибо, что никакими словами не выразишь.

– Мне-то за что спасибо? Это тебе Георгий Александрович просит передать благодарность от всех работников его экспедиции. Но это еще не все. Он пишет также, что связался по телефону со здешним отраслевым институтом нефти и рекомендовал тебя на открывающуюся там должность старшего научного сотрудника. Там же, в институте, ты сможешь защитить и диссертацию. У них свой ученый совет. Кстати, Георгий Александрович – член этого совета. Все материалы по пробуренным скважинам он уже переслал в институт. А через месяц сам приедет сюда и окончательно устроит все твои дела. Так что поправляйся скорее и заканчивай диссертацию.

Она чуть помолчала, подавила невольный вздох:

– А Олега прости, если сможешь. Он тяжело переживает случившееся, я знаю. Думаю, это будет для него хорошим уроком. Совесть заставит его на многое взглянуть другими глазами.

– Да, со своей совестью не поспоришь.

А через несколько дней, когда Никита смог уже подняться с постели и даже выйти погулять в больничный парк, его навестила и Анастасия Ивановна. Присев рядом с ним на затененную скамейку, она ласково пригласила его непослушные вихры, бережно расправила воротник наброшенной на плечи пижамы и тихо произнесла:

– Я очень виновата перед тобой, дружок.

– Да что вы, Анастасия Ивановна! – искренне возразил Никита. – Только благодаря вам и получилось все так здорово!

– А это? – кивнула она на забинтованную руку.

– А это такой пустяк, что не стоит о нем и говорить.

– И все-таки я должна была предвидеть и это. Правильно отчитал меня Петр Эдуардович. Зря не посоветовалась я с ним. Можно ведь было и сына его Павла попросить помочь тебе. Да что теперь говорить...

– Вот и поговорим о чем-нибудь другом. А этот досадный случай просто забудьте.

– Легко сказать – забыть. А совесть?

– Слишком уж она беспокойная, ваша совесть. Но коль речь зашла о совести... Анастасия Ивановна, как с вашей точки зрения, точки зрения ученого-биолога, что такое совесть? Где и как генерируется у человека это чувство? Каков его биологический смысл? Ведь совесть ничего не дает человеку, кроме мук и страданий. Так зачем природе понадобилось наделять нас, кроме разума, еще и совестью. И как возникла она в ходе эволюционного процесса становления человека, в ходе борьбы его предков за существование? Что за преимущества давала она в этой борьбе?

– Э-э, дружок, слишком упрощенно ты понимаешь саму суть эволюционного процесса и того, что мы называем борьбой за существование. Надо уметь различать, что выгодно отдельному индивидууму, а что – всему виду. Для всякого отдельно взятого человека совесть чаще всего действительно лишь источник мук и страданий. А для всего вида *Homo Sapiens*? Всего человечества? Ведь именно эти муки и страдания заставляют человека заботиться о других окружающих его людях: его детях, внуках, родителях, родственниках, близких, знакомых, просто рядом живущих. А вот эта забота и помогла людям – не отдельному человеку, а всем людям! – выжить в той борьбе за существование, о которой ты говоришь. В борьбе каждого за всех, а не за себя одного, в борьбе против общего врага, а не друг против друга. В этом и заключается величие человека, источник его гуманизма и самоотверженности.

Ну а что такое совесть и где она генерируется? Я не смогу ответить на этот вопрос. И ведь это не единственное качество, присущее только человеку. А что такое жалость, сострадание, честь, долг, дружеское участие? Как они возникают в человеческом организме? Этого тоже никто тебе не скажет.

Одно для меня несомненно ясно: нет такого отдельного органа, который бы порождал эти чувства. Все они являются следствием жизнедеятельности всего человеческого организма. В этом смысле даже расхожая фраза «мысль – продукт мозга» в принципе неверна. Мыслит не человеческий мозг, мыслит Человек. Я несколько не сомневаюсь, что если мозг отделить от человека, то при каких угодно, даже самых комфортабельных физиологических условиях он не сможет мыслить так, как мыслит нормальный человек. Человеческий организм – это нечто единое и неделимое, а главное – далеко еще до конца не познанное, и эта непознанность сохранится, наверное, навсегда.

– Как? Мы никогда так и не узнаем, что значит человеческое мышление, что значит совесть, жалость, честь?

– К сожалению, в любой науке, а тем более в биологии, есть некий порог, выше которого человеческий разум подняться просто не может. Помнишь, ты как-то спросил меня о рибосомах, которые у всех живых организмов Земли, начиная от одноклеточных водорослей и кончая человеком, абсолютно одинаково совершенны и не несут на себе никаких следов эволюции? Никаких объяснений этому нет. Это загадка. Но дело не

только в этом. Тогда нам как-то не удалось детально поговорить на эту тему. А ведь рибосомы – это действительно основа жизни.

– Даже так?

– Да. Вспомни, как происходит в живой клетке продуцирование молекул белка. Вся информация о составе и структуре известных нам белков записана, как известно, с помощью четырех азотистых оснований: аденина, цитозина, гуанина и тимина на громадной молекуле ДНК. И вот в строго определенный момент небольшой участок ДНК, равный примерно одной пятисотой части ее длины, раздвигается, и на ней, этой раскрытой части, словно на некоей матрице, синтезируется соответствующая данному участку молекула РНК. После этого готовая РНК транспортируется в рибосому, и в ней, как в станке с программным управлением, в точном соответствии с конфигурацией поступившей сюда РНК образуется молекула запрограммированного белка.

– То есть получается, что ДНК – это нечто вроде справочника в несколько сот страниц, на каждой из которых записан рецепт определенного белка и который сам собой раскрывается на нужной организму странице? – подхватил Никита.

– Вот именно. Это ты точно заметил: сам собой раскрывается, дает снять с этой страницы некое подобие ксерокопии и тотчас, тоже сам собой, снова захлопывается. А полученные «ксерокопии» закладываются в печатный станок, каким является рибосома, и здесь по ней «изготавливается» готовый белок.

Это открытие Уотсона и Крика было эпохальным событием, явилось по сути дела расшифровкой самой сущности жизни. Но вот вопрос: а что заставляет молекулу ДНК раскрываться именно на той «странице», где записан «рецепт» как раз того белка, который необходим в данный момент организму? Никаких иных структур, которые могли бы дать соответствующую команду молекуле ДНК, Уотсон и Крик не обнаружили. Более того, постепенно стало ясно, что ничего подобного в клетке на молекулярном уровне просто не может быть, слишком большой быстротой и точностью отличается реакция ДНК. Медленно диффундирующие молекулы просто не могли бы обеспечить такую реакцию. ДНК словно сама «знает», когда и на каком участке она должна раскрыться. А скорее всего здесь имеют место какие-то уникальные чрезвычайно быстродействующие абсолютно необъяснимые силы взаимодействия, которые могут иметь только нематериальный характер. А вот что это за силы, мы, по-видимому, не узнаем никогда. Это и есть тот порог, выше которого человеческий разум подняться не в силах.

Так и с совестью. Мы просто не в состоянии установить, какой орган или какая система органов продуцирует это человеческое качество. Ясно одно: человеческий организм – это отнюдь не только совокупность органов чувств, органов пищеварения, кровообращения и тому подобное. В нем есть и еще какая-то никому неведомая сущность. Назовите ее душой или каким-то неизвестным человеку силовым полем или одним из элементов приписываемого теистами божественного происхождения.

Суть остается в том, что человек да и любой другой живой организм – это не просто самовоспроизводящаяся, активно взаимодействующая с окружающей средой физико-химическая система, как считали до недавнего времени, а нечто гораздо большее, что могло возникнуть только как воплощение какой-то сверхглобальной Идеи.

– Идеи – то есть некоего заранее задуманного плана? – переспросил Никита.

– В какой-то мере так. Впрочем, это можно сказать и о всем мироздании в целом. Мне как-то пришлось перелистать страницы одной научно-популярной книги о строении атома, и в глаза бросился, конечно, небезызвестный тебе «запрет Паули», гласящий, что в атоме не может быть даже двух электронов с одинаковым набором квантовых чисел. Я и раньше читала об этом. А в этот раз мне подумалось: а откуда электрон «знает», что в атоме, куда он должен войти, уже имеются электроны, характеризующиеся таким набором? Снова какая-то нематериальная «телепатия»? Или тоже наперед данная Идея?

Кстати, когда-то я долго ломала голову над фразой, с которой начинается Евангелие от Иоанна: «Вначале было слово...» Позже я узнала, что эта фраза являлась камнем

преткновения для богословов всех времен и народов. А все дело, по-видимому, в том, что под словом здесь понимается не лингвистическое слово (в древнерусском языке оно вообще звучало как «глагол»), а нечто близкое к греческому «логос», что означает «идея». Вот Идея, о которой я говорю.

– Но ведь это все равно что поверить в творца, во Всевышнего...

– Что же в этом плохого?

– Значит, вы верите в Бога?

– Я верю в то, что я сказала. А еще больше в то, что вера в Бога делает людей чище, добрее, порядочней.

– А вот Петр Эдуардович верит в самого Бога.

– За это я и люблю его. Настоящий русский интеллигент!

– Вы думаете, таким его сделала вера в Бога?

– Нет, скорее наоборот – именно интеллигентность и привела его к вере в Бога. Ведь Бог – это... Это нечто, находящееся как бы внутри человека, это наша духовная сущность, наша оценка своих замыслов и поступков, наш идеал добра и порядочности. Что ни говори, а все, что есть на Земле, за исключением дикой, первозданной природы, создано человеком. В том числе и весь интеллектуальный багаж планеты. Не будь человека, не было бы ни искусства, ни религии.

В самом деле, представь себе, что на Земле не было бы людей. Кто бы тогда выдвинул представления о честности, справедливости, о добре и зле? Да и о Боге! Только человек всей своей сущностью – я подчеркиваю, не одним своим разумом, а всей своей сущностью, – вызвал к жизни то, что мы называем сейчас культурой.

– Да, это, конечно, так...

– Но ты прекрасно знаешь, – продолжала Анастасия Ивановна, – что нет ничего более противоречивого, чем человек. В нем уживаются любовь и ненависть, жалостливость и бессердечие, жадность и щедрость, храбрость и малодушие, тяга к добру и тяга к злу. Вот из этой противоречивости, этой борьбы светлой и темной сторон человеческой души и возникло, по-видимому, представление о Боге и Дьяволе. Все доброе, чистое, светлое постепенно сформировалось в представление о Боге, все темное, низменное, злое – в представление о Дьяволе.

– Это понятно. Но существует ли то и другое вне человека, вне Земли, и связано ли с той идеей, о которой вы говорите?

– А вот этого не знает никто. И это тоже тот порог, выше которого человеческому разуму не подняться. Но я засиделась у тебя, дружок, утомила своими сентенциями. Пора и честь знать. И вон кто-то еще, кажется, разыскивает тебя.

Никита обернулся к больничному корпусу, откуда санитарка вела к ним несмело улыбающегося паренька, и даже привскочил на месте:

– Коля! Вот неожиданность! Как ты узнал, что я здесь? Колька смущенно, как-то боком подошел к их скамейке и,

шмыгнув носом, положил перед Никитой большое антоновское яблоко:

– Вот тебе, дяденька Никита, гостинец. А про то, что ты в больнице, сказал мне дяденька Алекс.

– Так ты знаешь и Алекса! – еще больше удивился Никита.

– Кто его не знает в нашем дворе, дяденьку Алекса-то. Он больно сильно хвалил тебя. Он научил меня и те бумаги тебе отдать. Вот, возьми! – Колька запустил руку за пазуху и извлек оттуда небольшой сверток, завернутый в газету.

Никита развернул обертку и чуть не вскрикнул от радостного предчувствия: в руках у него лежала свернутая в трубку синяя тетрадь.

– Анастасия Ивановна, смотрите! Да, я забыл познакомить вас... Это Коля Гридин, я рассказывал вам о нем. А это, Коля, – кивнул он мальчику, – очень хорошая моя знакомая тетя Настя Кедрова. Покажи-ка ей свои бумаги! Как вы думаете, Анастасия Ивановна, это то, о чем вы мне рассказывали?

Но та уже сама догадалась, что за сюрприз уготовила ей судьба.

– Боже, синяя тетрадь! – еле слышно произнесла она, непроизвольно протягивая руки к бесценной находке. – Цела и невредима! Колюшка, милый, да знаешь ли ты, что за сокровище нам принес?!

– Мамка тоже называла это сокровищем.

– Как же она, твоя мама, разрешила тебе унести его из дома? – не удержался от вопроса Никита.

Колька снова шмыгнул носом:

– Умерла она, мамка. Вчера схоронили.

– Что-о?! – Никита почувствовал, как что-то словно оборвалось у него внутри. – Так как же ты?.. С кем ты теперь остался?..

– А ни с кем. Дяденька Алекс сказал, надо меня в детдом устраивать. А я не хочу туда, в детдом. – Колька не удержался и всхлипнул.

– Бедный малыш! – Кедрова обняла его за плечи, прижала поникшую головку к своей груди. – Никаких детских домов! Хочешь жить у меня, Коля? Я живу совсем одна. И давно хотела иметь такого мальчика, как ты. Поедем ко мне, а, Коля?

Колька поднял голову, отер рукавом слезы:

– Не знаю... Как вот дяденька Никита скажет... Он... мне... Прямо как папка стал...

– Соглашайся, Коля, – сказал Никита, сам еле сдерживая слезы. – Там, у тети Насти, тебе будет неплохо. И мамино сокровище возьмете с собой. Да и я буду навещать тебя.

– Ну, если и ты будешь приходить, тогда ладно... А когда мне приходить к тебе, тетя Настя?

– Так сейчас прямо ко мне и поедем. Пойдем, Колюшка, пойдем! А то дяде Никите пора в палату. Да и нам с тобой надо на новом месте устроиться.

42

Осень успела позолотить листву берез и подрумянить гроздья рябины, когда Никита выписался наконец из больницы и смог пойти в библиотеку. Надо было как можно скорее заканчивать работу над диссертацией. Георгий Александрович мог приехать уже к концу следующей недели. Но еще в парке ему встретила Светлана.

– Здравствуй, Никита, – сказала она каким-то бесцветным голосом. – Совсем выздоровел?

– Как видишь. А что у тебя новенького?

– Ничего хорошего. Погодину, правда, дали по шапке. Шеф отчислил его из аспирантуры якобы за невыполнение плана. Но я думаю все дело в том, что он не смог достать для него материалов Гридина. Помнишь, я тебе говорила... Ты еще собирался что-то сделать, с кем-то посоветоваться. Да вдруг неожиданно заболел. Но все равно у них, похоже, ничего не вышло. Вот Строев и дал пинка своему любимчику. А сам опять чист как стеклышко. На итоговой конференции выступил даже с новой идеей, которую, дескать, начали уже разрабатывать в его лаборатории. Идея – тьфу! Даже мне ясно, что это чушь собачья. А прихлебатели его аж взвыли от восторга. Вот такие пироги. Ну, а сегодня перевыборное собрание. После такого спектакля никто не сомневается, что Строев еще на пять лет засядет в кресло директора. А мне от всего этого так тошнехонько! Уйду, наверное, из института.

– Постой, Света, дай подумать.

– Что тут придумаешь? Ты, правда, говорил, что у тебя есть какая-то зацепка против него. Да что с ним можно сделать? Любого в порошок сотрет!

– Ну, не скажи! – Никита ясно представил хищное, самодовольное лицо директора института, убитую горем маленькую Ингу в день гибели ее родителей, вспомнил залитое слезами, искаженное гримасой боли и отчаяния лицо бывшего водителя самосвала и собственную клятву, данную Инге и своей совести. – Ты говоришь, перевыборное собрание сегодня? – переспросил он.

- Да, в два часа дня, в конференц-зале института.
- Ты проведешь меня туда?
- Нет ничего проще. Подойди к двум часам к главному входу. А что ты задумал?
- Там увидишь. А сейчас... В общем до двух! Никита быстро пересек сквер и поднялся в читальный зал. Обычно полупустой в летние месяцы, сейчас он был полон, и Никите еле удалось различить среди бесчисленных плеч и голов вихрастую голову Олега. Однако тот сразу заметил его, вскочил из-за стола, вышел к нему навстречу.
- Ну, здравствуй, пророк Никита! – стиснул он за плечи своего приятеля. – Мать еще вчера сказала, что ты вырвался наконец из когтей эскулапов. И велела передать, что ждет сегодня к ужину.
- 19?
- Спасибо. Но сегодня я...
- Ясно-ясно! Будто мы не знаем, что Никиты Гамова как свободной суверенной личности больше не существует. Посему мать дважды повторила, что ждет не тебя одного, а вас обоих с Ингой.
- Что ты, Олег! Как-то неудобно. Она же не знает ни Ирины Павловны, ни Алексея Степановича.
- Зато они ее хорошо знают.
- Откуда же?
- Так Петр Эдуардович им все уши прожужжал, расхваливая твою невесту. Мать даже собирается раскрыть ей секрет приготовления своих фирменных пирожков, что не сделала ни для одной из своих приятельниц. Да что мать! Я сам, слушая его, решил, что не такой уж ты конченный человек, и, если б мне встретила девушка вроде твоей Инги, я сам был бы не прочь жениться. Словом, мать приглашает вас обоих в гости.
- Но соберется, наверное, тьма народу?
- Ни боже мой! Только свои близкие: отец, мать, Берг обещал заскочить. Кстати, знаешь, у него тоже свадьба затевается.
- Как свадьба?! Он что, с женой развелся?
- Ну, ты даешь! Берг развелся! Да скорее небо на землю упадет, чем Петр Эдуардович со своей половиной расстанется. Он сына Павла женит. И знаешь, на ком?
- Откуда же?
- На сестре того мальчугана, которому Гридин когда-то ногу вырастил.
- Теперь уж, наверное, не мальчугана?
- Да, такой парнище вымахал: спортсмен, разрядник. И до сих пор готов на Гридина, как на Бога, молиться.
- Вот видишь. А ты говорил...
- Кто же знал, что академик до сих пор такими стоящими вещами занимается. Вольно ему было молчать как рыба.
- А как же презумпция невиновности?
- Э-э, брат Никита, какая у нас презумпция невиновности? Любого готовы в грязь втоптать. Да и я, конечно, был хорош. Но теперь посыпаю голову пеплом. И за то, что говорил о Гридине, и за... В общем, сам понимаешь. Подвел я вас с Ингой в тот вечер, особенно тебя подвел. Смелодушничал – факт! Но теперь уж, даю слово...
- Да ладно тебе! – отмахнулся Никита. – Что было, то прошло. Скажи лучше, если сегодня мне снова придется подраться, могу я рассчитывать на твою помощь?
- Вот тебе пять! – протянул руку Олег. – И можешь рассчитывать на меня, как на самого себя.
- Тогда подойди к двум часам к институту иммунологии. Там у них...
- Знаю, Светка сказывала: Строева переизбирать будут.
- Попробуют переизбрать...

- А ты снова хочешь встрянуть?
– Не знаю, что получится...
– Ну, Никита, не сносить тебе головы! Но я приду. Обязательно приду. И, в случае чего, кулаков не пожалею.

43

Собрание по выборам директора института иммунологии ничем не отличалось от всех подобных собраний, на каких довелось присутствовать Никите. На трибуну, сменяя друг друга, поднимались в основном ведущие сотрудники лабораторий и хозяйки и, не слишком заботясь об оригинальности, говорили примерно одно и то же: что, конечно, уважаемый Григорий Маркович Строев не ангел, но кто из нас, здесь сидящих, без недостатков; что, бесспорно, дела в институте идут не так, как надо, но кто при существующих ныне трудностях мог бы добиться лучших результатов; что, разумеется, в коллективе есть немало и других достойных претендентов, но у кого из них больше связей, кто может лучше достать, протолкнуть, выбить, успешнее «утрясти», чем многоуважаемый Григорий Маркович?

Наконец поток выступающих иссяк. Председательствующий, ревностно следящий по разложенной перед ним бумажке, чтобы на трибуну не проскользнул кто-нибудь из случайных, неподготовленных ораторов, окинул взглядом зал и чисто механически, чтоб только соблюсти «демократические принципы», пробубнил:

– Есть ли еще желающие выступить?

Наступила пауза. Желающих, как всегда, не оказалось. И Никита понял, что наступил его час.

– Позвольте мне! – Встал он со своего места и шагнул к трибуне.

Председательствующий недоуменно пожал плечами, но, по-видимому, не усмотрев ничего опасного в незнакомом молодом человеке, который мог быть лишь недавно поступившим в институт аспирантом или лаборантом, махнул рукой:

– Пожалуйста, только покороче.

Никита поднялся на трибуну и глянул в зал. Глазам его предстало разноликое и разновозрастное, посмеивающееся, переговаривающееся, уткнувшееся в газету или журнал собрание, которое объединяло, пожалуй, лишь одно – полнейшее безразличие к тому, что скажет этот неведь откуда взявшийся, никому не известный юнец. Лишь неподалеку от бокового входа, почти у самых дверей, к нему устремилось несколько пар напряженных, внимательных глаз. То были глаза Светланы, Олега и небольшой группы окружавших их молодых людей, явно не вписывавшихся в общую атмосферу зала.

– Уважаемые коллеги! – начал Никита, стараясь перекрыть непрекращающийся гул. – Вы не знаете меня. Я не знаю вас. Но я очень хорошо, лучше многих здесь собравшихся, знаю профессора Строева. Причем знаю с такой стороны, о какой никто из вас даже не догадывается.

Гул в зале начал стихать. Начало выступления незнакомой юноши было слишком необычно.

– Да, я знаю Строева как никто другой, – повторил Никита, – и это дает мне право со всей ответственностью заявить: если вы проголосуете сегодня за профессора Строева, то проголосуете за преступника и убийцу.

Зал замер. Но в следующую секунду взорвался шквалом возгласов и криков. Председательствующий вскочил и яростно зазвонил в колокольчик. Сидящие в президиуме седовласые корифеи института также повскакали с мест, но тут же в растерянности, не зная, что делать, застыли, как пораженные громом. Сам Строев мгновенно побледнел, лицо его задрожало, покрылось бурными пятнами, а изо рта вырвался судорожный крик:

– Вон! Вон с трибуны! Я не позволю, чтобы всякие тут... На большее ему не хватило дыхания. Голос директора

перешел в свистящий хрип. Кто-то из президиума поднес ему стакан с водой. Кто-то потянул Никиту сзади за рукав. Но он оттолкнул непрошеного «доброжелателя» локтем и крикнул во всю силу своих легких:

– Да дайте мне договорить! Дайте объяснить, что я имею в виду!

Зал продолжал гудеть, как разбушевавшееся море.

– Тише вы! Дайте сказать человеку! – раздался пронзительный голос Светланы.

– Дайте ему договорить! – хором закричали обступившие ее молодые люди.

Зал постепенно стих. Взоры обратились к Никите.

– Да, изберете своим директором преступника и убийцу! – снова отчеканил Никита. – Помните, как двенадцать лет назад погибли сын и невестка вашего бывшего директора Гридина? Все сочли это за несчастный случай. Так вот, это был не несчастный случай. Это было тщательно спланированное злодейское убийство. И организовал его профессор Строев.

– Хватит! Замолчите! – снова взвился директор института. – Я вас за эту клевету...

– Что за эту клевету? – перебил его Никита. – Привлечете меня к суду? Правильно! Мне только этого и надо. Но вы не обратитесь в суд! Не-ет! Вы только покричите сейчас, здесь, а потом палец о палец не ударите, чтобы обвинить меня в клевете. Потому что как только вы обратитесь в суд, я представлю ему неопровержимые доказательства вашего непосредственного участия в убийстве.

– Да как вы смеете! Как вы... – снова захрипел Строев, хватаясь за стакан с водой. – Товарищи, друзья, – воздел он руки к залу. – Защитите меня от этого интригана! Я понятия не имею, что это за человек и чего он добивается, чего от меня хочет.

Но зал словно замер. А Никита, пользуясь наступившей тишиной, вновь заговорил, чеканя каждое слово:

– Я хочу от вас одного: чтобы вы сейчас, здесь, при всех ваших сотрудниках прямо ответили мне: подадите на меня в суд или нет. Если подадите, то все поймут, что я клеветник. Если нет, то всем станет ясно, что вы – убийца.

Строев постарался придать своему лицу прежнюю невозмутимость и значительность:

– Никаких ответов! Чтобы я, директор института, народный депутат, держал ответ перед каким-то прощельгой! Убирайтесь отсюда! Я считаю ниже своего достоинства даже разговаривать с вами!

– Может, и считаете, – не отступал Никита. – Но ответить все-таки придется. Потому что теперь вашего ответа жду не только я. Теперь, я полагаю, его ждут все здесь собравшиеся. Так или не так? – обратился он к залу.

– Та-ак!

– Верно-о!

– Пусть ответит! – слышалось со всех сторон. Никита вновь обернулся к директору института:

– Итак, в последний раз спрашиваю: подаете вы на меня в суд или нет?

Строев беспомощно окинул взглядом ревуший зал, в отчаянной надежде обернулся к членам президиума. Но те, как по команде, уставились глазами в стол. А один из них, хилый, тщедушный старикашка, жалостливо воскликнул:

– Да что же вы молчите, Григорий Маркович? Конечно, подавайте в суд. Как можно терпеть такое?

Голова Строева судорожно дернулась. Он попытался что-то сказать. Но издал лишь какой-то нечленораздельный звук и вдруг рухнул головой на стол. Зал снова затих. Председательствующий бросился куда-то за кулисы. Члены президиума захлопотали над своим шефом. А из заднего конца зала начали протискиваться к трибуне несколько крутых парней с хмурыми, решительными лицами. Никита понял, что пора уходить.

– Я думаю, уважаемое собрание примет к сведению все, что произошло сейчас, – обратился он к залу и, сойдя с трибуны, направился к выходу.

Но крутые парни бросились за ним следом:

– А ну-ка постой! – крикнул один из них, стараясь ухватить Никиту за руку. – Надо поговорить.

– О чем это? – сделал вид, что не понимает, Никита.

– Сейчас узнаешь, о чем. Ребята, к двери! – крикнул он своим сообщникам.

Никита приготовился к худшему. Но в это время между ним и крутыми парнями вклинился Олег с только что сидевшими рядом с ним молодыми людьми. Драка была неминуемой. Никита успел получить удар по затылку и сам угостил кого-то из парней. Олег тоже не жалел кулаков. Однако их уже окружила толпа девушек, пришедших со Светланой. Со всех близлежащих рядов слышались резкие, негодующие возгласы. Несколько мужчин поднялись со своих мест. Крутым парням не осталось ничего другого, как ретироваться и смешаться с двинувшейся к двери толпой.

44

Ужин прошел весело. Лишь к концу его Ирина Павловна не удержалась, чтобы, по обыкновению, не пожуричь «своего сорванца»:

– Нет, надо же, все люди как люди, а он снова пришел с синяком под глазом.

– Ха! – благодушно усмехнулся Шевцов-старший. – Синяки только украшают настоящего мужчину.

– Особенно если получены в схватке за правое дело, – заметила Инга.

А Никита добавил:

– Вы же сами, Ирина Павловна, хотели, чтобы ваш сын стал интеллигентным человеком.

– Где уж ему! – махнула рукой Ирина Павловна.

– Ну, не скажите! – возразил Никита. – Этот синяк Олег получил как раз за истинно интеллигентный поступок.

– Да-да, – вступил в разговор Берг. – Насколько я наслышан о сегодняшнем происшествии в институте иммунологии, оба наших молодых человека вели себя там как истинные интеллигенты.

– А что там произошло, в институте иммунологии? – спросил Шевцов-старший.

– А это пусть они сами расскажут.

– Придет время – расскажем, – отмахнулся Никита. – Не стоит сейчас вам аппетит портить. Одно скажу, Олег действительно был там сегодня на высоте.

– Правда, правда! – подхватила Инга. – Вы можете гордиться своим сыном, Ирина Павловна. А я так даже поцелую его сейчас за это. – Она подошла к Олегу и чмокнула его в щеку.

Тот зажмурился от удовольствия:

– Ну, теперь я готов каждый день получать по синяку.

– Еще бы не быть готовым, – рассмеялся Никита, – если на каждом из них зарабатывать сразу по два поцелуя хорошеньких девушек.

– Каких еще двух? – замотал головой Олег.

– Как это каких? Что я, не видел, как Светлана при всем честном народе тебя облобызала?

– Тоже мне поцелуй! – хохотнул Олег, явно стараясь скрыть свое замешательство. – Что ты, не знаешь Светку? Ей бы только подурчиться.

– Зачем вы так, Олег? – укорила его Инга. – Я знаю Свету. Очень серьезная девушка.

– Более чем серьезная, – поддержал Ингу Никита. – Это ведь она помогла мне разоблачить Строева. Да и сегодня, на собрании...

– Да нет, я ничего... Я это просто так... А в общем она, конечно... – совсем смутился Олег.

– Вот так-то лучше, сынок, – улыбнулась ему Ирина Павловна. – Не стесняйся быть рыцарем. Это больше украшает мужчину, чем синяки под глазом. Даже настоящего мужчину, – бросила она насмешливый взгляд на мужа.

– А рыцарей без синяков не бывает, – сейчас же нашелся Алексей Степанович. – И раз уж речь зашла о рыцарях, то предлагаю поднять бокалы за наших рыцарей и их прекрасных дам.

Все снова взялись за рюмки. На мгновение за столом стало тихо. И в это время сквозь раскрытые окна донесся тихий колокольный звон. Инга заметно вздрогнула. Никита незаметно пожал ей руку и посмотрел на Ирину Павловну. Та тоже как будто насторожилась.

– Ирина Павловна, – обратился к ней Никита, – вам не приходилось встречать здесь, в городе, старую монахиню, женщину в черном?

– Встречать не приходилось. А слышать о ней слышала. И не раз.

– Что же вы слышали?

– Слышала, что бродит она как неприкаянная. И все будто чего-то ищет. И еще слышала, будто много лет назад потеряла она своего ребенка...

– Как это потеряла?

– Так, потеряла... Одни говорят, украли его у нее, другие, что она сама подбросила девочку в чей-то богатый дом. И с тех пор вот ищет ее...

– А знаете, мы с Ингой ведь слышали о чем-то подобном. Помнишь, Инга, когда мы были у Коли Гридина и я поинтересовался, о чем говорила его мать с монахиней, он сказал, что больше всего они говорили о какой-то «пропавшей девчонке».

– Да. И еще добавил, что эта монахиня и его мать чуть ли не родственники какие-то.

– Значит, это не просто слухи. Бедная женщина! А вы, Петр Эдуардович, не могли бы что-нибудь добавить по этому поводу?

– М-м... Я не хотел бы касаться этой темы.

– Вот как! Почему же?

– Потому что речь идет о действительно очень несчастной женщине, в судьбе которой и я некогда принял участие.

– Вы?! Вы были знакомы с женщиной в черном?!

– А что это вас так удивляет? Ведь она не всегда была монахиней, а я не всегда доктором медицины. Но прошу вас, не будем говорить о ней сегодня. Здесь не место и не время.

– Ну, хорошо, – согласилась Ирина Павловна, – скажите только, она действительно потеряла своего ребенка?

– Да, она лишилась ребенка, – неопределенно ответил Берг.

– И это произошло где-то в окрестностях дачи Гридиных? – не удержался от вопроса Никита. – Ведь именно там ее видят чаще всего.

– Я думаю, со временем и очень скоро вы сами все узнаете, – снова ушел от ответа Берг.

– Узнаю от Льва Яковлевича? Берг покачал головой:

– Нет, Лев Яковлевич сам пока ничего не знает, хотя, несомненно, со временем узнает обо всем и он. Но прошу, увольте меня от этого разговора! – взмолился Берг.

Никита вынужден был прекратить все дальнейшие расспросы, хотя ясно было, что Берг знает, но скрывает какую-то большую тайну, и эта тайна касается не его одного. Так, очевидно, восприняли его поведение и все другие сидящие за столом. И только Алексей Степанович, уже заметно захмелевший, произнес как ни в чем не бывало:

– Да-а, любопытная история. Но если был ребенок, то должен быть и отец?

– И тот, говорят, слоняется по городу как неприкаянный, – заметила Ирина Павловна.

– Как это слоняется по городу? – не понял Никита.

– Ну, мало ли всяких бродяг.

– Бродяга бродяге – рознь, – заметил Никита и почему-то сразу вспомнил Алекса. Утром этого дня он успел навестить Анастасию Ивановну, повидал у нее Кольку, и тот рассказал ему, что большую часть забот по похоронам его матери взял на себя именно он, Алекс. Более того, там, у них в бараке, в крохотной каморке, на чердаке, по словам Кольки, и «квартировал» Алекс, кумир всех дворовых мальчишек и головная боль их добропорядочных матерей. Знал, оказывается, Алекс и о синей тетради, спрятанной дочерью Гридина, потому что, как явствовало из рассказа Кольки, он еще в день похорон, когда в комнате Гридиных среди их знакомых и соседей шныряли и заглядывали во все углы подозрительные парни, ловко, прямо у них из-под носа, извлек из самовара

спрятанный там сверток и, отозвав Кольку в сторону, сунул сверток ему за пазуху, приказав строго-настрою не показывать бумаги никому на свете, за исключением Никиты. И что было самым удивительным, так это то, что какая-то непонятная связь была, оказывается, между Алексом и женщиной в черном. Во всяком случае, когда Никита снова начал расспрашивать Кольку, о чем разговаривала его мать с навещавшей ее монахиней, тот, подумав, сказал, что немало говорили они и об Алексе, и монахиня даже упрекала его за историю с «пропавшей девчонкой».

Занятый всеми этими воспоминаниями, Никита совсем было отключился от общего разговора за столом, и только тревожный голос Инги, раздавшийся над самым ухом, вернул его в круг участников застолья:

– Никита, ты слышишь, звон в монастыре сегодня какой-то необычный? – говорила Инга, прислушиваясь к ночным звукам.

– Да, мне тоже кажется, звонят не совсем так, как всегда, – согласилась Ирина Павловна.

– Звон как звон, чего может быть в нем необычного? – возразил Шевцов-старший, вновь наполняя бокалы.

Но в это время тишину пререзал другой посторонний звук – резкий телефонный звонок в кабинете Алексея Степановича.

– Простите, друзья, я сейчас... – он прошел в кабинет, прикрыл за собой дверь.

За столом воцарилось напряженное ожидание. Телефонный звонок в столь поздний час мог бы встревожить любого.

Наконец дверь открылась. Алексей Степанович подошел к столу и, не опускаясь на стул, глухо произнес:

– Звонил Сергей Петрович Столбов, управляющий делами президиума. Два часа назад покончил с собой директор института иммунологии профессор Строев.

Несколько минут прошло в молчании. Олег, Инга и Никита обменялись одним им понятными взглядами. Инга больно сжала руку Никиты и словно оцепенела. Ирина Павловна тяжело вздохнула. Шевцов-старший мрачно покачал головой:

– Вот такие дела... Об умерших плохо говорить не принято, но... Я всегда чувствовал, Строев добром не кончит.

– Его покарал сам Бог, – тихо произнесла Ирина Павловна.

– Он стал жертвой безысходности, сам себя загнал в тупик, – заметил Берг.

– Его вынудил пойти на это страх. Только страх! – возразил Олег.

– Земля просто не могла дальше терпеть такой мерзости, – сказала Инга.

– Его убила совесть, – убежденно проговорил Никита.

45

А когда неделю или чуть больше спустя, проводив Ингу домой, Никита возвращался к себе в общежитие, ему снова и в весьма осязательной форме пришлось вспомнить Григория Марковича Строева и его команду.

Час был поздний. В небе ни звездочки. Сверху сыпал мелкий колючий дождь. И Никита спешил как можно скорее пересечь открытый всем ветрам пустырь, отделяющий академгородок от городских кварталов, как вдруг путь ему преградил мужчина в длинном плаще с поднятым воротником. В глаза бросились сильно приплюснутый нос и сплошной ряд золотых зубов, хищно поблескивающих сквозь кривящиеся губы.

«Перебитая переносица и полный рот золотых зубов», – тотчас прозвучала в памяти когда-то услышанная фраза. Неужели это он, тот налетчик, что толкнул на преступление шофера Селезнева?

Неясная тревога заставила Никиту замедлить шаг. Он попытался обойти мужчину стороной. Но тот ухватил его за рукав:

– Не найдется закурить, молодой человек?

– Простите, я не курю.

– Не куришь? Тогда так потолкуем, – мужчина коротко свистнул, и из сгустившейся темноты выступили три здоровенных парня. – Вот, братва, попалась наконец эта сука, что задрала хвост на нашего бывшего хозяина. Итак, хмырь, какие же доказательства собирался ты выложить, если Строев предстал бы перед судом?

Никита понял, что на этот раз пощады ему не будет. Бандиты рассчитали точно. Место здесь было пустынное, время позднее. Да и кто смог бы оказать ему помощь в схватке с четырьмя головорезами.

– Ну, что молчишь, падла? – продолжал золотозубый. – Мы могли бы и сразу дух из тебя вышибить. Да хотим знать, что и от кого ты узнал об этом деле. Расскажешь все честно, отделаешься парой оплеух. Иначе...

Никита отлично понимал, что будет «иначе». Мозг его лихорадочно перебирал все возможные варианты выхода из матовой ситуации. Но в голове не складывалось ни малейшей надежды на спасение. Липкая паутина страха все больше опутывала сознание, язык словно прилип к гортани. Да и что он мог сказать?..

– Ты что, оглох?! – рявкнул золотозубый, вытаскивая из кармана нож.

Никита непроизвольно попятился назад и в ту же минуту услышал шум приближающейся автомашины. Яркий сноп света озарил обступивших его парней. Те поспешили отступить в тень. А золотозубый, злобно выругавшись, еще сильнее вцепился в рукав Никиты и потянул его за собой с проезжей части дороги:

– Пусть проедут. Да не вздумай пикнуть, враз прирежу!

Никита почувствовал, как все в нем напряглось, словно закрученная до предела пружина. «Вот он, последний шанс! Ведь если пинком отбросить бандита в сторону и, догнав машину, уцепиться за задний борт...»

Бегать Никита умел. Пистолета у налетчика как будто не было. «Итак...»

Но машина неожиданно сбавила скорость и остановилась. И здесь неудача! Никита успел заметить, что в кабине сидел лишь один шофер. Значит, рассчитывать на его помощь бессмысленно. Впрочем, золотозубый отсек и эту последнюю возможность. Ослабившись в заискивающей улыбке и не выпуская рукав Никиты, он подошел к кабине и окликнул водителя:

– Закурить не найдется, браток? Пьяный кореш вот навязался. А с пьяным, сам знаешь...

– Закурить тебе? – глухо отозвался шофер, погромыхивая какими-то железками. – А может, сначала я получу сдачу с того «должка», который ты с меня сорвал?

– А-а, это ты! – сразу сменил тон золотозубый. – Так это еще вопрос, кто кому остался должен. Придет время – посчитаемся. Вот и этого хмыря сейчас потрясем, чтобы знать, кому еще не терпится получить сдачу. А ты шпарь пока своей дорогой, а не то!.. – В руке у него вновь блеснул нож. Но в это время дверка кабины резко распахнулась, и тяжелая монтировка, оказавшаяся в руке шофера, с силой обрушилась на голову налетчика. Тот только ойкнул и мешком свалился на дорогу.

– А-а-а! – донеслось со стороны его подельников. – Они заодно. Бей их!

Шофер поспешно включил скорость.

– Селезнев... – не веря своим глазам, прошептал Никита.

Но тот уже тронул машину с места.

– Селезнев! – закричал что было сил Никита.

– Боже мой, ты?! В кабину! Живо! – крикнул он, распахивая дверцу.

Никита уцепился за скользкий поручень, попытался вскочить на подножку, сорвался. Но сильные руки Селезнева втащили его в кабину, и машина рванулась вперед, разметав вцепившихся было в нее парней.

С минуту прошло в молчании. Селезнев не сводил глаз с раскисшей от дождя дороги, Никита тщетно пытался унять нервную дрожь, сотрясавшую все тело. Но вот под колесами зашелестел асфальт городских улиц. Селезнев сбавил скорость и, отыскав в темноте руку Никиты, крепко сжал ее в своей большой грубой ладони.

– Давно собираюсь сказать тебе: спасибо, друг. Спасибо за все.

- Что вы, Иван Петрович! Это вам спасибо. Они же со мной расправиться хотели. И если бы не вы...
- Ну, спровадить на тот свет этого фраера – не велика заслуга. А вот свалить Строева... Этого я бы никогда не смог сделать. А пока он был жив... Пока он был жив, я места себе не находил. Будто по раскаленным углям ходил. И как ты его-о! Я ведь все знаю. И давно хотел отблагодарить тебя, да как-то случая не представлялось. А теперь и второй мой обидчик отомщен. Я давно за ним охочусь. Потому и за руль снова сел. И сегодня не случайно оказался на этой дороге. Да Бог привел и тебе помочь. Слава ему, Господу нашему! Значит, простил он меня. И совесть мою успокоил.
- А они, эти люди, не привлекут вас? Я, в случае чего, засвидетельствую...
- Не беспокойся, друг. Никто из них пикнуть не посмеет. Я эту публику знаю. Недаром пять лет отбухал. А вот и твое общежитие. Тебе ведь сюда?
- Да, может, зайдете, чайку попьем.
- Нет, чаи гонять мне некогда. И вообще пока лучше быть подальше от этих мест, на всякий случай. А ты выберешь время, заходи. Я тебе буду рад.

46

Бабье лето в этом году пришло с большим опозданием, когда его уж и перестали ждать. Лишь в начале октября прекратились наконец холодные нудные дожди, солнце подсушило землю и установилась теплая, почти летняя погода. Но осень уже сделала свое дело: деревья в парке стояли совсем голые, птицы улетели, всюду под ногами шуршала желтая опавшая листва. Впрочем, трава на газонах была еще зеленой и пестревшие астрами клумбы продолжали радовать глаз яркой россыпью цветов.

В университете давно начались занятия, поэтому аллеи парка были почти пусты, особенно в его дальнем конце, куда забрел Никита в оставшееся от обеда время. До конца перерыва было еще далеко, и он присел на одну из садовых скамеек, чтобы здесь, наедине с собой, продумать тезисы выступления, которое предстояло сделать завтра вечером на открывающейся конференции по физике нефтяного пласта. Мысли его совсем уже настроились на деловой лад, когда кто-то кашлянул над самым ухом, и знакомый хриплый голос произнес:

– Здравствуй, доцент. Не помешаю?

Никита вздрогнул. Неужели его снова ждет какая-то большая неприятность? Но голос бомжа звучал на удивление беззаботно, даже весело:

– Не бойсь, доцент, сегодня я ничем тебя не напугаю. Пришел проститься с тобой. Да и дельце небольшое есть.

– Здравствуйте, Алекс. Садитесь... – Никита поднял на него глаза и словно споткнулся на полуслове: Алекс был одет в новый вполне приличный костюм и свежую сорочку с галстуком. На голове его красовалась франтоватая фетровая шляпа.

– Что, не узнал прежнего бомжа? – спросил он с веселой усмешкой. – Да, брат, считай, подфартило мне под конец жизни. Встретил я хорошего человека. Хотя что значит встретил?... Знал я и прежде эту женщину, даже приударял за ней. Но все это было одно баловство. Она была замужем, с детьми и вообще... А недавно снова встретились, разговорились. Ну, слово за слово, то да се... Муж у нее, оказывается, умер, дети разъехались кто куда. Живет она теперь одна в рабочем поселке тут неподалеку, километрах в семидесяти от города. Там у нее свой дом, хозяйство, сад, скотинешка. Где одной женщине управиться? Ну и решили мы скоротать остаток дней вместе. Так что теперь я женатый человек и на днях уезжаю к своей законной супруге.

– Поздравляю вас, Алекс, – искренне порадовался за него Никита. – Пусть у вас все будет хорошо, и в семье, и в жизни.

– Спасибо, доцент. Пусть все будет ладно и у тебя.

– Но вы сказали, какое-то дело есть ко мне?

– Есть и дело. Ты, как я понял, тоже скоро женишься на Инге Никитичне?

- Да, скоро свадьба.
- Что же, поздравляю и я вас обоих. И вот ей мой подарок к свадьбе, – с этими словами Алекс вынул из кармана небольшую коробочку и, щелкнув запором, поднес к глазам Никиты/Там на алом бархате лежал красивый платиновый крестик с бриллиантом на золотой цепочке.
- Что вы, Алекс! – растерялся Никита.– Как может принять Инга столь дорогой подарок от постороннего человека?
- Ну, я, положим, не такой уж посторонний для Инги Никитичны человек. Да и вещь эта не моя, а ее собственная.
- Как ее собственная?
- А так. Ей этот крестик подарили ее приемные родители.
- Какие приемные родители? Что вы говорите?!
- Что знаю, то и говорю. Аккурат за год до смерти Борис Львович получил большую премию, ну, и сделал ей подарочек.
- Да нет, я не о том. Почему вы назвали ее родителей приемными?
- А-а. Ну, это длинная история...– смутился Алекс.– И не о них сейчас речь. Факт тот, что крестик еще в детстве подарили Инге Никитичне. А эта чертова ведьма Анна Петровна слямзила подарочек. Она вообще обчистила их обоих: и Льва Яковлевича, и Ингу Никитичну перед тем как драпануть из дома академика.
- Но Инга не говорила мне ни о чем подобном.
- К чему ей было расстраивать тебя? А больно она переживала из-за пропажи, я знаю. Вот я и решил восстановить справедливость.
- Тоже выкрали крестик?
- Зачем красть. Эта ведьма сама отдала, стоило припугнуть ее как следует. Я ведь ой-ой как много знаю о ее похождениях. И если мне все рассказать где следует... В общем, выцыганил я у нее эту вещь. Но кое-что пришлось и стянуть у старой перечницы. Только не самому! Сам я такими делами не занимаюсь. Выручил один приятель. Он это чисто сделал. Да и стянули-то мы не Бог знает что, а всего-навсего одну бумаженцию, правда, нужную вам с Ингой Никитичной бумаженцию. Вот, взгляни, – Алекс снова порылся в кармане и подал Никите аккуратно свернутое свидетельство горзагса.
- А это еще что?
- А это брачное свидетельство, из которого явствует, что незадолго перед тем как вломиться в дом академика под видом его законной жены, эта бестия Анна Петровна вышла замуж за некоего Ваню Георгадзе. Чуешь, чем это пахнет?
- Я немного знаю об этом, – сказал Никита, вспомнив, как таким же документом вертел перед глазами Анастасии Ивановны брат академика Гридина. – Но зачем нам с Ингой это?
- Эх, доцент, доцент, не знаешь ты жизни. Да затем это вам нужно, что когда, не дай Бог, умрет Лев Яковлевич и эта ведьма подаст в суд, чтобы на правах законной жены оттяпать у вас с Ингой все его архивы, библиотеку, лабораторию – а она обязательно это сделает, – вы могли бы предъявить суду эту бумаженцию. Секешь?
- Да... Но вы знаете, мне известно, что такой же бумаженцией, точнее ее копией, запасся еще один человек.
- Уж не двоюродный ли братец Льва Яковлевича? - Да.
- Я так и думал. Но теперь ему такая бумаженция не потребуется. Даже наоборот. Ты думаешь, где сейчас обретается эта ведьма?
- Понятия не имею.
- Ну так я тебе скажу. Такие, как она, всегда могут устроиться, потому что, как говорят, дерьмо не тонет. Так вот, живет она теперь у Николая Ефимовича Гридина, то ли его экономкой, то ли сожительницей. Они, я думаю, давно снюхались. А теперь сам бог велел им друг за друга держаться – два сапога пара. Оба как воронье кружат вокруг академика, ждут не дождутся его смерти. А ты им, в случае чего, и утрешь нос этой бумаженцией.

Тут только Никита понял, какую неоценимую услугу оказал ему, да и не только ему, бывший бомж.

– Спасибо, Алекс, – сказал он, рассматривая официальный документ. – Действительно, до меня не сразу дошло, какой хитрый ход сделал этот отставной партократ, приблизив к себе Анну Петровну. И дело не в библиотеке, не в лаборатории и прочих вещах. Он за открытием академика охотится. Вот что вы спасли для всей нашей страны, всего нашего народа.

– Ну и ладно. А теперь прощай. И дай Бог вам с Ингой счастья на всю жизнь. Да, чуть не забыл, – стукнул Алекс себя по лбу. – А как с Колькой, пристроил ты его куда-нибудь?

– Колю сейчас приютила одна хорошая женщина, моя знакомая. Да и я не оставлю его на произвол судьбы. Так что можешь за него не беспокоиться.

– Вот и славно. Стоящий ты человек, доцент. Не то что я, горемыка, ничего не сделал для мальчика, а ведь обещал покойнице. Те бумаги-то, что передал тебе Колька... Это она, мать его, шепнула мне про них перед самой кончиной и сказала, чтобы я передал их Льву Яковлевичу да попросил его... ну, позаботиться, что ли, о Кольке. А я и это свалил на тебя. Но ведь и то сказать, тебе куда как проще это сделать. Так ведь?

– Не беспокойся, я передам бумаги Льву Яковлевичу. А Колю не отпущу от себя. Да и Инга к нему привязалась. Мы позаботимся о нем.

– Вот это дело! Славный парнишка. Жалко, если пропадет. Ну, а теперь бывай! Давай твою пятерню. Сжился я с тобой. Но... Каждому свое. Или как там по-вашему, поученому?..

– Постойте! Да кто же все-таки вы?! И почему бы вам с вашей женой не побывать на нашей свадьбе. Я уверен, что Инга...

– Не продолжай, доцент. Не стоит! На свадьбу к вам я не пойду. И ничего о себе больше не скажу. Так надо. Не дай Бог тебе пережить то, что пережил я по своей собственной глупости. Прощай и не поминай лихом!

Он встал и пошел прочь, как всегда не оборачиваясь, не замедляя и не ускоряя шага. И лишь несколько минут спустя, когда грузная фигура бывшего бомжа скрылась за воротами парка, Никита вспомнил, что он снова ошарашил его целой облоймой непонятных, загадочных высказываний. Что значило, что он не посторонний для Инги человек? И почему он назвал ее отца и мать приемными родителями? Все, что было связано с Алексом, заставляло относиться к его словам с должным уважением. Но как в таком случае понимать то, что услышал от него Никита сегодня? И кто он все-таки, этот странный, но, похоже, очень неплохой человек? Неужели теперь все это так и останется загадкой?

Никита встал со скамьи и в раздумье направился к своему институту нефти.

Но что это? Что за толпа собралась у ворот? Там явно что-то случилось! Неясная тревога заставила Никиту ускорить шаги. Однако люди уже начали расходиться. У ворот осталось лишь несколько человек, и среди них Олег со Светланой. Он подскочил к ним:

– Олег, Света, что тут произошло?

– Пустяки! – махнул рукой Олег. – Какого-то старикашку кондрашкахватила.

– Какого старика? Кто он?

– Кто знает...

– Но что с ним случилось? Как он выглядел? Во что хоть был одет? – засыпал Никита друзей вопросами, боясь услышать самое страшное.

– Старик как старик, – спокойно пояснила Светлана. – Одет был в коричневый костюм и серую фетровую шляпу. А что случилось? Видно, сердечный приступ. К счастью, тут неподалеку оказалась машина «скорой помощи». Увезли человека в больницу. Да что ты вдруг аж побелел? Мало ли что с кем случается. Особенно в пожилом возрасте. А человек был, похоже, в годах. И никто из наших его не знает. Все говорят, случайный прохожий.

– Случайный прохожий... Это же Алекс! Алекс...– Никита почувствовал, что задыхается от подступивших рыданий. – Скажите... Скажите, куда хоть увезли его, в какую больницу?

– А кто знает, – пожал плечами Олег. – И что это за Алекс? Ты знал его, что ли?

Но Никита лишь махнул рукой и, не говоря больше ни слова, тут же бросился на поиски бывшего бомжа. Только где его искать? Где и как можно навести справки о человеке, у которого не были известны ни фамилия, ни настоящее имя, ни место жительства.

Только к концу недели в одной из больниц, на самой окраине города, Никита напал на след Алекса. Заведующий реанимационным отделением, к которому после бесчисленных проволочек провели Никиту, полистал лежащие у него на столе истории болезни и нехотя сказал:

– Да, кажется, вот это то, что вы ищете. Три дня назад к нам привезли больного, похожего на человека, которого вы. описали. У него оказался обширный инфаркт миокарда и почти полная потеря пульса. Больной был без сознания и к вечеру того же дня, не приходя в себя, скончался. Мы сделали все, что могли, но...

– А дальше?

– Что же дальше?... Поскольку у больного не оказалось никаких документов, пришлось отправить его в морг, а там... Впрочем, сейчас я позвоню. Там, в морге, работает хорошо мне известный судмедэксперт, подождите секундочку.

Врач вышел в соседнюю комнату и через несколько минут сказал:

– Так вот, молодой человек, как я и думал, разыскиваемого вами человека, поскольку труп его оказался невостребованным и никем не опознанным, похоронили за счет местного бюро судебно-медицинской экспертизы на городском кладбище в братской могиле за номером 264.

– Спасибо, – с трудом выдавил из себя Никита. – Но неужели у человека не было при себе абсолютно ничего, никакой бумаги или...

– Я же сказал, у больного не оказалось никаких документов. А впрочем... Постойте, постойте... Да, вспомнил, в одном из его карманов я обнаружил небольшую фотографию. Да вот она, до сих пор в истории болезни! Можете взять, если хотите.

Никита взял в руки небольшое любительское фото и почувствовал, как предательский комок рыданий сдавил ему горло. С пожелтевшей, изрядно потертой фотографии на него смотрела маленькая худенькая девочка, на лице которой нельзя было не узнать больших, не по-детски печальных глаз Инги...

47

Они сидели за вечерним чаем все втроем, что стало обычным с тех пор, как после обручения Никиты с Ингой он, по настоянию Инги и Льва Яковлевича, перебрался из общежития в дом Гридиных. Час был поздним. Андрюша успел улечься спать, электросамовар, без которого старый академик не мыслил ни одного семейного чаепития, перестал издавать звучные трели, чашки давно были отставлены в сторону, а они все сидели за столом, снова и снова возвращаясь к рассказу Никиты о странном, удивительном бродяге.

– Нет, я не знал, кто был этот человек, не знал даже его фамилии, хотя, должен признаться, тоже замечал иногда кое-что странное в его поступках, – говорил Лев Яковлевич, прислушиваясь к стучащему в окна дождю. – Я познакомился с ним при нескольких необычных обстоятельствах. Было это лет десять назад, где-то в конце августа или начале сентября. Я, помнится, работал в библиотеке, когда услышал в саду подозрительные шум и крики, и, занятый работой, постарался не обращать на них внимания. Но крики не прекращались, и я вышел в сад. Каково же было мое изумление, когда я увидел там разъяренную, размахивающую руками Анну Петровну и стоящего перед ней пожилого незнакомого мужчину. Незнакомец был плохо одет, сильно изможден, в руках у него я заметил надкушенное яблоко.

– Что здесь происходит? – спросил я, стараясь понять, в чем дело.

В ответ Анна Петровна разразилась новым приступом брани:

– Полюбуйтесь, пожалуйста, – кричала она на весь сад, – взрослый человек, седина на висках, а он, как вор-мальчишка, забрался в чужой сад, крадет яблоки. Да еще смеет оправдываться!

– Я взял всего одно яблоко. И то поднял с земли. Вон их сколько гниет кругом в траве, – пытался возразить мужчина.

Но Анна Петровна ничего не хотела слушать.

– Вор, негодяй, мошенник! – продолжала она наступать на вконец растерявшегося бродягу. – Мы сейчас вызовем милицию и...

– Успокойся, Аня, – постарался я унять разошедшуюся скопидомку. – Дело действительно яйца выеденного не стоит. А вы, – обратился я к незнакомцу, – должны согласиться все-таки, что не совсем порядочно так вот, без разрешения, входить в чужой сад. – После чего взял Анну Петровну за руку и направился к двери, давая тем самым понять, что инцидент исчерпан.

Но странный незнакомец подошел к нам почти вплотную, бросил надкушенное яблоко мне под ноги и сказал с непередаваемой горечью:

– Извините, академик, за мою непорядочность, возьмите обратно ваше яблоко, пусть оно сгниет вместе с сотней других, только имейте в виду, что иногда мимо вашего сада может пройти человек, у которого за весь день не было маковой росинки во рту. И не дай Бог, чтобы когда-нибудь, пусть очень нескоро, на месте этого человека оказалась ваша любимая внучка.

– Ваша внучка?! Так он и сказал: ваша внучка? – воскликнула Инга. Что он хотел этим сказать?

– Не знаю. Тогда я не обратил на это особого внимания. Только взглянул на его худое, изможденное лицо, на гору гниющих в траве яблок, и мне стало стыдно. Нестерпимо стыдно! Я тут же позвал Глафиру Сергеевну, попросил ее провести незнакомца в дом и как следует накормить его. Стоит ли говорить, что никакая работа больше не шла мне на ум. Страшные угрызения совести словно парализовали все мои мысли. Я даже обрадовался, когда полчаса спустя незнакомец зашел ко мне в библиотеку. Мне хотелось искренне, от всей души извиниться перед этим человеком. Но он стал униженно благодарить меня. Благодарить за тарелку супа! Это было уж слишком! Я собрал все деньги, какие были при мне, и попытался отдать незнакомцу. Но он с негодованием отвел мою руку:

– Я, если голод совсем уж возьмет меня за глотку, действительно могу и украсть, – заявил он, – но принять от вас милостыню – покорнейше благодарю! Вот если вы предложите какую-нибудь работу...

Я вспомнил, что давно собирался перестроить садовую беседку и предложил ему помочь Семену в этом деле. Он с радостью согласился. Так вот появился этот человек в моем доме. С тех пор он часто бывал здесь, я помогал ему чем мог, он тоже оказывал мне кое-какие мелкие услуги. Но то, что я услышал сегодня от тебя, Никита...

– Да, все это более чем странно... – произнесла в раздумье Инга. – В детстве я почему-то очень боялась этого человека. Может быть, потому, что он как-то непонятно, с какой-то не то болью, не то осуждением смотрел на меня. А потом, когда я стала взрослой, во мне проснулась удивительная жалость к нему, жалость до боли в сердце, до слез, до отчаяния. Мне почему-то казалось, что во всех его несчастьях виноваты мы с бабушкой, я сама. Я и сейчас не могу отделаться от этого чувства, убедить себя, что ушел из жизни совсем чужой, посторонний для меня человек.

– Ну, это понятно, – заметил Никита. – Я был знаком с Алексом всего несколько месяцев, но и на меня смерть его произвела неизгладимое впечатление. Может быть, потому еще, что он унес в могилу какую-то тайну... Кстати, Лев Яковлевич, вы сказали, что иногда замечали в его поступках нечто странное. Что же это были за странности, если не секрет?

– Ну, какой там секрет! К тому же все эти странности были настолько безобидны! Да вот хоть такая. В нашем озере, как, может быть, ты слышал, довольно много рыбы. Стоит ли удивляться, что это излюбленное место рыбаков-любителей. Мне самому в былые времена нравилось посидеть там с удочкой часок-другой. Ну-с, и как в любом другом водоеме, в нем есть места, где рыба особенно хорошо клюет. Мест таких много. О них знают все. И каждый выбирает то, какое ему по душе. Но есть одно место – и об этом тоже знают все, – где рыба совершенно не клюет. Это неподалеку от причала, куда мы привязываем лодку. Так вот, Александр рыбачил именно там. Там, и ни в каком ином месте! Рыбы он, естественно, никогда не приносил. И хотя я говорил ему, что это в порядке вещей, и сам не раз показывал места хорошего клева, он упорно целыми днями сидел со своей удочкой только там, под старой ветлой, что неподалеку от нашего сарайчика...

– Помнишь, Никита, мы с тобой как-то встретили его в этом месте, – заметила Инга.

– Еще бы не помнить! – улыбнулся Никита. – Ведь это было наше первое свидание.

– И первый выговор от деда за то, что я поздно вернулась домой и не могла толком объяснить, где пропадала весь день, – рассмеялась Инга. – Так ведь, дедушка?

– Было такое дело, – усмехнулся Гридин. – А знаешь почему? Тот же Александр заставил меня поволноваться в тот день. Он видел, как вы катались по озеру, видел, как направились обратно к дому. И... пропали до самого вечера.

– Так он и шпионил за мной? – вскинула брови Инга.

– Шпионил не шпионил, а, видимо, заботился о тебе, беспокоился за тебя, может, даже любил по-своему. Мне вот сейчас вспоминается еще один случай...

– Тоже связанный с его странностями? – подал голос Никита.

– В какой-то мере. Было это вскоре после нашего знакомства, когда Инга была совсем еще крошкой. Шли мы однажды по двору, где Анна Петровна вывесила только что выстиранное белье, и... Да нет, об этом, пожалуй, не стоит! – покосился Гридин на Ингу.

– Нет уж, дедушка, начал, так говори! – запротестовала та, хлопнув ладошкой по столу.

– Ну, хорошо. Так вот, шли мы мимо этого белья. Вдруг вижу, что-то приотстал мой Александр. Оглядываюсь, а он... целует платице Инги. Я сделал вид, что ничего не заметил... а Александр...

– Ой, дедушка, ты никогда об этом не говорил!

– Да о чем было говорить? Мало ли за ним водилось всяких чудачеств! Вот хоть совсем недавно, – снова усмехнулся Гридин, – стояли мы с ним в саду, у беседки, стояли болтали о всяких пустяках. Вдруг Александр замолк на полуслове да как бросится в кусты! Забрался, чудак, в самую гущу, пригнулся чуть не до земли и делает мне знаки, как нашкодивший ребенок, не выдавай, мол. Я подошел к нему ближе, а он шепчет: «Тише, Лев Яковлевич, видите, кто там, за вашим забором!» Я смотрю, а там монахиня...

– Женщина в черном! – невольно воскликнул Никита, ? переглянувшись с Ингой.

– Да, черница из местного монастыря. Я не раз видел ее там, на просеке. И чего Александр так испугался?..

– А вас самого никогда не удивляло появление этой женщины? – спросил Никита, снова обмениваясь взглядом с Ингой.

– Что в этом удивительного? – просто ответил Гридин. – По просеке идет дорога к монастырю.

– Но почему по этой дороге ходит одна-единственная, всегда одна и та же монахиня и что заставляет ее всякий раз останавливаться именно у вашей дачи?

– Да, действительно, кажется, это всегда была одна и та же черница, – подумав, согласился академик, – и что-то, в самом деле, привлекало ее в нашем саду. Но я, признаться, не придавал этому значения. А ты усматриваешь в этом что-то преднамеренно-недоброе?

– Кто знает... Я не могу сказать, что у меня сложились какие-то определенные соображения. Но мы с Ингой тоже частенько сталкивались с этой женщиной. И должны признаться, всякий раз не могли отделаться от чувства неосознанной тревоги.

- Чувства тревоги?! Но почему? Никита пожал плечами:
- Если б я мог это объяснить...
- Гм, странно... И вы не отделались от этого чувства по сей день?
- Боюсь, оно только усилится после того, что вы только что рассказали. Едва ли реакция Алекса на появление женщины в черном была всего лишь проявлением чудачества. Как и все другие его «странные поступки». Скорее всего, он пережил какую-то страшную трагедию. Возможно, это была потеря родной дочери, чем-то похожей на Ингу...
- Дочери, чем-то похожей на Ингу? – глухо переспросил Гридин, почему-то меняясь в лице.
- А почему бы нет? Или потеря любимой женщины...– продолжал Никита, не замечая внезапной перемены, происшедшей с академиком.
- Может быть, может быть...– поспешно согласился тот.
- Но самое ужасное, – решительно заключил Никита, – что эта трагедия, по-видимому, как-то связана с женщиной в черном. Вот почему она стала для меня еще более подозрительной. Честно говоря, я боюсь за Ингу...
- Боишься за Ингу? – как эхо повторил академик, еще больше меняясь в лице.
- Да. Ведь мне показалось, что эта монахиня словно специально преследует ее... Но что с вами, Лев Яковлевич? Вы чем-то встревожены?
- Нет-нет! Просто я... Просто пытаюсь осмыслить все, что ты сказал сейчас об Александре и этой чернице... Может быть, тут в самом деле есть что-то... Что-то загадочное. А если сопоставить все это еще и с тем, что поведал о нем сегодня ты, все эти предостережения, какие он делал тебе... Этот портрет Инги, найденный в его кармане...
- «И если б я добавил еще, что Алекс проговорился, будто он совсем не посторонний Инге человек, и что сын Льва Яковлевича и его невестка были якобы всего лишь «приемными родителями» Инги», мысленно продолжил Никита, но счел за лучшее не говорить об этом, по крайней мере сейчас, при Инге, хотя видел, что академик явно чего-то недоговаривает, а где-то в глубине сознания его, Никиты, все больше зрела смутная догадка об истинном положении бывшего бомжа в семействе Гр и других. Он надеялся, что академик сам выскажет что-то более определенное или вспомнит еще какой-нибудь факт, который позволил бы подтвердить или опровергнуть эту догадку. Но Лев Яковлевич лишь развел руками и закончил бесцветным голосом:
- Да, если сопоставить все, о чем ты говорил сегодня, то может Бог знает что прийти в голову. Впрочем, теперь это не имеет никакого значения.
- Никита понял, что больше старик не скажет ни слова. Однако на помощь пришла Инга:
- А что ты все-таки имел в виду, дедушка? – спросила она, живо обернувшись к нему.
- Да ничего особенного... Просто пришло в голову одно нелепое предположение, но настолько нелепое, что не стоит о нем и говорить. И вообще...– Гридин резко тряхнул головой, словно отгоняя непрошенные мысли.– И вообще, не будем больше тревожить душу усопшего. Как бы там ни было, он был человеком, и нам остается выполнить по отношению к нему последний христианский долг. Завтра же я зайду к знакомому батюшке, закажу панихиду по новопреставленному, помолимся за него. А сейчас... Вечная память и царство небесное тебе, Александр!
- Академик привстал из-за стола и осенил себя широким крестом. Инга сделала то же самое. А Никита невольно покраснел. Он никогда не крестился, не знал даже толком, как это делается, и потому не решился последовать примеру Льва Яковлевича и Инги, хотя чувствовал, что должен это сделать. Впрочем, едва ли кто заметил его замешательство. Старый академик низко склонил голову над столом и словно ушел в себя. Он или произносил мысленно какую-то молитву, или снова осмысливал свое «нелепое предположение». Инга в задумчивости смотрела прямо перед собой, крепко сцепив побелевшие пальцы. Так продолжалось с минуту или две. И только когда академик снова поднял голову, Никита решился нарушить затянувшееся молчание:
- Лев Яковлевич, я знаю, вы искренне верите в Бога. А в загробную жизнь вы верите?

Гридин заметно оживился:

– Вопрос не из простых. Но я постараюсь ответить на него. Дело в том, что вера в Бога и вера, как ты говоришь, в загробную жизнь – далеко не одно и то же. Вера в Бога бескорыстна. Вера в загробную жизнь вытекает если не из эгоистического, то, по крайней мере, чисто личностного стремления человека продлить свое существование, пусть в ином мире, ином качестве. Я знал людей, которые саму веру в Бога обуславливают – именно обуславливают! – гарантированным бессмертием души. Я не собираюсь ни осуждать их, ни оправдывать. Я могу сказать только за себя. Так вот, я верю в Бога бескорыстно, без каких бы то ни было условий. Что же касается загробной жизни, то есть она или нет – не знаю. Это как Богу угодно. Мы не раз спорили об этом с Петром...

– Петром Эдуардовичем Бергом?

– Да. Они, медики, сейчас усиленно муссируют проблему жизни после смерти. Но мне кажется, здесь та же навязчивая идея продлить свое собственное существование. А вообще-то в последнее время слишком много стали говорить о сущности веры. Не верить, а именно говорить о вере.

– Вы это не одобряете?

– Как вам сказать?.. Я полагаю, что на Земле почти нет человека, который бы совершенно не верил в Бога. Но каждый человек верит по-своему. Бог академика или профессора – это совсем не то же самое, что Бог кухарки или уборщицы. И дистанция этих различий громадна. Для одни Бог – это то, что принято выражать формулой «Бог – отец, Бог – сын, Бог – дух святой», хотя суть этой формулы не понятна почти никому. Для других – это создатель всего сущего. Для третьих – некий глобальный вселенский разум. Для четвертых – это вершитель судеб всех без исключения людей, беспощадный судья, карающий за малейший грех. Для пятых – это нечто, находящееся внутри самого человека и взвешивающее все его поступки. Для шестых – вообще нечто вроде страховой компании, пекущейся лишь о загробной жизни и скрупулезно подсчитывающей все добрые и худые дела человека, чтобы решить, какие из них перевесят, чтобы выдать пропуск в «царство небесное». Ну и так далее. Однако в прежние времена каждый держал подобные соображения, как говорится, при себе. А ныне превратили это чуть ли не во всеобщий диспут, забыв, что в Бога надо просто верить.

– Просто верить... Точно так же говорил и Петр Эдуардович, – вспомнил Никита. – И все-таки, Лев Яковлевич, а что такое Бог для вас? Как вы его представляете?

– А для меня Бог – это нечто абсолютно непознаваемое и непредставимое, то есть я убежден, что никогда никто не узнает, что такое Бог и никто никогда не сможет его себе представить.

– Та-ак... Так же, примерно, мыслит и Петр Эдуардович. Помнится, он сказал однажды: «Бог – это нечто такое, что не может быть познано никакими имеющимися у человека орудиями познания, включая всю мощь его мозга».

– Петр очень неглупый человек.

– А как же расхожая фраза: «Бог создал человека по своему образу и подобию»?

– А что такое образ и подобие? – ответил академик вопросом на вопрос. – Разве речь обязательно должна идти о внешнем облике? Ведь и в человеке главное не его внешность, а его внутренняя сущность, его личностность, его душа. А все это для любого другого человека такая же terra incognita, как и образ Всевышнего. Впрочем, у Инги вот совершенно; особое мнение о том, как воплощается сущность Бога в сознании людей.

– Какое же, Инга? – обратился к ней Никита.

– Да, я верю в Бога по-своему, – упрямо тряхнула головой Инга. – По-моему, Бог – это... – она с минуту подумала. – По-моему, единственным и самым убедительным, самым доступным выражением божественной силы на Земле является красота.

– Красота?! – удивился Никита. – Как это красота?

– А вот так! Помнишь, ты сказал мне однажды, что наиболее распространенным аргументом в пользу существования Бога является факт поразительной целесообразности

окружающего нас мира: целесообразности в строении атома, целесообразности в движении небесных тел, целесообразности в строении живых существ?

– Помню, но... ;

– Да, ты же и возразил, что вся эта целесообразность может быть лишь следствием самых обычных, естественных процессов, подчиняющихся всем известным законам физики,, механики, биологии...

– Сейчас я смотрю на это несколько иначе. . .

– Неважно. Может быть, ты был и прав. А вот красота? Чем ее объяснить прикажете? – Инга испытующе посмотрела на Никиту.

Тот недоуменно пожал плечами.

– Да, чем объяснить красоту всего, что нас окружает? – упрямо повторила Инга. – Возьмите обычный воздух. С точки зрения вас, естественников, это всего лишь смесь азота, кислорода и углекислоты, как нельзя лучше приспособленная для дыхания всего живого. Так?

– В общем-то так, – не мог не согласиться Никита.

– А для миллионов простых людей, – страстно воскликнула Инга, – это чудо красоты, этот ласкающий глаз голубой небосвод, раскинувшийся над нашими головами. Такого нарочно не придумаешь! Так вот, почему атмосфера Земли так красива? Это что, чистейшая случайность? Или тоже какая-то целесообразность?

– Ничего себе вопросик! – окончательно растерялся Никита.

– А весенний убор лесов, полей и лугов? – продолжала Инга, все более воодушевляясь. – Разве это только хлорофилл, необходимый для синтеза биомассы? Нет, это тоже чудо красоты! И не какой-то там квант определенной энергии, как ты мне однажды объяснял. А именно бесценный зеленый убор планеты. Но почему он так красив? Я уж не говорю о белой кипени садов, о ярком ковре альпийских лугов. Да мало ли... Я знаю, сейчас ты снова сошлешься на естественный отбор, на борьбу за существование. Чепуха все это! Я понимаю, что все эти приспособления для опыления, привлечения насекомых, разноса семян – тут действительно поработала эволюция. Но красота-то, что она дает в борьбе за существование? Возьми хоть цветок ландыша. Что, по-твоему, пчелы так уж равнодушны к его красоте? Да разве только ландыш! Нет, дорогие мои, тут эволюция ни при чем. Ей нет дела до красоты. Ей достаточно этой вашей целесообразности. Красоту могли подарить миру совсем другие силы, для которых главное – чувство прекрасного. Они же, эти силы, наделили человека способностью создавать и воспринимать музыку, поэзию, даровали ему такое чувство, как любовь. Вот он, мой Бог!

Инга с вызовом взглянула на обоих мужчин. Щеки ее разгорелись, глаза блестели.

– Сдаемся, Никита, сдаемся! – мягко улыбнулся Гридин. – Иначе она нас, естественников, совсем в угол загонит.

– Но ведь в этих высказываниях есть и известная доля истины, – возразил Никита.

– Особенно в последней фразе. Тут я согласен с внучкой на все сто процентов. Любовь, истинную, возвышенную любовь, мог дать людям только Бог. И я бесконечно счастлив, что по воле его смог дожить до нынешних дней и увидеть, как он одарил ею двух самых дорогих мне людей. – Академик с нежностью посмотрел на Ингу и Никиту. – Пусть же это прекрасное чувство никогда не покинет вас.

– Как не покинуло оно до сих пор одну хорошую женщину, – невольно вырвалось у Никиты.

– Что? Что ты сказал? – насторожился академик.

– Да вспомнил одну свою знакомую, бывшую сотрудницу института иммунологии...

– Вон ты о ком! – нахмурился Гридин. – Значит, ты знаком с ней?

– Больше чем знаком.

– Гм... Инга, будь добра, поднимись, пожалуйста, наверх, взгляни, как там Андрюша: что-то он беспокойно засыпал сегодня.

– Хорошо, дедушка.

– Я понял, кого ты имеешь в виду, – снова заговорил академик, когда дверь за Ингой закрылась. – Но не надо об этом. Не надо! Есть вещи, о которых лучше никогда не вспоминать. Может, у той, о ком ты говоришь, и теплится еще что-то в душе, но ведь за последние десять с лишним лет она ни разу не навестила меня.

– А знаете почему?

– Видимо, какая-то обида... Хотя, видит Бог, с моей стороны...

– Да, вы здесь ни при чем. Все это дело рук вашей бывшей супруги. Она оскорбила и грубо выгнала Анастасию Ивановну из вашего дома в первый же день, как вернулась сюда после постигшего вас несчастья. Ну и, сами понимаете...

– Боже, какой кошмар! А я даже не знал об этом. Да если бы и знал... На ее стороне закон... А я... Что я мог поделать с этим чудовищем? Это поистине мой крест. Крест, который я вынужден нести до сих пор. Ведь она, сознаюсь тебе, до сих пор шантажирует меня. И, боюсь, не отступится от своих «прав» даже после моей кончины. Я должен был сказать тебе это, чтобы вы с Ингой могли заранее подумать о соответствующих мерах.

– Нет, Лев Яковлевич, больше ей не удастся шантажировать ни вас, ни нас с Ингой. И об этом тоже позаботился Алекс.

– Опять Александр?!

– Да. Вот полюбуйтесь, что он передал мне во время последней встречи.

– А что это? Брачное свидетельство? Выданное Анне Петровне и какому-то Ване Георгадзе?! Ничего не понимаю! Объясни мне, что это значит?

– А это значит, что, когда ваша так называемая «законная супруга» двенадцать лет назад вторглась в ваш дом, она уже тогда не имела на это никаких прав, поскольку еще за год до этого сочеталась браком с гражданином Георгадзе, о чем и свидетельствует этот официальный документ горзагса. Взгляните-ка на дату его выдачи.

– Боже! Боже мой! – схватился за голову Гридин. – И, значит, все это время... Все эти двенадцать лет...

– Да, все это время вы были жертвой самой отвратительной лжи. И в то же время – верьте мне! – все эти двенадцать лет у вас не было более верного и более преданного друга, чем Анастасия Ивановна.

– Нет-нет, не продолжай! И без того я никогда и ни перед кем не чувствовал себя так виноватым, как перед Настей Кедровой. И перед нашей с ней... Но это после. После! Придет время, и я расскажу тебе все-все! Но сейчас... Сейчас я просто не готов к такому разговору. К тому же вот-вот вернется Инга. А ей будет особенно больно услышать, что я должен буду рассказать. Отложим это хотя бы до вашей свадьбы.

– Ну что же, как вы сочтете нужным. Но почему бы вам все-таки не встретиться с Анастасией Ивановной, не навестить ее? Должен же кто-то сделать первый шаг. А без этого... Неужели вы допускаете, что ее не будет на нашей свадьбе?

– Нет, это было бы... просто невероятным. Но с какими глазами я предстану перед ней сейчас? Что скажу? Если б хоть какой-нибудь предлог...

– А предлог есть. Я ведь не рассказал еще об одном обстоятельстве, с которым столкнулся в последнее время. Вы помните историю исчезновения так называемой «синей тетради»?

– Ты имеешь в виду записки моего ближайшего помощника Михаила Глебова?

– Да.

– Перед ним я тоже виноват, Никита. Не понял, недооценил, не уберег человека. И какого человека! И Бог поделом наказал меня за это. Потеря «синей тетради» – невосполнимая утрата и для меня, и для всей нашей науки.

– А если бы она нашлась?

– Этого не может быть. По имеющимся у меня сведениям, записки Глебова попали в руки очень злобного, очень непорядочного человека. И скорее всего тот уничтожил их. Это в лучшем случае. А в худшем – продал таким же бесчестным негодяям, как он сам.

– Нет, Лев Яковлевич, «синяя тетрадь» цела и невредима.

– Что-о?! – старый академик побледнел от волнения. – Ты шутишь?

– Нет, и мы хотели бы вернуть ее вам.

– Кто это «мы»? И почему «вернуть»? Я не имею на нее никаких прав.

– Мы – это я, Анастасия Ивановна, Алекс, один очень маленький, очень добрый человек, но прежде всего его мать, брошенная дочь вашего двоюродного брата. Это она, точнее они со своей матерью, бывшей женой Николая Ефимовича, изыали у него и сумели сохранить бесценные материалы. Но сама несчастная женщина не успела передать вам их. Она скончалась всего за несколько дней до кончины Алекса. Но еще до этого попросила Алекса выполнить ее волю и вернуть, именно вернуть вам записки Глебова, потому что только вы сможете обратить их во благо человека. Ну, а мы с Анастасией Ивановной и сыном этой женщины просто помогли ей это сделать. Позже я расскажу вам, как все это было. А сейчас – вот она, «синяя тетрадь».– Никита извлек из кармана драгоценные записки и положил на стол перед академиком.

Тот осторожно раскрыл тетрадь на первой странице, пробежал несколько строк и вдруг всхлипнул, закрыв глаза рут кой, и отвернулся к окну:

– Прости, Никита, но я... Я просто не могу... Ведь, столько всего сразу... – Академик снова закрыл глаза ладонью. Но в это время сверху спустилась Инга.– Ну, что Андрюша, Инга?

– обратился он к ней, стараясь скрыть набежавшие слезы.

– Ты прав, у него небольшой жарок. Но дышит спокойно.

– Я так и думал. Немного перегуляли вы сегодня. Я поднимусь к нему. Да и... сам отдохну немного. А вы...

– А мы пойдем подышим свежим воздухом. Верно, Никита? – сказала Инга.

– Да, пожалуй,– согласился тот.

Они накинули плащи и вышли на улицу.

Дождь перестал. Небо очистилось от туч. Яркие звезды, как горячие угольки, сверкали на черном бархате неба. Большая полная луна медленно поднималась над еле видимой кромкой леса.

– Вот она, божественная красота, – чуть слышно прошептала Инга, теснее прижимаясь к Никите.

И вдруг вскрикнула:

– Ой, смотри! Вон там, под фонарем!

Никита поднял глаза и похолодел от страха. Из ночной тьмы, в узком пучке света, идущего от фонаря, прямо на них в упор смотрели полные боли и отчаяния глаза женщины в черном...

48

Нет, наверное, человека, который бы не испытывал волнения, даже страха перед защитой диссертации. Но тем приятнее бывает покинуть заседание ученого совета с сознанием одержанной победы, с глубоким удовлетворением от результатов огромной многолетней работы, получившей должную оценку со стороны больших ученых и взыскательных производственников .

Именно в таком состоянии спускался Никита по широкой лестнице, идущей из актового зала института в обширный гулкий вестибюль, сразу же по оглашении результатов тайного голосования.

Там, в актовом зале, все еще оставались его коллеги, геологи и геофизики, научные работники института и прибывшие из многих экспедиций специалисты-практики, поисковики и разведчики нефтяных месторождений. Они продолжали обсуждать только что свершившееся действие, громко споря, живо обмениваясь мнениями. Многие из них, наверное, еще искали глазами виновника сегодняшней дискуссии. А он выскользнул, пользуясь общей суматохой, из душного зала, чтобы здесь, в тиши и прохладе пустого вестибюля, наедине с собой привести в порядок свои чувства, унять не в меру расходившиеся нервы.

Он еще вернется туда, наверх, и будет снова принимать поздравления, отвечать на бесчисленные вопросы, растолковывать настырным производственникам отдельные положения своей теории. А сейчас ему хотелось одного: выскочить под сгустившиеся сумерки ноябрьского вечера и глубоко, всей грудью, вдохнуть пьянящую свежесть тугого осеннего воздуха.

Он быстро пересек вестибюль, толкнул плечом тяжелую входную дверь и едва не столкнулся с поднимающимся в подъезд Олегом.

– Здравствуй, Олежка! Ты чего это тут? – удивился Никита.

– Привет, Никита. Ну, как твои дела? Порядок?

– Да вроде более или менее. А ты разве не был там? – кивнул Никита в сторону актового зала.

– Опоздал, как видишь. Так уж получилось. А Разин и другие зубры были?

– Были, но молчали, как в рот воды набрали.

– Да, наступил ты им на хвост.

– Против фактов не поспоришь.

– А как голосовали, единогласно?

– Сорок три – за, четыре – против.

– Все-таки против! Но это все, что им еще оставалось. Да так даже лучше: четыре против. В ВАКе, говорят, не любят, когда степень присуждают единогласно.

– Ну, до ВАКа еще палкой не докинешь. А сегодня пришлось попариться.

– То-то ты как взъерошенный петух.

– Да, вышел вот проветриться.

– Слушай, Никита, ты мне друг? – спросил неожиданно Олег.

– Что за вопрос? Друг, конечно.

– А скажи честно, мы с отцом здорово помогли тебе повернуть защиту?

– Еще бы не здорово! Разве без вас я смог бы так легко связаться с Георгием Александровичем и провести производственный эксперимент. А без этого...

– Вот то-то и оно! Без нас ты так и сник бы в когтях у Разина и компании, – он немного помолчал. – Ну а ты поможешь мне с моей защитой?

– Всем, что будет в моих силах.

– Спасибо, Никита. Я на тебя очень рассчитываю.

– А разве и у тебя возникли какие-то трудности?

– Трудности не трудности, а как тебе сказать... Нашлись, понимаешь, умники, которые поставили под сомнение результаты моих экспериментов.

– Как это поставили под сомнение? Они что, были у тебя в лаборатории?

– Зачем у меня? Они поставили аналогичные эксперименты в своих лабораториях, на своих установках, и не получили заявленных мною результатов.

– Так, может, они сделали что-то неверно. Пригласи их к себе и ткни, как говорится, носом.

– Легко сказать – ткни носом! Что ты, не знаешь, как это бывает у нас, у физиков? Десять раз получается все как надо. А на одиннадцатый все летит к черту.

– Так надо спокойно разобраться, почему это происходит, тщательно прощупать всю установку и еще раз проследить весь ход эксперимента.

– Все сделал – стало еще хуже.

– Давай попробуем вместе. Я теперь буду свободнее, помогу тебе.

– Без толку. Честно говоря, результаты и раньше прыгали, как горох в решете. Я с самого начала старался выбирать те, что понадежнее.

– Но ведь это... Это же не совсем корректно.

– Что я, не знаю, что это некорректно? – взорвался Олег. – А что мне было делать, если иначе не получалось.

Если я работал как проклятый, а результаты словно издевались надо мной.

- Все равно нельзя было так. Лучше давай проверим все, отладим установку и начнем все с начала.
- Хорошенькое дело – начать с начала, когда срок аспирантуры на исходе! Ты вот защитился – тебе и ветер в зад. А мне что делать, на завод идти?
- Почему обязательно на завод? Я, может быть, помогу тебе устроиться в институте. А в свободное время продолжишь свои эксперименты.
- Премного благодарен! Идти к вам ишачить на дядю? Нет уж...
- Так что же ты собираешься делать?
- А то ты не догадываешься! Диссертация-то написана. Руководитель никакого криминала в ней не нашел. На кляузы этих умников совет может среагировать, а может послать их к черту. А после защиты – фью! Ищи ветра в поле! Так что главное сейчас – обработать членов ученого совета. И тут ты...
- Постой, постой! Как это обработать членов ученого совета?
- А так, как все делают.
- Как это все? Мне, например, и в голову не приходило...
- Ну, ты известный идеалист. Я говорю о нормальных людях. Так вот, сейчас вся надежда на тебя. Гридин твой сейчас в фаворе, снова директор института, а на днях кооптирован и в президиум филиала. Вся профессура теперь готова молиться на него. Вот ты и попроси его, как будущего родственника, он тебе не откажет...
- Попросить о чем? – все еще боялся поверить своим ушам Никита.
- Попроси замолвить за меня словечко, поговорить соответствующим образом с ведущими членами совета.
- Просить членов совета закрыть глаза на липовые данные экспериментов?!
- Ну, ты уж совсем – липовые данные! Говорю, что основная масса моих результатов подтверждает заложенную в диссертацию идею. Ну а отдельные неувязочки... У кого их не бывает? Важно, чтобы на защите не акцентировалось на них внимание, не подчеркивалось значение высказываний моих оппонентов.
- Нет, Олег, я не смогу просить об этом Гридина. Это же человек кристальной честности и порядочности, а то, что ты предлагаешь...
- Ну да! Знал бы ты, что вытворял этот кристально-
- 228

порядочный человек в бытность своего прежнего директорствования в институте иммунологии. Он, говорят, ни одной юбки не пропускал, а незаконных детей своих в местный монастырь спроваживал. Некоторые из них до сих пор по городу расхаживают. Кстати, ты и сам, кажется, с ними встречался.

- Что ты сказал?! – еле выдавил из себя Никита, мгновенно вспомнив женщину в черном.
- Сказал то, что всем, кроме тебя, известно. У тебя ведь что ни человек, то святой. А в действительности мы живем среди самых обыкновенных, вполне нормальных людей со всеми их чисто человеческими слабостями. И не делай из Гридина икону. Я и не просил бы тебя говорить с ним о моей защите, если бы моего предка не поперли на пенсию, кстати, не без ведома того же Гридина. Отец бы все для меня сделал. И мне не пришлось бередить твое телячье благородство. Но сейчас ты должен мне помочь. Услуга за услугу!
- глаза Олега сделались жесткими. – Кстати, вопрос еще, соответствовало ли истине сообщение Георгия Александровича о том, что из шести указанных тобой площадей на пяти забили нефтяные фонтаны.

Никите показалось, что на него выплеснули ведро с помоями.

- Что?! Что ты сказал?! Что сообщение Георгия Александровича такая же липа, как результаты твоих экспериментов?
- Нет, я не утверждаю, что это точно так, – продолжал с иезуитской бесстрастностью Олег. – Просто не располагаю такими данными. Но вполне допускаю, что такой добрый человек, как Георгий Александрович, мог и приукрасить свой отчет о результатах бурения, чтобы помочь тебе, а заодно и утереть нос своему недругу профессору Разину.

Вот оно что! Вот почему Олег так нагло требует «платы» за их с отцом услугу. Никита почувствовал себя зажатым в тиски. Не могло быть и речи, конечно, чтобы обратиться к академику со столь беспардонной просьбой, но нельзя было теперь, после того, как Олег бросил ему в лицо такой оскорбительный намек, отказать ему с благородным негодованием. Оставалось одно.

– Вот что, Олег, – обратился он к своему бывшему приятелю, – я готов отказаться от кандидатской степени. И, клянусь, что откажусь от нее, если узнаю – а я обязательно узнаю! – что в отчете Георгия Александровича есть хоть малейшее отклонение от истины. Да, я сделаю это, ты знаешь меня. Но и просить академика помочь тебе в твоих нечистоплотных махинациях не стану. Что же касается той грязи, какой ты полил сейчас уважаемого мной человека, то обещаю тебе, что я докопаюсь до истины и тут. И если подтвердится все, что ты сказал, то я искренне извинюсь перед тобой, если же нет, то публично влеплю тебе пощечину.

– Ну что ты распетушился! – сразу сменил тон Олег. – Я же только предположил, что Георгий Александрович что-то приукрасил в своем отчете. А что касается Гридина, то, как говорится, за что купил, за то и продаю. Может, это действительно одни сплетни. И вообще, не хочешь помочь – не надо! Только вот как ты поладишь со своей совестью? Помнится, ты так проникновенно разливался о ней, когда я навестил тебя в больнице. Где же она теперь, твоя совесть? Ведь как бы там ни было, а мы все-таки помогли тебе. Да и наш дом был для тебя почти родным домом. Мать и отец до сих пор относятся к тебе как к сыну. А ты вон как...

– Да, совесть будет мучить меня. Я действительно в большом долгу перед всей вашей семьей и особенно перед Ириной Павловной. И потому еще раз говорю, что готов помочь тебе всем, чем смогу, вплоть до того, что готов день и ночь сидеть с тобой, чтобы довести до ума твою злосчастную установку. Ты знаешь, я кое-что соображаю в физике. Но сделать то, о чем ты просишь, не могу. И это тоже не позволит мне моя совесть. А теперь пойдем наверх.

– Зачем это?

– Чтобы проверить, сколько скважин, заложенных на указанных мной площадях, дали нефть. Там сейчас сидят геологи, приехавшие из экспедиции Георгия Александровича. У них и узнаем.

– Очень нужно мне это?

– Это нужно мне! – жестко ответил Никита.

– А как ты собираешься проверить? Спросишь у этих геологов, все ли в отчете Георгия Александровича соответствует истине? Или заставишь самого Славина раскрыть все карты? Так они и скажут тебе правду!

– До сих пор ты не считал меня таким глупым.

– Тогда что же ты хочешь сделать?

– Пойдем, увидишь. А пока запиши или запомни номера этих скважин, – Никита вынул из кармана записную книжку. – Вот, смотри: скважины номер 402, 417, 464, 470 и 493.

– Ну, что же, пойдем посмотрим, как ты возьмешь этот «интеграл».

В зале, куда поднялись приятели, было уже тихо: началась защита второй диссертации. Никита скользнул взглядом по рядам и указал Олегу на высокого мужчину, сидящего неподалеку от двери:

– Это начальник эксплуатационной части экспедиции. С ним стоит потолковать.

– Давай, давай!

Никита подошел к геологу ближе и тронул его за плечо:

– Константин Сергеевич, вас можно на минутку?

– Да, конечно, – геолог поднялся с места и вышел вслед за ними из зала.

– Константин Сергеевич, – обратился к нему Никита. – У вас нет с собой данных химических анализов нефти из скважин, пробуренных в прошлом квартале?

– Как же, как же... Вот, пожалуйста, – он порылся в портфеле и, вынув оттуда стопку форменных бланков, протянул их Никите.

Тот начал неторопливо перебирать плотно заполненные цифрами таблицы, время от времени передавая их Олегу:

– Та-ак... Скважина четыреста вторая... Слишком много серы, а, Константин Сергеевич?

– Да, но посмотрите на выход легких фракций!

– С легкими лучше не надо. Да и в скважинах четыреста семнадцатой, четыреста шестьдесят четвертой, четыреста семидесятой то же самое. Вот в четыреста девяносто третьей с легкими фракциями немного похуже. Взгляните, коллега! – обратился он к Олегу.

– Да-а, – неопределенно протянул тот, машинально тасуя бланки анализов.

– Спасибо, Константин Сергеевич, – возвратил Никита их геологу. – Пойдемте, коллега.

Олег понуро двинулся к выходу. ;

– Ну, удостоверился? – коротко спросил Никита, когда они вышли на лестницу.

– Да ладно уж! – буркнул Олег, не поднимая глаз.

– А с Гридиным чуть позже. И также без дураков. :

– Сказал – ладно! Все время, сколько я тебя знаю, да-, пил ты меня своим чистоплюйством.

Олег пошел вниз по лестнице, а Никита вернулся в зал. Там продолжала излагать суть своей работы молодая женщина-геофизик. Но Никита не мог заставить себя даже прислушаться, о чем говорила соискательница. Мозг сверлила одна мысль: что если Олег прав и женщина в черном действительно внебрачная дочь Гридина? Это было, конечно, верхом фантазии. Но ведь была же какая-то причина, заставляющая ее бродить возле дачи академика! А их взаимоотношения с Алексом? Ясно, что какая-то связь существует между ними. Но какая? И почему в пропаже своей дочери,

если это действительно было так, женщина в черном винит не кого иного, а того же Алекса. Вопросы, вопросы... И ни на один из них нет пока вразумительного ответа.

А когда в следующий перерыв он снова спустился в вестибюль, к нему подскочила Светлана:

– Здравствуй, Никита. Пришла послушать твою защиту. Здорово у тебя все получилось. А почему нет Олега? Ты видел его?

– Олег был, но ушел.

– Как ушел? Странно... И вообще, ты не знаешь, что с ним в последнее время происходит? Дерзит, дуется на что-то, со мной не хочет даже разговаривать. А ведь мы с ним в последнее время...

– Знаю, что вы...

– Что знаешь?

– Я же не слепой. Но ты особенно не расстраивайся. Просто у него не ладится с работой.

– Так надо помочь человеку. Может, я что-то смогу сделать?

– Ты – нет. А я попробую.

– Попробуй, Никита, вы же друзья.

– В общем, да. А у вас, значит, новый директор?

– Точнее, старый директор.

– Ну и как, вы довольны?

– Боюсь, что больше недовольных.

– Вот так так! Это почему же?

– Так ведь теперь всем работать придется. А в последнее время как было: в какую лабораторию ни зайдешь – мужчины в коридорах папирос изо рта не выпускают, а женщины или чай гоняют, или косточки переминают друг другу, сердечными секретами обмениваются.

- Кстати, о сердечных секретах. Правду ли говорят, что в пору своего прежнего директорствования Гридин слишком много... Как бы это сказать... Ну, слишком много молодыми сотрудниками интересовался?
- Гридин?! Да он, я слышала, вообще на женщин внимания не обращал. Ни на молодых, ни на старых. Вот женщины, говорят, действительно вились вокруг него. И было отчего. Недавно я видела его фотографию тех времен – импозантный был мужчина! Но чтобы он сам ухаживал за своими сотрудниками... Кто тебе сказал такую глупость?
- Представь себе, Олег.
- Олежка?! Тоже мне знаток амурных дел! И ты поверил ему?
- Я хотел бы не верить.
- Так можешь быть спокойным: в чем-в чем, а в этом, насколько я знаю, Гридин был безгрешен. А у тебя, говорят, скоро свадьба?
- Да. И надеюсь, что среди наших гостей будете и вы с Олегом.
- Что значит «мы с Олегом»? – вспыхнула Светлана.
- А то и значит, что оба вы – наши друзья.
- Ой, Никита, и язычок у тебя! Да, чуть не забыла, Погодина-то нашего, говорят, посадили.
- Как посадили?! За что?
- А он тут неподалеку, в одном городишке, «коммерцией» занялся, начал из-под полы торговать «безотказным» лекарством от рака. А на проверку оказалось, что это всего лишь толченный кирпич, смешанный с солью.
- Н-да... Бесславно закончил «спаситель человечества»!

49

В этот воскресный день Никита впервые за много последних месяцев почувствовал себя свободным от деловых забот. Все документы, связанные с защитой, были оформлены, все первоочередные институтские работы завершены, дома также пока ничего от него не требовалось, к тому же Инга с Глафирой Сергеевной с утра пошли по магазинам, а Лев Яковлевич с Андрюшей отправились гулять на озеро, поэтому он решил выполнить наконец данное себе обещание: пойти навестить Ивана Петровича Селезнева.

День был ясным, солнечным. Выпавший вчера мокрый снег за ночь заметно подмерз, приятно похрустывал под ногами, все вокруг блестело ласкающей глаз белизной.

Никита быстро пересек рыночную площадь и уже повернул было к тупичку, в глубине которого стоял домик Селезнева, как вдруг на пути его выросла фигурка молодой девушки лет семнадцати-восемнадцати в длинной коричневой дубленке, с большой сумкой через плечо. Лицо девушки выражало высшую степень смущения и растерянности. При подходе Никиты она сначала отступила на шаг, но потом несмело подошла к нему:

- Скажите, это дом Селезнева?
- Да, здесь живет Иван Петрович Селезнев.
- Вы идете к нему?
- Совершенно точно.
- А можно мне с вами?.. Или нет, можно мне попросить нас... Я, видите ли, дочь Ивана Петровича.
- Дочь Селезнева?!
- Да. Но я давно его не видела, могу не узнать... Мне было всего четыре годика, когда я в последний раз... Когда его забрали...
- Так пойдемте, я снова познакомлю вас с вашим папашей.
- Спасибо, но я боюсь, как бы он... Как бы ему не стало плохо от такой неожиданности... Я ни о чем его не предупредила, не написала ему, не телеграфировала. У меня не было даже адреса. Так вот, не могли бы вы...
- Подготовить его к вашей встрече?

- Да, как-то поговорить с ним немного...
- Понятно. Но тогда давайте хоть познакомимся сначала. Я – Никита Гамов, хороший знакомый Ивана Петровича, многим ему обязан. Решил вот сегодня навестить его.
- А меня зовут Люба. Люба Селезнева.
- Так вот, Люба, расскажите мне немного о себе, чтобы я знал, как построить разговор с вашим отцом. Сколько, вы говорите, с ним не виделись?
- Лет двенадцать-тринадцать.
- А до этого?
- А до этого... Родилась я здесь, в этом доме. И все у нас было хорошо. Папа любил меня. Я помню, как часто он держал меня на руках, приносил мне игрушки, сладости. А когда мне исполнилось четыре года, папу арестовали. То есть я потом узнала, что его арестовали. А тогда он просто пропал для меня. Осталась одна мама. Но к ней стал ходить какой-то дядька. Мне он не нравился, я боялась его. А мама сказала, что это мой новый папа, и вскоре мы переехали с ним в его деревню. Там было плохо. Все обижали меня, даже мама. А отчим и бил иной раз. Так прошло несколько лет. И вдруг я узнала, что папу освободили. Сколько у меня было радости! Я думала, что все вернется, все станет как прежде. Но вот приехал папа... И вы не представляете – мама не пустила его в дом, а меня спрятала в чулан. Я думала, я умру с горя. Я кричала, что хочу к папе, а меня били. Бил отчим, била и мама. Я возненавидела их обоих. Но что я могла сделать? Я не знала даже, где живет папа. А они... Как они издевались надо мной! Потом мама заболела, и стало еще хуже. Отчим стал пить, приводить домой каких-то женщин. А когда мама умерла, этот человек, этот урод, стал приставать ко мне... Это был такой ужас, Никита! Тогда я выбрала день, когда отчим уехал куда-то, и убежала из дома. Вот и все. Добрые люди показали мне папин дом. А теперь не знаю, как и быть. И радостно мне, что снова увижу папу, и страшно чего-то. И за здоровье папино боязно. Вдруг я заявлюсь, а он...
- Все ясно, Любаша. Побудьте тут немного. Или пройдите лучше вон туда, сядьте на скамеечку, посидите. А я за вами приду.
- Селезнев встретил Никиту как самого дорогого гостя, засуетился, забежал по комнате, начал выставлять на стол все, что нашлось у него в холодильнике, вынул откуда-то бутылку сорокаградусной. Но Никита сразу остановил его:
- Подождите, Иван Петрович, сядем лучше вот сюда, на кушетку. Разговор есть.
- Селезнев послушно сел, Никита примостился рядом.
- Иван Петрович, – снова начал он, – прошлый раз вы подробно рассказали мне о себе и всех ваших бедах. А семья ваша? Что с ней произошло?
- Семья-то?... Была и семья. Жена, дочурка... И жили мы вроде неплохо. А как засадили меня... В общем, ни разу не пришла ко мне моя суженая. Сначала, правда, писала. Так, изредка. Потом не стало и писем. А как вышел на свободу, пришел сюда, смотрю: домишко заколочен, двор бурьяном зарос, и – ни души! Соседи сказали, что вышла моя дражайшая половина замуж и уехала в соседний совхоз. Побывал я там, видел свою ненаглядную – на порог меня не пустила. И дочку не показала. Вот и вся семья... С тех пор – один-одинешенек... Захаживал, правда, ко мне этим летом один паренек. Да ты видел его, Кольку. Я к нему как к сыну... А теперь и он пропал. Вот все, что осталось от него, – Селезнев пошарил по полке над столом и выставил перед Никитой старый, пожелтевший от времени стетоскоп, – любимая игрушка Кольки. А теперь и память о нем.
- Селезнев тяжело вздохнул, а Никита машинально взял стетоскоп в руки и начал рассматривать его. Странной игрушкой любил играть его маленький друг! Но что это? Никита внимательнее присмотрелся к старинному инструменту медиков. Это была, должно быть, дорогая вещица. Стетоскоп был выточен из слоновой кости, а на потертой поверхности его поблескивала небольшая табличка, где ясно можно было прочесть: «Профессору Л.Я.Гридину в честь его сорокалетия». Профессору Гридину?!
- Иван Петрович, а как могла попасть эта игрушка в руки Коли? Он не говорил?

– Что-то говорил, да я не понял. Вроде какая-то монашка, что приходила к ним, дала ему поиграть. Вот он и носился с ней. Думал, что это пастушья дудочка.

– Монахиня, что приходила к матери Коли?! – воскликнул Никита в сильном волнении, но тут же вспомнил, что его ждет на площади дочка Селезнева.

– Ладно, Бог с ней, с этой дудочкой. А я вот о чем хотел с вами потолковать. Вы, как я понял, по дочке скучаете?

– Жить без нее не могу! Все бы на свете, кажется, отдал, лишь бы увидеть ее.

– А если пригласить ее приехать сюда?

– Гм, пригласить... Разве эта ведьма отпустит?

– Но дочь может и не послушать ее. Теперь она совершеннолетняя.

– Не послушать, говоришь? Да, могла бы и не послушать. Да как уговорить ее не послушать? Как это сделать, с чего начать, ума не приложу...

– А если б я помог вам в этом?

– Если б ты действительно помог! Боже, если б мне хоть с минуту снова побыть с ней!

– А я ведь уже сделал кое-что. И, думаю, скоро вы увидите свою дочку.

– Не шути, Никита. Этим не шутят.

– А я не шучу, Иван Петрович. И должен сказать вам прежде всего, что ваша бывшая супруга давно скончалась...

– Да?!

– Да. И что ваша дочка сама решила приехать к вам. Приехать насовсем. Так что давайте-ка заканчивайте собирать на стол, а я пойду встречу ее.

– Как, сегодня? Сейчас?! Так это... Это в самом деле? – проговорил Селезнев, глотая слезы.

– В самом деле, Иван Петрович. Только не давайте волю своим нервам. Да глотните на всякий случай таблетку валидола. А мы сейчас придем.

Все последующее промелькнуло перед глазами Никиты как феерическая картина большого человеческого счастья: были объятия, были слезы, были радостные возгласы и не менее радостные минуты молчания. Однако третий здесь был лишним. И Никита поспешил оставить вновь обретших друг друга отца и дочь и покинуть дом Селезневых.

Он был искренне рад за своих новых друзей, мысленно от всей души желал им всего самого доброго и светлого. Но мысли его снова и снова возвращались к оказавшемуся у Кольки стетоскопу. Как могла оказаться у женщины в черном, кто бы она ни была, уникальная вещица, преподнесенная почти сорок лет назад тогда еще молодому профессору Гридину? Почему она столько времени хранила эту вещь, а теперь отдала ее, по сути дела, совсем постороннему мальчишке?

Будет ли конец этим загадкам?..

50

Из всех больших и малых событий, составляющих жизнь человека, одним из самых важных и волнующих является, несомненно, приглашение гостей на собственную свадьбу. С этой приятной миссией и пришел сегодня Никита в дом Шевцовых. Дверь ему, как всегда, открыла мать Олега. Но как изменилась она за те несколько недель, что он не заходил к своему приятелю. Нет, она была по-прежнему безукоризненно одета, тщательно, по моде, причесана, от нее все так же исходил тонкий аромат дорогих французских духов. Но словно тяжкая болезнь подкосила милую, в недавнем прошлом цветущую женщину. Взгляд ее потух, тонкие лучики морщин сгрудились вокруг глаз, две глубокие жесткие складки залегли возле кончиков губ – вся она будто надломилась, поблекла, потускнела.

– Ой, Никитушка, – всплеснула руками Ирина Павловна, – что-то ты совсем забыл нас. Я уж не помню, когда и видела тебя.

– Каюсь, грешен, – попытался отшутиться Никита, – но так уж получилось: защита, конференция, новая работа – совсем закрутился в последнее время. А теперь вот еще... Вы

знаете, зачем я пришел? Я пришел пригласить вас, Ирина Павловна, вместе с Алексеем Степановичем и Олежкой, конечно, на нашу с Ингой свадьбу.

– На вашу с Ингой свадьбу? Спасибо, Никитушка, спасибо, дорогой, только...

– Никаких только! В следующую субботу в два часа дня мы ждем вас всех на даче Гридина.

– В следующую субботу? Не знаю даже, что тебе сказать... Поверь, мы с Алексеем Степановичем были бы рады принять участие в столь радостном для вас событии. Но вот Олег...

– А что Олег?

– Страшное что-то случилось с Олегом, Никита. Вторую неделю не ест, не спит, никуда не ходит, день-деньской лежит на диване и ни с кем ни слова. Я к нему и так и эдак – молчит, как в рот воды набрал.

– Понятно...

– Что тебе понятно, Никитушка? Может, хоть ты объяснишь мне, в чем дело?

– А вот сейчас я с ним поговорю. Где он прячется?

– Как всегда, в своей комнате закрылся. Не вышел сегодня ни к завтраку, ни к обеду. Я уж и пирожков его любимых напекла, а он... – В глазах Ирины Павловны блеснули слезы.

– Ничего страшного. Не убивайтесь, Ирина Павловна, Сейчас выйдет и заговорит ваш затворник.

Никита толкнул знакомую дверь и зашел в комнату Олега. Тот действительно лежал на диване, отвернувшись к стене, и не произнес ни звука, не повернул даже головы при появлении друга.

– Здравствуй, новоявленный отшельник, – окликнул его Никита. – Ты что, голодовку объявил?

– А ты утешать меня пришел? – буркнул Олег, по-прежнему не поворачивая головы.

– Я не ангел-утешитель, чтобы петь псалмы во славу упивающихся собственными неудачами отроков.

– Кто же ты, демон, злой дух, Мефистофель? – желчно усмехнулся Олег. – м

– Лучше быть Мефистофелем, чем изображать из себя несчастенького, всеми обиженного младенца.

– Каждый делает что умеет, – насупился Олег.

– Почему же каждый? Я, например, предпочитаю делать что хочу.

– Что же ты сейчас хочешь?

– Вздуть тебя как Сидорову козу! Ты знаешь, где я проторчал чуть не всю эту неделю?

– Только этого мне и не хватало.

– Этого тебе действительно не хватало. Все это время я провозился с твоей установкой.

– Никто тебя об этом не просил, – пробурчал Олег.

– Верно, меня никто не просил. И все-таки скажи, из чего у тебя сделаны сменные линзы?

– Будто не знаешь! Из кварцевого стекла.

– Что значит из кварцевого стекла? Из кристалла горного хрусталя, ты хочешь сказать?

– Ну, из горного хрусталя, если тебе так больше нравится.

– Да, мне это больше нравится. Иначе я, как ты, запутался бы в трех соснах. И где ты взял эти кристаллы?

– В нашем минералогическом музее. Там их навалом. Сам завмузеем подобрал.

– С кристаллами, значит, все в порядке. Кузьмич свое дело знает. А кто вытачивал линзы, ты сам?

– Очень нужно! Отец заказал в камнерезной мастерской, там сделали.

– Но ты хоть объяснил им, как надо было сделать?

– Что им объяснять?! Они лучше меня знают.

– Ни черта они не знают! И ты, похоже, вместе с ними. Ты слышал хоть, что кварц – анизотропный минерал?

– Слышал, конечно, а какое это имеет значение?

– Болван! И когда вы, физики, научитесь уважать другие науки: геологию, минералогию, кристаллографию? Когда научитесь хоть изредка заглядывать в наши справочники? Тогда ты знал бы, что кварц имеет только одно оптически изотропное сечение, сечение, перпендикулярное его главной оптической оси, то есть оси симметрии третьего порядка. И линзы следовало вытачивать только в этом, и ни в каком ином сечении. А из пяти твоих линз только три, и то, видимо, случайно, удовлетворяют этому требованию. Вот откуда свистопляска в результатах экспериментов. В установках же твоих оппонентов, надо полагать, все линзы сделаны из такого «кварцевого стекла». Это же физики чистейшей воды, а не какие-то там представители неточных наук! Плевали они на то, что наоткрывали мы, геологи.

– Постой, постой! Это ты точно насчет кварца? – сполз наконец Олег с дивана.

– Точнее некуда.

– Так неужели все дело только в этих проклятых линзах?.. – он неуверенно потоптался на месте, поскреб у себя в затылке. – Неужели я чуть не погорел из-за такого пустяка? Надо сейчас же проверить...

– Проверил я. Можешь не беспокоиться. Твое дело – выточить как можно скорее две новые линзы и прогнать серию повторных экспериментов взамен тех, что выпали из общего ряда. А попутно послать своим оппонентам вежливое аргументированное возражение с не менее вежливым советом заглянуть в учебник кристаллографии.

– Ух ты! – Олег сделал какой-то немислимый пируэт и вихрем закружился по комнате. – Никитка, черт вихрастый, что же ты раньше не сказал мне об этой чертовой анизотропии?

– А ты спрашивал меня? Ты хоть раз посоветовался с жалким представителем неточных наук?

– Ладно, опять твоя взяла!

Олег что есть силы стукнул приятеля по плечу и рванулся к двери.

– Мама! – закричал он.

– Что, сынок? – мгновенно вбежала в комнату Ирина Павловна с перекошенным от ужаса лицом. – Что случилось?!

– Мама, жрать хочу! – снова гаркнул Олег так, что зазвенели стекла. – Ты, вроде, пирожки пекла?

– Пекла, сынок, пекла, остыть не успели. Я ведь предлагала тебе, а ты...

– Мало ли что было тогда. А теперь я просто умираю с голода. Вынимай все, что там у тебя есть. Заодно и этого охламона накорми. Он совсем вон отощал из-за моей глупости.

– Сейчас! Сейчас все приготовлю! Проходите, садитесь, мальчики, – засуетилась Ирина Павловна, с трудом скрывая слезы радости.

– А что, Никита, ведь если поднажать как следует, то я смогу еще и в срок уложиться, – вновь заговорил Олег, давясь непрожеванными кусками.

– Конечно, уложишься, если будешь гнать эксперимент ты, как уписываешь сейчас пирожки, – рассмеялся Никита.)

– За этим дело не станет! – в тон ему ответил Олег. – Я еще покажу, что значит физик-экспериментатор Олег Шевцов, а главное – утру нос этим столичным умникам. Они ведь меня чуть не шарлатаном окрестили, – продолжал Олег, уминая все, что выставяла на стол Ирина Павловна.

– Какие умники, Олежек? – вновь встревожилась она, подсаживаясь к столу.

– Нашлись такие... Никита вон знает. Зато теперь... Ну, а у тебя какие планы на будущее?

– вновь обернулся он к приятелю.

– На самые ближайшие?

– Хотя бы.

– Планы вполне определенные. Ты думаешь, зачем я к тебе пришел?

– Ну, ты сам сказал...

– Ерунда! Это я так, между делом. А пришел я пригласить тебя и Ирину Павловну с Алексеем Степановичем на свою свадьбу.

- На свадьбу?!
- А что ты так удивился?
- Нет, я знал, что вы с Ингой поженитесь. Но чтобы так, сразу...
- И правильно, что сразу, – вновь подседа к ним за стол Ирина Павловна. – Правильно, Никитушка. Я рада за тебя. За тебя и за Ингу. Не могу не налюбоваться на вас обоих. Все у вас так ясно, безоблачно...
- Ну, что касается безоблачности...– усмехнулся Никита.– Помните, Ирина Павловна, вы как-то говорили, что старая монахиня, которую часто видят в городе, потеряла своего ребенка?
- Да, слышала я такую байку.
- А Олег вот недавно сказал...
- Не надо, Никита,– остановил его Олег, вспомнив, видимо, недавнее обещание приятеля.
- Не надо! Глупость все это! Наслушался я бабьих сплетен и ляпнул сдуру. Все это такая чушь!
- Да не совсем, похоже, чушь. Здесь еще столько туману! И чем дальше, тем больше. Она, эта женщина в черном...
- Далась тебе эта женщина в черном!
- Но она, кажется, в самом деле была как-то связана с академиком Гридиным. Недавно я узнал, что у нее, этой монахини, хранилась одна вещь, принадлежавшая лично Гри-дину. И вот эти загадки...
- Да плюнь ты на все эти загадки! Скажи лучше, кто будет там на вашей свадьбе? Весь институт иммунологии, наверное?
- С какой стати? Впрочем, одну аспирантку-иммунологиню мы с Ингой пригласили. Так что будет тебе с кем перекинуться словечком, – хитро улыбнулся Никита.
- Очень нужны мне какие-то иммунологини! – явно смутился Олег. – Я просто так спросил.
- Я просто так и отвечаю. Будут только самые близкие наши знакомые. Ты почти всех их знаешь. Будет Петр Эдуардович Берг. Обещал приехать Георгий Александрович. Будет еще одна хорошая женщина, Анастасия Ивановна Кедрова. Помнишь, Алексей Степанович посоветовал мне познакомиться с ней, чтобы побольше узнать о Гридине? Теперь она мне как родная. Чистейшей души человек. И будет еще один мальчик-сирота. Не помню, рассказывал ли я тебе о нем. Но так уж получилось, что связала нас судьба одной веревочкой. Сейчас его приютила Анастасия Ивановна. А дальше... Очень может статься, что еще до свадьбы у нас с Ингой будет уже два взрослых сына.
- Ну, ты даешь! – воскликнул Олег.– Всякого я от тебя ожидал, но уж такого...
- А что такого? Я детей люблю, ты знаешь. На днях вот куплю с зарплаты какой-нибудь подарочек и навещу Колю, я по нему давно скучаю. А сейчас помчусь в институт, интересная идея опять наклеивается.
- Ну, давай, давай! А я – прямо к вам в музей. За новыми кристаллами.
- Не надо, вот они, кристаллы, я еще вчера подобрал. И выходы осей третьего порядка пометил. Так что шпарь прямо в камнерезку и не вылезай оттуда, пока не сделаешь все как надо. Тогда еще до следующей недели сможешь прогнать первую серию новых экспериментов. А в ту субботу, смотри, чтоб без всяких отговорок!
- Придем. Все придем! Страсть как хочется крикнуть нам «горько»!
- А когда вам будем кричать? – не мог удержаться от подначки Никита.
- Да ладно уж,– впервые не стал ершиться Олег,– надо и мне сначала защититься.

Время приближалось к восьми вечера, когда Никита, уставший, но полный радости от удачного воплощения новой идеи, возвратился домой и, не снимая пальто, не задерживаясь в прихожей, прошел прямо в гостиную в нетерпении поделиться своей

радостью с Ингой. Обычно она встречала его еще в дверях. Но сегодня гостиная была пуста. И лишь минуту спустя в ней появилась Глафира Сергеевна.

– Никита Владимирович, беда-то какая, Лев Яковлевич занемог, – проговорила она в сильной тревоге, едва зайдя в комнату.

– Как занемог, что с ним?

– Не знаю. Позвонили вот только что из института, велели позвать Ингу. Она взяла трубку, послушала и говорит: сказали, дедушке сделалось плохо, просили как можно скорее приехать к нему, куда-то там, в малую лабораторию. Набросила пальтишко и умчалась.

– Вот несчастье! Но почему ее попросили приехать не в медпункт, не в больницу, а в какую-то лабораторию? И почему позвонил не сам Лев Яковлевич, неужели не смог даже подойти к телефону?

– Не знаю, так Инга сказала. И еще сказала, чтобы вы ужинали без нее, ее не ждали.

– До ужина ли теперь! – отмахнулся Никита. – А кто звонил, мужчина, женщина, врач, просто работник института?

– Звонила женщина, сказала сотрудницей института. Только скажу вам... Может, мне, конечно, показалось, но вроде голос-то был похож на голос нашей Анны Петровны...

– Что?! Да знаете, что это может значить?

Никита подскочил к телефону, быстро перелистал телефонный справочник, набрал нужный номер:

– Алло, это институт? Вахтер? Скажите, академик Гридин еще там?

– Нет, – прозвучало в трубке, – академик Гридин час тому назад уехал на заседание президиума.

– Как уехал? А мне только что сказали, что он у себя, в малой лаборатории.

– Нет, в малой лаборатории никого нет. И ключ от нее висит у меня.

Никита даже вспотел от нахлынувшей тревоги. Что могло это значить? Ингу обманули? Вызвали с какой-то неблагоприятной целью? И голос Анны Петровны! От них с Николаем Ефимовичем можно ждать чего угодно.

Он снова метнулся к телефону:

– Президиум филиала? Ученый секретарь? Будьте добры сказать, академик Гридин у вас?

– Да, академик Гридин на заседании президиума.

– Нельзя ли попросить его к телефону?

– К сожалению, нельзя. Он выступает с докладом. Позвоните попозже.

Хорошенькое дело, попозже! Ингу явно вызвали из дому какие-то преступники. И теперь дорога каждая минута. Мало ли что могут с ней сделать там, в институте! Но не ехать же туда автобусом – сколько времени он проплюхает! Да и кто пустит его одного в какую-то там лабораторию. Что же делать?!

Он набрал номер Шевцовых:

– Олег? Вот хорошо, что ты дома. Слушай, у нас несчастье: пропала Инга.

– Как пропала?

– Долго рассказывать. А времени – в обрез. Скажи, ты сможешь быстро разыскать Светлану?

– Вообще-то смогу.

– Тогда так. Выходи на улицу, хватай первое попавшееся такси – там у вас их навалом, захвати Светлану и шпарь к даче Гридина. Я встречу вас здесь, прямо на шоссе.

– Ладно, только...

– Никаких только! Речь идет о жизни Инги, понимаешь?! Дорога каждая минута. Я жду вас, – он бросил трубку. – А вы, Глафира Сергеевна, садитесь здесь, у телефона. И если услышите что-нибудь новое, звоните прямо вахтеру института. Я буду там.

Никита выскочил на шоссе. В голове его не сложилось еще никакого плана действий. Ясно было одно – Инга в опасности. И единственное место, где можно было бы получить хоть какую-то информацию о ее судьбе, была эта самая «малая» лаборатория института

иммунологии. Значит, быстрее туда! И Никита молил Бога, чтобы поскорее подъехал Олег.

К счастью, на этот раз он проявил чудеса оперативности. Не прошло и десяти минут, как вдали показались огни машины, и та, взвизгнув тормозами, остановилась возле Никиты.

– Институт иммунологии! – кивнул он шоферу, на ходу рассказывая Олегу со Светланой все, что знал о происшедшем с Ингой. Те так же не смогли придумать ничего иного, кроме того, чтобы как можно скорее проникнуть в малую лабораторию. Тем более что Света там работала и знала каждый ее закоулок. Поэтому сразу по прибытии в институт она посоветовала оставить Олега на всякий случай в машине, а сама повела Никиту на второй этаж, к вахтеру.

– Тетя Дуся, – обратилась она к пожилой женщине, сидящей с вязанием в руках. – Кто и когда закрывал сегодня малую? Кто звонил от вас в дом Гридина и вызвал сюда лачем-то его внучку Ингу Никитичну?

– Никто от меня не звонил. А кто закрывал малую?.. Я, знаете, отлучилась на минутку, так, на самую малость. Прихожу, а ключ от нее у меня на столе.

– Но кто-нибудь поднимался туда, наверх, незадолго перед этим?

– Да, прошла одна девушка...

– В синем пальто? – не выдержал Никита.

– Вроде в синем, с непокрытой головой. Я хотела спросить у нее пропуск. А она лишь махнула рукой и сразу на лестницу. Ну, думаю, кто-то из своих. Да и видела я ее раза два, приходила она к академику.

– Все ясно! Света, бери ключ, бежим!

– Да что там стряслось, в малой? – остановила было их вахтерша. Но Никита со Светланой уже бежали вверх по лестнице.

Дверь в лабораторию действительно оказалась запертой. Но сквозь фрамугу над ней было видно, что в комнате горит свет. Светлана отперла замок, раскрыла дверь и тут же попятилась назад. В нос ударил резкий дурманящий запах.

– Хлороформ! – крикнула она, закрывая лицо рукою. – Никита, не входи!

Но тот уже метнулся вперед, перескочил через какие-то ящики, обогнул длинный, уставленный штативами стол и сразу увидел распростертую на полу Ингу. Он поднял ее на руки, прижал к груди безвольное, обмякшее тело и выскочил в коридор. Лицо Инги было мертвенно-бледным, глаза закрыты, руки безжизненно опущены вниз. Но сквозь тонкую ткань домашнего халатика, который она в спешке не успела даже переменить на платье, прослушивались слабые удары сердца.

– Боже, жива! – прошептал Никита, еле сдерживая рыдания. – Света, пройди туда, включи вытяжной шкаф и вынеси пальто, я видел, оно там, у окна. Потом спускайся вниз. Надо позвонить Бергу.

Они уложили Ингу на кушетку вахтера, укрыли ее пальто, и Никита набрал номер Берга:

– Петр Эдуардович, это я, Никита. Я звоню из института иммунологии. Здесь отравили Ингу, заперли ее в комнате, заполненной парами хлороформа. Можно, я привезу ее к вам? Нет, со «скорой» одна морока. У меня здесь такси. Так мы едем!

Через несколько минут они со Светланой уже вносили Ингу в квартиру Берга. А Олег задержался в машине.

– Сколько с нас? – спросил он шофера, вынимая бумажник.

– Сколько с вас? Вы за кого меня принимаете? Что я, не видел и не слышал, что произошло? Иди к пострадавшей.

И дай Бог, чтобы все хорошо закончилось. А мне совесть дороже.

Берг тщательно осмотрел Ингу, сделал ей какой-то укол, поинтересовался, сколько времени она дышала хлороформом. Никита прикинул время, какое могла затратить Инга на дорогу в институт, и какое затратили они сами до проникновения в загазованную лабораторию, и с уверенностью ответил:

- Минут двадцать, не больше.
- Ну, это немного. А вы убеждены, что это был именно хлороформ, а не что другое?
- Будьте уверены, уж чего-чего, а запах хлороформа я не спутаю ни с чем! – ответила Светлана.
- Охотно верю. А кто, по-вашему, мог провести Ингу в лабораторию и запереть за ней дверь?
- Есть одна такая, бывшая подружка Погодина.
- Того молодого человека, с которым мы имели честь познакомиться в свое время в домашней лаборатории Льва Яковлевича?
- Его самого, – подтвердил Никита.
- Но ведь в случае неудачи их замысла она рисковала быть узнанной Ингой?
- Скорее всего, дело было так, – пояснила Светлана. – После того, как они с бывшей женой Гридина откуда-то позвонили Инге, она спряталась где-то в коридоре. И как только Инга зашла в лабораторию – а она бывала там, – эта особа заперла за ней дверь и незаметно подбросила ключ вахтеру.
- Вполне правдоподобно. И еще вопрос. А почему Инга, входя в лабораторию, не почувствовала запаха хлороформа?
- А его там и не было. Или почти не было. Склянка с хлороформом опрокинулась в тот момент, когда Инга входила в лабораторию. Я нашла ее в открытом вытяжном шкафу. И рядом с ней поломанный штатив, на котором ее, по-видимому, укрепили так, чтобы при малейшем толчке, хотя бы толчке закрывшейся двери, она должна была неминуемо свалиться.
- Вы прямо-таки Шерлок Холмс! – улыбнулся Берг Светлане. – Ну-с, а теперь, друзья, Инге нужен покой, и только покой. Я уверен, все будет хорошо. Можете идти и спать спокойно. А Льву скажи, Никита, что Инга осталась ночевать у нас. Не стоит пока говорить ему всей правды. Да и властям не стоит сообщать об этом. Все это, бесспорно, дело рук Николая Гридина, все остальные – лишь его марионетки. Но, знаете, ворошить навозную кучу...
- Так неужели снова все простить этому извергу?!
- Не беспокойся, мой юный друг, придумаем что-нибудь помимо властей. Анастасия Ивановна поможет. Она мастер па это.

52

Только за два дня до свадьбы собрался наконец Никита навестить Анастасию Ивановну, чтобы пригласить ее на их с Ингой торжество. И не потому, что все последнее время был слишком занят. А потому, что боялся не убедить Кедрову пойти в дом, с которым у нее были связаны самые светлые и самые мрачные воспоминания, в дом, куда по злой воле другой женщины она не смела ступить даже на порог, в дом, где ей предстояло встретиться с самым дорогим, самым, может быть, близким когда-то человеком, с которым она не виделась целых двенадцать лет. Согласится ли она на это? Сможет ли побороть в себе уязвленную гордость и боль незаслуженной разлуки? Решится ли бередить старую, незаживающую рану?

Занятый такими мыслями, Никита медленно поднялся на знакомую площадку четвертого этажа старой пятиэтажки и готов был уже нажать на кнопку звонка, как дверь раскрылась, и из нее вышла... женщина в черном.

Никита в страхе отшатнулся в сторону. «Что это?! Почему она вновь явилась мне? Откуда взялась здесь? Что ей надо?» – молнией мелькнуло у него в голове.

Занятый новой работой в институте и заботами о предстоящей свадьбе, он и думать забыл о загадочной монахине. И вдруг опять встретил ее! Да где, в квартире Анастасии Ивановны Кедровой! Это было настолько удивительно, неожиданно, необъяснимо, что он едва поверил своим глазам. Но таинственная женщина в черном стояла в двух шагах от него. И кроме них двоих на площадке не было ни души. В страшном недоумении и

растерянности Никита попятился назад и прижался к стене, надеясь, что странная незнакомка обойдет его и спустится по лестнице вниз. Но черная монахиня двинулась прямо к нему, подняла руку вверх, устремила на него слезящиеся глаза:

– Позволь мне, сынок, благословить тебя. Позволь воздать благодарность за все, что ты сделал для отца моего и дочери моей. Позволь денно и нощно молиться за благо твое и твоей будущей семьи.

С этими словами она трижды размахисто перекрестила Никиту, поклонилась ему в пояс и только после этого начала медленно спускаться вниз по лестнице.

А Никита как стоял, прижавшись к стене, так и остался стоять, окончательно сбитый с толку тем, что услышал от старой женщины: при чем здесь ее отец и дочь? И почему она должна молиться за благо его самого и его будущей семьи?

И только после того, как внизу хлопнула входная дверь, он словно очнулся и поспешил позвонить в дверь Кедровой, надеясь хоть от нее получить объяснение всего происшедшего.

Однако Анастасия Ивановна встретила его так, будто ровным счетом ничего не произошло, и сразу заговорила об Инге:

– Ну как она, наша девочка? Натерпелись вы, наверное, страху? Берг мне все рассказал.

– Да, пришлось поволноваться. Но все обошлось. Спасибо Олегу со Светой. Только, Анастасия Ивановна, неужели мы снова оставим в покое этого озверевшего партократа?

– Серьезный вопрос... В этом последнем злодеянии к нему не подкопаешься. Но есть у меня одна зацепочка. Один мой бывший сослуживец недавно раздобыл документ большой убойной силы. Оказывается, в свое время наш уважаемый Николай Ефимович настроил донос на одного известного человека, который занял сейчас, после реабилитации, высокий ответственный пост. Так вот, стоит дать ход этому документу... Но это после. А сейчас... Что это ты вроде в растрепанных чувствах? Или еще что-нибудь стряслось?

– Не знаю даже, как вам сказать... Сейчас, когда я только что поднялся к вам...

– А-а, встретил мать Евдокию? Она часто заходит ко мне. Но что это тебя так встревожило?

– Хорошенькое дело – что встревожило! Она словно преследует нас с Ингой, эта женщина в черном. А сейчас вдруг начала благодарить меня за то, что я будто бы сделал что-то хорошее для ее отца и дочери. Я не знал, что и подумать! Вы что-нибудь понимаете во всем этом?

– Сказала, что благодарит тебя за твою заботу об ее отце и дочери? Так и сказала?

– Да. И хочет почему-то денно и нощно молиться за меня и мою будущую семью. Что все это значит?

Анастасия Ивановна долго молчала, будто решала какую-то чрезвычайно сложную задачу. Потом сказала:

– Ну, что же... Видно, пришло время все тебе рассказать, Никита. Итак, слушай. Помнишь, как в прошлый раз ты спросил, любила ли я Льва Яковлевича? Я тогда ничего тебе не ответила. Теперь отвечу. Да, я любила его всю жизнь. С той самой студенческой поры, когда впервые увидела его за университетской кафедрой. А он... Он заметил меня как женщину лишь после того, как ему стало совсем уж невозможно со своей молодой женой-секретаршей. Помнится, я немного говорила тебе об этом. Впрочем, может, и тогда я стала нужна ему лишь как фея-утешительница. Но... как бы там ни было, у нас родилась дочка. Льва Яковлевича это, кажет-

247

ся, не очень обрадовало. Да я понимаю его. Он жил только своей работой, своими исследованиями. Я тоже не могла уделить девочке много внимания. Тоже была увлечена работой, порой сутками не выходила из лаборатории.

Словом, отправила я свою дочку к родителям в деревню. Это было здесь, неподалеку. Поэтому я частенько навещала ее. И баловала сверх всякой меры. Материальные возможности мои это позволяли. Лев Яковлевич тоже не скупился на подарки дочери. И

как-то не подумали мы оба, что только портим ее этим. Дочь выросла бездушной эгоисткой. И в довершение ко всему, не выходя замуж, родила ребенка.

Но это было бы полбеды. Я вырастила бы внучку. Но эта девочка... – Анастасия Ивановна судорожно вздохнула и зажала глаза рукой. – Но эта девочка, Никита, родилась без обеих ног...

Больше она не могла вымолвить ни слова, прижала платочек к глазам и затряслась в беззвучных рыданиях. Никита легонько погладил старую женщину по седым рассыпавшимся волосам, предложил стакан воды. Но она лишь покачала головой и, немного успокоившись, продолжала:

– Так вот, внушка моя родилась уродцем. А дочь не захотела даже взять ее из родильного дома, уехала со своим дружкой куда-то в другой город. Убитая таким несчастьем, вне себя от горя, я бросилась к Льву Яковлевичу, стала просить его помочь девочке, воспользовавшись сделанным им открытием. Мы к тому времени почти закончили работу над соответствующим препаратом и, хотя большая часть испытаний была еще впереди, я верила Льву Яковлевичу как Богу. Лев Яковлевич, естественно, не сразу отважился на столь рискованный шаг. Мы оба понимали, чем может закончиться наша безумная затея. Но горе пересилило страх.

Мы решили забрать внучку к себе и попытаться избавить ее от врожденного уродства. Однако на пути у нас встал закон: в соответствии с существующими правилами ни он, ни я не могли удочерить девочку, ее должны были поместить в специально созданный для таких дефективных детей дом ребенка. Я готова была выть от горя. Но Бог сжалился надо мной. Незадолго до этого Боря, сын Льва Яковлевича, женился на Люсе. И они – святые люди! – согласились взять девочку в свою семью.

– Так это была Инга?! – вскричал Никита, мигом вспомнив, что говорил ему при последней встрече Алекс.

– Да, это была Инга, моя и Льва Яковлевича внушка, которую я полюбила больше, чем родную дочь.

– Вот оно что! Значит, настоящей матерью Инги была ваша дочь?

Анастасия Ивановна лишь молча кивнула головой.

– А отец?.. – несмело спросил Никита, и смутили догадка снова шевельнулась где-то в глубине его сознания. – Он так и не...

– Отец... Какой он отец? – с жаром перебила его Анастасия Ивановна. – И кто знает, где он сейчас, этот проходимец! Вот все, что от него осталось, – она нервно полистала лежащий на столе альбом и указала на небольшую выцветшую фотографию.

На ней были запечатлены два совсем юных создания, беспечно улыбающихся в объектив. Анастасия Ивановна со вздохом откинулась на спинку стула, прикрыла ладонью глаза:

– Кто бы мог угадать, что этим двум студентам-первокурсникам – а они тогда только что поступили на литфак, – суждено будет превратить мою жизнь в сплошную кошмарную трагедию.

– Так это и есть ваша дочь? – сказал Никита, всматриваясь в розовощекую толстушку, в чем-то неуловимо схожую с Анастасией Ивановной. – А это...

Но дальше можно было и не спрашивать. Рядом с дочерью Анастасии Ивановны самодовольно щурил глаза белобрысый паренек, в котором без труда можно было узнать... Алекса. Да, Алекса, того самого Алекса, который с месяц назад покончил все счеты с жизнью и был похоронен в братской могиле под номером 264.

– Его звали Александром? – только и спросил он, кивнув на фотоснимок.

– Да... А ты что, знал этого негодяя?

– Да, я знал его, – ответил Никита. – Только... Только почему вы так неуважительно говорите об этом человеке?

– Неуважительно? А за что я должна его уважать? За то, что он совратил мою дочь, бросил вместе с ней своего несчастного ребенка, а потом и ее саму? И с тех пор как в воду

канул! Ни разу не поинтересовался даже, что случилось с бедной девочкой! Ни стыда у человека, ни совести!

– А вот в этом, Анастасия Ивановна, вы, пожалуй, не правы, – мягко возразил Никита. – Хотите, я расскажу, как встретился с Александром и чем закончились наши короткие встречи?

– Я слушаю тебя.

– Я встретил его возле дома Гридиных всего несколько дней спустя после знакомства с Ингой и, должен признаться, он произвел на меня пренеприятнейшее впечатление. Но йотом... – Никита коротенько рассказал о всех случаях, так или иначе связанных с Алексом, и тихо добавил, – я не знаю, чего здесь было больше, запоздалой любви к дочери или угрызений проснувшейся совести. Но когда в больнице врач-реаниматор передал мне фотографию маленькой Инги – единственное, что хранилось в его карманах, мне едва удалось сдержать слезы. Так что не судите его слишком строго. Анастасия Ивановна надолго задумалась, видимо, снова и снова переживая в мыслях все то, что выпало на ее долю и оценивая то, что только что услышала от Никиты. Но постепенно лицо ее просветлело и она медленно произнесла:

– Ну, что же... Пусть так и будет... Может быть, я действительно была не совсем права в своем ожесточении к этому человеку и рада, что ты вынул из моего сердца еще одну занозу. Спасибо тебе, дружок. Жаль, что всего этого не узнает моя дочь...

– Ее тоже уже нет в живых? – осторожно спросил Никита.

– Она жива, но... Мы еще вернемся к ней, только я доскажу тебе, что случилось с Ингой. Так вот, Борис и Люся удочерили нашу внучку, и она стала первым пациентом академика Гридина. Помнишь, я немного говорила об этом?

– Помню. Но я не мог и подумать...

– Кто вообще мог бы подумать, что первый, наиболее опасный эксперимент мы произведем на самом дорогом нам человечке. Но мы произвели его. И он превзошел все наши ожидания. У девочки выросли самые натуральные ножки лишь с очень небольшим изъяном. Тебе следует знать, что у Инги...

– Я знаю это. Такой пустяк... Она стала мне еще дороже с этой своей маленькой неординарностью.

– Да, это ей не мешает. Второй эксперимент, над мальчиком, был менее удачным. Зато последний, над сыном Бори с Люсей, закончился блестяще. Правда, это и стоило Льву Яковлевичу еще с десяток лет работы. Кстати, как он сейчас, Андрюша?

– Славный мальчонка, смысленный и ласковый. Мы с Ингой решили усыновить его.

– Иного я и не ждала от вас. Ему так необходимы любовь и забота умных, добрых людей. Вот ведь и Коля... – Анастасия Ивановна прислушалась к неясным звукам, доносящимся из соседней комнаты. – Коля! Колюшка, где ты? Дядя Никита пришел.

– Слышу, что пришел, – показалась в дверях смеющаяся мордашка Кольки.

– Что же ты не выйдешь к нему?

– Так вы разговариваете. Как можно мешать?

– Ах ты, хитрюга! А сам даже на улицу не пошел.

– Сейчас пойду, только дудочку свою разыщу.

– Какую дудочку?

– Ну ту, что вчера от дяденьки Вани принес. Ты еще не видела ее.

Колька с минуту повозился в своей комнате и вышел одетый в курточку со знакомым Никите стетоскопом в руках.

– Коля, постой! – остановил его Никита. – Ты, говоришь, у дяди Вани был?

– Ходил вчера. Там, у него, моя дудочка оставалась. А знаешь, дяденька Никита, к нему дочь приехала, большая такая, веселая. Теперь они вдвоем жить будут.

– Я знаю это. А ты скажи, как к тебе твоя дудочка попала?

– Правда, хорошая дудочка? Это мне мамина знакомая монашка подарила.

– Но почему ей вздумалось сделать тебе такой подарок?

– Она сказала, что сама ею когда-то играла, а отдает мне ее потому, что я очень похож на одну девочку. Наверное, на ту девчонку, что у нее пропала.

– Нет, Коля. Ты действительно очень похож на одну девочку. Только совсем другую девочку, которая никуда не пропадала.

– Где же она, эта другая девочка?

– Так она уже не девочка – взрослая девушка, можно сказать, тетя.

– Ты знаешь ее?

– Знаю. И тетя Настя знает. Потому что это ее внучка. Кстати, Анастасия Ивановна, взгляните на эту вещицу.

– Боже, кажется, тот самый стетоскоп! Дайте-ка я на него взгляну. Ну, так и есть: стетоскоп Льва Яковлевича! Это я подарила его лет сорок пять назад своему любимому профессору ко дню рождения. Потом... Потом, помнится, ею очень любила играть наша дочка. Но кто бы мог подумать, что через столько времени он снова вернется ко мне!

– Постойте, Анастасия Ивановна, что же получается? Стетоскоп вы подарили Льву Яковлевичу... Потом он оказался в руках вашей дочери... Но при чем здесь женщина в черном, эта... мать Евдокия? Вы обещали сказать мне, кто она такая, зачем приходила к вам, а сами...

– При чем здесь мать Евдокия? Ты еще не догадываешься? Ну что же, сейчас я доскажу тебе все. Только провожу Колю на улицу.

– А я уже пошел. До свидания, дяденька Никита. Тетя Настя, я тут, во дворе, поиграю.

– Подожди еще минутку, Коля, – сказал Никита, – я ведь тебе тоже небольшой подарочек принес. – Он раскрыл сумку и выложил перед Колькой ярко раскрашенную коробку металлоконструктора.

– Ой, дяденька Никита, – ухватился за нее Колька. – Это мне?! Спасибо тебе большущее. Теперь я всякие машины смогу складывать. Я ведь видел такую штуку у Витьки Грачева с нашего двора. Только он не давал мне ее даже потрогать. Зато теперь уж... А я тебе тоже подарок приготовил.

Колька выскользнул за дверь и через минуту вынес большой лист бумаги:

– Вот, это я тебе нарисовал.

– А что это?

– Ну, не видишь, что ли? Это вот машина такая, нефть из земли выкачивает. А это ты стоишь, показываешь, как надо качать.

– Откуда же ты узнал, что я такими вещами занимаюсь?

– А вон тетя Настя рассказала, я и нарисовал для тебя. А это вот, – Колька положил на стол другой рисунок, – для тети Инги. Это ведь она была той девочкой, на которую я похож?

– Верно. Как ты догадался?

– А я и раньше знал, что мы похожие. Мне тетя Настя говорила. Я ей цветы нарисовал. Она ведь любит цветы?

– Очень любит.

– Я так и думал. Все хорошие тетеньки любят цветы. Ты обязательно отнеси ей эту картинку. Скажи – от Кольки.

– Отнесу, Коля. А теперь иди погуляй. Мы с тетей Настей поговорим еще немного. А потом с тобой конструктором займемся.

– Ладно, я пойду. Только ты не уходи без меня.

– Нет, как можно.

Колька выскочил за дверь. А Никита снова обратился к Анастасии Ивановне:

– Так вот, Коля... Говорили мы с Ингой и о Коле...

– Уж не хочешь ли сказать, что и его вы усыновите?

– А почему бы нет?

– Разве ему плохо здесь, у меня?

– Нет, не плохо. Но ведь на будущий год мальчику в школу. Потребуются официальные документы. Что мы предъявим?

– Ох уж эта официальная бюрократия! – вздохнула Анастасия Ивановна. – Так же было и с Ингой. Ну что же, если вы так решите... Но давай договоримся, что пока это будет только для властей. А жить он останется у меня. Привыкла я к нему, Никита. Поверь, нелегко быть всегда одной.

– Хорошо, Анастасия Ивановна, там видно будет. А с Андрюшей все решено. Как только мы с Ингой поженимся, так сразу подадим заявление на его усыновление. Он, знаете, сразу привязался и ко мне, и к Инге, но... Вам не кажется странным, что в такой сравнительно короткий отрезок времени в одном городе, да что там в одном городе – почти в одной семье сразу два таких несчастья?

– Нет, не кажется. Именно потому, что произошло это, как ты выразился, почти в одной семье. Дело, видимо, в неблагоприятных мутациях какого-то гена или группы генов, мутациях, унаследованных от одного родоначального генотипа, каким является генотип Льва Яковлевича. Недаром в обоих случаях они проявились лишь в третьем поколении.

– Но если так, то не могут ли они проявиться и в последующих поколениях?

– Я понимаю твое беспокойство, Никита. Оно было бы обоснованным, если б речь шла о родственном браке, ну, скажем, браке между Ингой и Андрюшей. Для вас с Ингой это почти исключено. Да теперь и не так страшно. Окончательно разработанная методика Льва Яковлевича, как сказал мне Берг, позволяет произвести необходимое вмешательство в генотип ребенка еще в период его внутриутробного развития. А любые отклонения плода от нормы сейчас устанавливаются еще на стадии беременности. Кстати, в ближайший четверг Лев Яковлевич доложит о результатах своих исследований на расширенном заседании ученого совета института иммунологии. Вот где мне хотелось бы побывать!

– Так в чем дело?

– Ну, как же... Снова увидеться с Львом Яковлевичем?.. Нет, нельзя! Разве посидеть незаметно где-нибудь в сторонке... Но там будет столько наших общих старых знакомых! Ты слышал, конечно, что его пригласили снова возглавить институт?

– Да, я знаю это и очень рад за Льва Яковлевича. Но, Анастасия Ивановна, мы опять отвлеклись, и вы так и не сказали, кто же эта женщина в черном?

– Дойдем сейчас и до твоей женщины в черном, – Анастасия Ивановна вздохнула, снова поникла головой. – Я сказала уже тебе, что наша с Львом Яковлевичем дочь, родив девочку-уродца, отказалась от своего ребенка, бросила университет и уехала с Александром в другой город. И там... Словом, через два года она вернулась. Одна. Больная. Озлобленная. Разуверившаяся во всем и вся. И когда узнала, как сложилась судьба ее девочки и поняла, что потеряла на нее все права, то в порыве отчаяния, в порыве раскаяния за свой легкомысленный поступок попыталась покончить с собой. Я спасла ей жизнь. Но не смогла помочь справиться с угрызениями совести. Да и кто мог бы помочь ей в этом?

Промучившись еще с полгода, она решила уйти из мира, постриглась в монахини, но и там не нашла успокоения и до последнего времени...

– Так это она?!! – вскричал Никита, не дослушав рассказа Анастасии Ивановны. – Та женщина в черном, та монахиня, что благословила меня сейчас, выйдя отсюда, это...

– Да, это она, наша с Львом Яковлевичем дочь, мать Инги, несчастнейшая из женщин, вечная боль моей души...

Анастасия Ивановна надолго замолчала, видимо, уйдя в свои горькие воспоминания. Молчал и Никита, потрясенный всем только что услышанным. И только много минут спустя Кедрова вновь заговорила тихим надломленным голосом:

– Но уход в монастырь не принес ей покоя. Желание хоть изредка, хоть издали взглянуть на свою дочь сделалось для нее своего рода навязчивой идеей. Вот почему вам с Ингой

показалось, что она преследует вас. Все осложнялось тем, что свою несчастную любовь, плодом которой явилась Инга, она считала великим грехом, и когда рядом с Ингой появился ты, она сочла, что такой же грех ждет и ее дочь, что именно таким образом Бог решил покарать ее за то, что она совершила в молодости. Только сегодня я смогла убедить ее, что Инга выходит замуж, и она поверила, что Бог снял наконец проклятье, витавшее над всем нашим родом: ведь я в ее глазах такая же грешница, как она сама. Вот и вся тайна твоей женщины в черном. У нее, как видишь, были все основания поблагодарить и благословить тебя. Я могу только присоединиться к ней: для меня ты сделал не меньше, чем для нее. Что стоит одна твоя схватка с Погодиным и помощь, оказанная Льву Яковлевичу. А теперь вот еще и это покушение на Ингу. Спасибо тебе, дорогой мой! Дай Бог вам с Ингой самого большого счастья.

– А она, Инга, даже не догадывается, кто ее истинные родители?

– Инга не знает ничего ни обо мне, ни о матери Евдокии. И я думаю, ей и не стоит знать обо всем этом, как и об отце своем, умершем Александре, как бы мы ни относились к нему. Достаточно двух несчастных женщин, изнемогающих под муками совести. А эти муки... Но хватит о грустном! Расскажи лучше, как твои дела в институте? Скоро ли ваша с Ингой свадьба?

– Свадьба в эту субботу, Анастасия Ивановна. Я и пришел к вам пригласить вас на это торжество.

– Спасибо, Никита, спасибо, дорогой. Но я, право, в растерянности... Ведь там будет и Лев Яковлевич.

– Конечно. Как же без него!

– Но мы столько лет не виделись...

– Вот и пора вам наконец увидеться. И не украдкой, как вы собирались на этом ученом совете, а прямо, открыто, в кругу всей нашей семьи.

– А как воспримет это он?

– Я думаю... Нет, я уверен, я знаю точно, – он будет рад вам, Анастасия Ивановна. А вы сами? Разве для вас не будет радости в этой встрече?

– Нет, Никита. Я рада, что у Льва Яковлевича все хорошо закончилось, что он снова свободен, что он сможет вновь открыто заниматься своим любимым делом. Я безмерно рада за него. Но в нашей встрече не будет радости. А будет боль. Одна боль...

– И все-таки, Анастасия Ивановна...

– Нет, я приду. Как можно не пойти на свадьбу любимой внучки, но...– Она со вздохом отвернулась, приложила платочек к глазам.

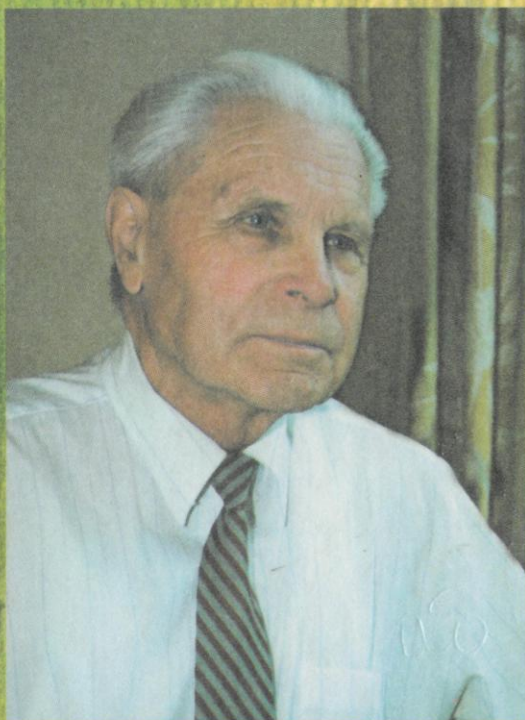
Никита дал ей успокоиться. Потом сказал:

– Анастасия Ивановна, а вашу дочь, мать Инги, не стоит пригласить?

– Нет, Никита, это абсолютно исключено. Мать Евдокия в последний раз посетила меня сегодня. Уверовав наконец, что Бог простил ее, она прямо здесь, при мне, дала обет посвятить себя отныне только Богу. Больше она не выйдет из монастыря, ни разу не увидит ни меня, ни Инги, будет только молиться за всех нас. Так что больше ты не увидишь своей женщины в черном. И я рада, что все так закончилось. Дай Бог, чтобы успокоилась наконец ее страдающая душа.

На глазах Анастасии Ивановны вновь навернулись слезы, и Никита понял, что Бог этой женщины – совсем не то, что Бог Петра Эдуардовича или Льва Яковлевича, и не то, что Бог Селезнева, Олега или Инги. И не то, что Бог его самого, Никиты.

Владимир Владимирович Корчагин родился в 1924 году в Казани. Закончил геологический факультет Казанского государственного университета и почти 40 лет работал доцентом кафедры минералогии КГУ.

В настоящее время он — литконсультант и руководитель секции русской литературы Союза писателей Татарстана.

В.Корчагин — автор десятка научно-фантастических романов и повестей, заслуженный работник культуры Татарстана, лауреат литературной премии им.Г.Державина.